

ВРЕМЕНА И ПРАВЫ

ПРОЗА ПИСАТЕЛЕЙ ПРОВИНЦИИ ГУАНДУН



Коллектив авторов
Времена и нравы (сборник)
Серия «Новый век китайской
литературы», книга 1

Издательский EPUB

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24149712

*Времена и нравы. Проза писателей провинции Гуандун: Гиперион; СПб.;
2017*

ISBN 978-5-89332-286-6

Аннотация

В сборник вошли пятнадцать повестей и рассказов, принадлежащих перу писателей из южно-китайской провинции Гуандун – локомотива китайской экономики. В остросюжетных текстах показано столкновение привычного образа мыслей и традиционного уклада жизни китайцев с вызовами реформ, соблазнами новой городской жизни, угрозами глобализации. Взлеты и падения, надежды и разочарования, борьба за выживание и воплощение китайской мечты – таковы реалии современной китайской действительности и новейшей литературы Китая.

Содержание

Предисловие	5
Времена и нравы	12
Сюн Юйцюнь	12
1	13
2	22
3	25
4	28
5	31
6	35
7	40
8	50
9	54
10	63
11	66
12	72
13	80
14	88
15	94
16	97
17	104
Ван Шиюэ	109
Конец ознакомительного фрагмента.	201

Коллектив авторов

Времена и нравы.

Проза писателей

провинции Гуандун

- © Flower City Publishing House, 2017.
- © Булавкина Ю. Ю., перевод, 2017.
- © Власова Н. Н., перевод, 2017.
- © Завидовская Е. А., перевод, 2017.
- © Занина Е. Ю., перевод, 2017.
- © Колпачкова Е. Н., перевод, 2017.
- © Корнильева Т. И., перевод, 2017.
- © Миронова Т. С., перевод, 2017.
- © Митькина Е. И., перевод, 2017.
- © Мыльников Ю. С., перевод, 2017.
- © Никитина А. А., перевод, 2017.
- © Родионов А. А., составление, перевод, 2017.
- © Родионова О. П., перевод, 2017.
- © Сомкина Н. А., перевод, 2017.
- © Издательский Дом «Гиперион», 2017.

Предисловие

Провинция Гуандун находится на южной оконечности континентального Китая, это один из самых важных китайских регионов, первый во многих сферах.

Площадь провинции на суше составляет 179,8 тыс. кв. км, а еще к Гуандуну относится просторная морская акватория в Южно-Китайском море площадью примерно 419 тыс. кв. км. Длина береговой линии провинции Гуандун достигает 3368,1 км, в Китае в этом отношении она лидирует.

С 1989 г. и до нынешнего дня по объему экономики Гуандун из года в год занимает первое место среди всех провинций, автономных районов и городов центрального подчинения в континентальном Китае. Если бы провинция была самостоятельным экономическим субъектом, то заняла бы 16-е место среди мировых экономик. В дельте реки Чжуцзян находятся многочисленные городские агломерации, это один из наиболее урбанизированных районов мира. Такие ключевые города дельты, как Гуанчжоу и Шэньчжэнь, в экономическом плане уступают лишь Пекину и Шанхаю. А соседи с юга, международные мегаполисы Гонконг и Макао, тоже относятся к культурной зоне Гуандуна, где говорят на кантонском диалекте.

С развитостью экономики связано множество лидерств Гуандуна, например, в объеме экспорта и импорта, числе ин-

тернет-пользователей, объеме торговли электроникой, количестве машин в частном владении и т. д. Однако главное лидерство – в населении. По новейшей статистике, постоянное население Гуандуна вместе с трудовыми мигрантами приближается к ПО млн человек, это первое место в Китае. Более половины китайских эмигрантов за границей – выходцы из этой провинции, то есть и в этом отношении Гуандун лидирует.

Если окунуться вглубь истории, то в 214 г. до н. э. армия Циньского императора объединила гуандунские земли и с того времени культура Гуандуна, выросшая на берегах реки Чжуцзян, стала органичной частью китайской цивилизации, наряду с культурами рек Хуанхэ и Янцзы. По географическим и историческим причинам Гуандун сохранил значительное культурное и языковое своеобразие, здесь сформировалась особая линнаньская¹ культура. Она вобрала в себя местные обычаи, центрально-китайскую культуру и традиции Запада.

В Гуандуне расположены самые древние торговые порты Китая, это одна из колыбелей морского шелкового пути, по которому осуществлялись первые торговые контакты Китая с Юго-Восточной Азией, арабским и западным миром. Гуандун также является местом обмена идеями, здесь были составлены планы свержения в Китае феодальной монархии и

¹ Линнань – исторический регион Китая, где расположены нынешние провинции Гуандун и Гуанси (здесь и далее прим. перев.).

перехода к современному государству. Если же говорить о проведении в Китае политики реформ и открытости, то Гуандун стал передовым рубежом открытости и особой экономической зоной. Социальная и экономическая сфера получили всестороннее развитие, Гуандун превратился в главное окно открытости Китая внешнему миру.

Гуандунская культура отличается большим разнообразием, влияние Юга и Севера Китая, Запада и Востока мировой цивилизации сформировали ее открытый и толерантный характер. Некоторые гуандунские писатели – уроженцы этих мест, другие приехали из всех уголков Китая, поэтому определение «гуандунский писатель» весьма широкое. К ним относятся литераторы, которые происходят из Гуандуна или же прожившие здесь более двух лет. В процессе составления данного сборника мы прочли множество произведений, при этом главным критерием отбора служили литературные достоинства текстов. Мы обращали внимание на то, как под воздействием веяний эпохи гуандунские писатели через литературное творчество проявляют отношение к правде жизни, какие поиски и погружения они производят в мире духовном, и особенно важно, как они понимают и что нового видят в кипящем энергией Гуандуне. Из-за уникального места гуандунской культуры открытие Гуандуна – это и открытие Китая, более того, это открытие современного мира.

При составлении этого сборника мы обнаружили следующие новые черты гуандунской литературы.

Прежде всего, кроме развития местной культуры писателями, рожденными в Гуандуне, отраднo, что и многие писатели-мигранты также прониклись гуандунской культурой, из-за чего в местной литературе все сильнее чувствуется особый линнаньский дух. С началом проведения в Китае политики реформ и открытости Гуандун привлекает больше мигрантов со всего Китая, чем любой другой регион страны. Среди них есть и талантливые писатели, которые привнесли в гуандунскую литературу новые взгляды, содержание и энергетику. Однако раньше литература мигрантов развивала свои собственные сюжеты, рассказывала истории о своих родных местах, другими словами, она еще не обрела духовной связи с той землей, что носила этих писателей, не стала ее плотью и кровью. Теперь же ситуация меняется, идет время, и литераторы-переселенцы пускают здесь все более глубокие корни, местные люди, обычаи и дух отпечатались в их сердцах и стали появляться на страницах их произведений. Ныне их жизнь стала единым целым с линнаньской культурой нового века, а содержание этой культуры, в свою очередь, обрело положительную тенденцию к общему обновлению и росту. Граница между так называемыми «писателями-мигрантами» и «местными писателями» постепенно исчезает, и те и другие торят новые пути в линнаньской литературе и ускоряют переход от «гуандунской литературы» к «литературному Гуандуну».

Во-вторых, это процветание городской тематики и зре-

лость городской литературы. С наступлением нового века социально-экономическое развитие Китая все больше проявляется в развитии городов. Города не только привлекают самый активный экономический капитал и собирают наиболее выдающиеся таланты эпохи, но и давно стали основной силой в созидании и распространении культуры. Современные писатели, особенно молодежь, не только все больше и больше пишут о городах, но и достигают новых глубин в обнажении уникального опыта жизни в современном китайском городе, формируя тем самым новую литературную атмосферу. «Городская литература» более не является лишь определением по тематическому признаку, она превратилась в литературную область, имеющую феноменологическое содержание. Гуандун обладает одним из самых плотных и процветающих урбанистических поясов в Китае. В городских агломерациях дельты реки Чжуцзян, центрами которых являются Гуандун и Шэньчжэнь, постоянное население каждого из этих городов перешагнуло за десять миллионов человек, и они вошли в число крупнейших мегаполисов мира. Именно поэтому нынешняя гуандунская литература более не ограничивается изображением деревенских нравов, а демонстрирует отличительные черты городской литературы. Возьмем, например, некогда горячо обсуждавшуюся «гастарбайтерскую литературу», она ведь тоже городская по своей сути, ее критический посыл и размышления адресованы городской жизни, переживающей модернизацию. Или вот, когда многие

литераторы пишут о трудностях и надеждах, связанных с жизнью в городе, то нам уже не встретить в их текстах большого и целостного образа города, городская жизнь воплощена в деталях их произведений. Можно сказать, что в изображении глубинных отношений между людьми и жизнью в городе гуандунская городская литература с каждым днем набирает зрелость. Сегодня она идет в авангарде китайской литературы как по числу произведений о городе, так и по их качеству.

В-третьих, в Гуандуне обращает внимание стремительный подъем поколения молодых писателей. Не менее половины объема всего здешнего литературного творчества занимают произведения авторов, родившихся в 1970-е и 1980-е гг., они стали главной силой гуандунской литературы. Кто-то из молодых литераторов родился в Гуандуне, кто-то прибыл сюда на учебу, кто-то приехал работать, но для всех них, независимо от места рождения, Гуандун, безусловно, стал родным домом. И в этом их кардинальное отличие от писателей предыдущих поколений – у молодежи гораздо глубже чувство родства с этой землей. Это говорит о том, что такой экономически развитый регион, как Гуандун, все заметнее обретает собственную культурную субъектность. Мы видели, как вслед за стремительным развитием Интернета традиционные бумажные СМИ оказались под ударом, а культурное пространство чистой литературы беспрецедентно сжалось, это вызов, с которым литературное творчество столк-

нулось в мировом масштабе. В такой сложный, неоднозначный и переменчивый момент мы замечаем, что литературная традиция продолжается в молодежи, и верим, что новой истории литературы непременно быть.

Объем данной антологии ограничен, и мы приложили огромные усилия, чтобы включить в нее как можно больше авторов. Тем не менее трудно избежать упущений, мы просто обречены оставить за бортом некоторые жемчужины. Впрочем, нашей изначальной целью и не было издание «исчерпывающего сборника», да мы и не верим в возможность существования подобного издания. Достаточно будет и того, если эта книга станет бакином в море литературы, своеобразным мостом для культурных контактов наших стран, справочником и навигатором для российских читателей в познании Гуандуна, понимании Китая, знакомстве с живущими здесь людьми, которые, как и россияне, рождаются и умирают, любят и терзаются страстями.

*Союз писателей провинции Гуандун, Институт Конфуция в
Санкт-Петербургском государственном университете*

Времена и нравы

Сюн Юйцунь Без гнезда

Отец Го Юня, Го Жуйжэнь, собирался отвезти прах сына в холщовом мешке домой, в деревеньку Хуанбаобао в уезде Наюн, что в провинции Гуйчжоу. Его разум переполняли сомнения; внутри многоэтажки голова шла кругом, Го Жуйжэнь потерялся – как это здание вообще возвели таким высоким? За те четыре дня, что он в своей новехонькой желтой фуражке и поношенных армейских ботинках бродил по улицам Гуанчжоу, не удалось увидеть и лоскута полноценного неба.

Месяц назад Го Юнь вернулся отсюда в Хуанбаобао, он хотел построить в родной деревне дом, всего-то в один этаж, но даже на единственный этаж и то не хватило денег, накопленных с заработков за шесть лет. Ради дома пришлось снова поехать в Гуанчжоу работать.

Отец и сын прибыли в Гуанчжоу с разницей всего в семь дней. Семь дней назад Го Жуйжэнь посадил сына на пассажирский автобус дальнего следования до административного центра Гуйян, и они договорились, что сын вернется на

Праздник весны. Неделю назад Го Жуйжэню знакомы были лишь только названия Гуанчжоу и Шэньчжэня, он время от времени фантазировал, как выглядят эти места, но Го Жуйжэнь, двадцать, а то и тридцать лет не покидавший родной деревни, и подумать не мог, что сам побывает в этих городах. В Гуанчжоу его привело известие о смерти сына.

Го Жуйжэнь бродил по улицам Гуанчжоу, но не мог отыскать следов сына. Как сын мог навеки сгинуть в этом незнакомом месте? Он и правда никогда уже не вернется? И уж совсем не получалось принять тот факт, что сын – убийца!

Второго сентября в начале седьмого утра Го Юнь сошел с поезда № 1320 на вокзале Гуанчжоу. А в половине одиннадцатого случилась трагедия. После того как третьего сентября в прессе появилась заметка на эту тему, Гуанчжоу потрясла страшная новость, многомиллионный город усомнился: нормальный человек, зачем он кого-то убил, да еще и с собой покончил?

В жизни невозможно предсказать удачи и несчастья – вряд ли перед смертью Го Юнь задумывался над этой фразой. Казалось, ничто не предвещало несчастья, хотя от беды и гибели его отделяло всего три часа.

1

Го Юнь вернулся домой. Стояла такая тишина, что аж в ушах легонько шуршало. Привыкшие к городскому шуму

уши сразу даже не могли приспособиться к деревне. В поле зрения – ни одного движущегося объекта, только множество горных пиков. Известняковые горы тянулись вверх, совсем как в детстве, хотя этот мир претерпевал бесконечное число перемен, но словно бы никогда и не менялся. Вот только Го Юнь стало казаться, что мир стал куда ниже, чем раньше. Знакомые с детства вещи, когда вырастаешь, – а особенно если уезжаешь в дальние края, а потом возвращаешься, – кажутся намного ниже. Когда он сидел на пороге родного дома и смотрел вдаль на эти горные пики, его отец Го Жуйжэнь вошел в ворота, неся на спине большую плетеную корзину с картофелем. Го Юнь так и просидел на пороге все утро. А на камфорных деревьях жарко стрекотали цикады, то громче, то тише.

Но по сравнению с высотками в Шэньчжэне эти горы просто сущая ерунда. Го Юнь вспомнил, как впервые приехал в Шэньчжэнь: стоило выйти из автобуса, как черная тень небоскреба полностью накрыла его, а ведь небоскреб был от него очень далеко, на другой стороне большой площади. Тень от небоскреба поднималась над землей, отчего бетонная площадка светилась мрачным голубоватым светом. Го Юнь поднял голову, а в мозгу смутно всплывали образы гор в родном краю. Какая из тех известняковых гор выше небоскреба? Го Юнь стоял в его тени, ожидая Ван Футяня, с которым вместе учился в средней школе.

Ван Футянь – такой же сельский житель, как и Го Юнь,

но, не пробыв в городе и пары дней, стал презирать деревенских. Го Юнь изначально тоже мечтал стать городским, но, проработав в городе пару-тройку лет, понял, что с его способностями городским и вовек не стать. Он признал, что в душе он деревенский, а город – всего лишь временная среда обитания; он, словно птица, строит гнездо в родном лесу, а в город прилетает лишь в поисках пропитания. Ищет пищу, а сам ежечасно думает о своем гнезде. На чужбине его обижают, кормят никуда не годной едой, но он все стерпит, потому что стоит вспомнить об уютном гнездышке, и окружающая действительность воспринимается как нечто временное – перетерпишь, и все пройдет. В его воображении детство становилось все лучше и лучше, а гнездышко в Хуанбаобао – все прекраснее и прекраснее. Он постоянно выискивал плюсы в деревенской жизни и минусы в городской, и на душе становилось так хорошо.

Этим утром он вырвался из бетонных джунглей Шэньчжэня и вернулся в свое гнездо, но почему-то не перестает думать о городе.

При мысли о Шэньчжэне Го Юнь тревожился. Он приехал домой десятого августа, а сегодня какое число? Он крикнул: – Пап, сегодня какое число?

Никто не ответил, и Го Юнь крикнул еще раз. Из комнаты донеслось:

– Откуда мне знать?! Вроде бы двадцать шестое по лунному календарю.

Зря только спросил. Разве ж Го Юнь разбирался в лунном календаре? Тогда он решил спросить у своей девушки, открыл мобильник-раскладушку, позвонил на ее номер с тарифом «М-зона». В трубке раздалось три гудка, а потом зазвучал приятный голос его подружки Ян Пин, которая спросила, как у него дела. Из-за этого вопроса Го Юнь еще сильнее занервничал. Уставившись перед собой, он спросил, какое сегодня число, а Ян Пин ответила вопросом на вопрос:

– Почему ты спрашиваешь, какое число? Ты уехал девять дней назад. Место под дом присмотрел?

Го Юнь замешкался с ответом, но тут его мать, Лун Шаньин, позвала обедать, и он буркнул:

– Готова планировка участка, сейчас ищем выходы. Будут новости – сообщу. – Договорив, он со щелчком закрыл телефон.

Го Юнь понимал, что дом возвести не получится. Мало того что с участком под строительство ничего пока не вышло, так и на строительство недостает нескольких тысяч юаней. Он-то думал, что денег, заработанных тяжким трудом вдали от родной деревни, хватит, чтобы построить одноэтажный домик, но даже не подозревал, что, пока он был на заработках, цены успели вырасти в два раза. Когда Го Юнь услышал озвученную каменщиком смету, то словно из жаркого полдня мигом рухнул в ледяной погреб. Го Юнь смотрел на этого каменщика с реденькими усиками; когда он вошел в помещение, то смотрел на каменщика свысока, сейчас

же Го Юнь словно бы уменьшился в размерах, и казалось, что, лишь подобострастно глядя снизу вверх, он сможет добиться своего. Он услышал свои слова:

– А можно еще чуть подешевле?

Голос был тоненьким и слабым, да и дыхание стало прерывистым. Каменщик приходился семейству Го дальним родственником. Его тоненькие усики затрепетали, но рот долго-долго не открывался. Го Юнь пристально смотрел на реденькие усики и ждал, когда же каменщик откроет рот.

– И так уже дешевле некуда. Чтобы снизить цену, можно разве что не белить стены и не заливать бетонный пол.

Каменщик снова посчитал, поднял голову и озвучил цифру. Настал черед Го Юня считать – ему нравилось делать это с закрытыми глазами, – а когда он открыл глаза, то сумма была готова: как ни крути, а все равно не хватает четырех-пяти тысяч юаней.

Низенький дом из красного кирпича, в котором обитала семья Го, давно обветшал до ужаса. Даже хуже, чем времянки, в которых жили городские бродяги. Когда на улице дул сильный ветер, то и в комнатах гулял ветерок, а когда лил сильный дождь, то и в комнатах накрапывал дождик. Кирпичам словно бы тошно было рядом друг с другом, они расползались, образуя щели толщиной с большой палец. Когда Го Юнь смотрел на красные кирпичи, почерневшие от прикосновения бесчисленного количества рук, у него на сердце кошки скребли. Девушка дала зарок, что, пока Го Юнь не

отстроит дом, она сюда не приедет. Пока не будет дома, она за него замуж не пойдет. Он бросил работу в надежде спокойно вести нормальную семейную жизнь. Но от мечты его отгородили несколько тысяч юаней.

Только-только вернувшись домой, он оживленно общался с Ян Пин, обмен эсэмэсками не прекращался ни на минуту. Го Юнь скучал по девушке, иногда он уходил на кукурузное поле на краю деревни и звонил ей, говорил всякие слезливые глупости. Хотя баланс на телефоне сложно было поддерживать, но Го Юнь целыми днями словно бы ошалевал, как наркоман в ломке. Иногда любовь – это своего рода болезнь; когда он слышал голос Ян Пин, становилось лучше, сердце успокаивалось.

Прошло всего несколько дней, но Го Юню казалось, что он вернулся уже давным-давно. В деревне Хуанбаобао остались только старики и дети, вся молодежь разъехалась на заработки, собаки лаяли при виде Го Юня; он свистел, махал им рукой, но злые псы не покупались на уловки и признавали в нем чужака. А ведь раньше Го Юнь кормил собак, и какая псина в деревне тогда не виляла хвостом при его приближении. Он вернулся в деревню уже несколько дней назад, но псы по-прежнему считали, что от него исходит опасность, и проявляли все ту же бдительность в отношении него. Го Юнь разозлился, поднял камень и швырнул; собачья свора с лаем убежала, но не то чтоб далеко, всего на пару десятков метров, и, вскоре вернувшись, продолжила облаивать его гром-

че прежнего.

Выходил кто-то из стариков или детей, видел, что это Го Юнь, прикрикивал на собак, и те послушно убегали по своим делам, а Го Юню было очень неловко.

Он проходил мимо чужого двора, там курица разгребала лапой землю в поисках пищи; скорость, с которой Го Юнь мчался, так ее напугала, что она раскудаhtалась и, размахивая крыльями, унеслась в сторону. Го Юнь понял, что его взмыленный вид слишком уж отличается от неспешных передвижений деревенских жителей. Он ощутил, что и впрямь изменился, так изменился, что потерял даже интерес к тому, чтобы переброситься парой фраз с родными тетками-дядьками. Если человек его сам спрашивал о жизни на чужбине, Го Юнь отвечал предельно коротко и от дальнейших разговоров уклонялся. Разговор – это ведь своего рода душевное состояние, клеится только тогда, когда у обоих собеседников одинаковые намерения. Не то чтобы Го Юню не хотелось поболтать, когда встречался подходящий человек, он с радостью и болтал, и смеялся, но почему в деревне даже поговорить было не с кем?! Раньше в деревне его все радовало, он не чувствовал себя чужаком! Но почему, вернувшись, он испытывает такое одиночество? Вроде как сам себя сделал чужаком, постоянно смотрит на все глазами стороннего наблюдателя. Го Юню это очень не нравилось, городские всегда поглядывали на деревенских свысока, с чувством собственного превосходства, почему же он и сам стал так смотреть на

собственных односельчан? Вдали от родного края Го Юню нравились хиты, в которых пелось о тоске по родине, он пел эти песни, а потом словно бы и тоска уже не так сильно изводила, но, вернувшись домой, он по-прежнему ощущал «тоску по родине», вот только другого толка, он и сам не мог описать это чувство.

Ян Пин по телефону сказала Го Юню, что уже готова уволиться, и как только установят несущую балку, так она мигом приедет, но после разговора с каменщиком их «горячая линия» потихоньку остыла. Иногда Го Юнь ходил в поле помогать отцу копать картошку и оставлял мобильник дома, не хотел брать с собой. Словно бы так огорчения становились от него чуть дальше.

В полдень мать приготовила картошку со свининой, аромат разносился от дома на большое расстояние, даже собаки и те поняли, что сегодня на обед мясо. Го Юнь почуял аромат, и на душе стало тепло. В детстве каждый раз, когда он улавливал этот запах, то понимал, что наступает какой-то праздник. Но какой же праздник без мяса? Если уж на то пошло, то после его возвращения миновало несколько праздников, и мясо они ели чуть ли не через день. Родители кормились с собственного поля в несколько mu^2 тощей земли, им едва хватало на пропитание, а деньги на масло и соль наскребали уже с трудом. Мясо ели лишь раз в месяц. Это родители в виде исключения баловали сына, а он мучился

² Mu – китайская мера площади, равная приблизительно 0,07 га.

угрызениями совести, что не может хоть чуть-чуть облегчить старикам жизнь, считал себя бестолковым. Когда вернулся, то с порога сунул матери три тысячи юаней. За те шесть лет, что жил на юге, Го Юнь не слишком-то хорошо исполнял свой сыновний долг, каждый раз, когда приезжал, родители брали у него сотню-две юаней, все ворчали, чтобы он накопил денег да женился. По деревенским меркам считалось, что в его возрасте давно уже пора обзавестись семьей. В этот раз он не поехал на заработки и разово отдал родителям внушительную сумму, чтобы тратили потихоньку и им не приходилось больше думать о самых насущных тратах. Го Юнь хотел, чтобы они удивились, сколько зарабатывает их сын. Хотел во что бы то ни стало проявить сыновью любовь.

А еще он купил матери красный жакет, пару красных пластиковых шлепанцев, вдобавок в Гуйяне приобрел большую упаковку стирального порошка, а двум племянникам купил фруктовое печенье и учебные принадлежности. Добравшись до столицы уезда Наюн, вспомнил, что ничего не приготовил отцу, завернул с полдороги на рынок и выбрал желтую военную фуражку и желтые армейские ботинки.

Го Юнь редко приезжал домой, всего раз в два-три года, жалко было тратить деньги на дорогу, обычно гостил пару дней и обратно, чтобы пораньше вернуться на работу и побольше заработать. У родителей за него болело сердце. В первый же день мать зарезала курицу. В этот момент Лун Шаньин позвала его погромче:

– Сына, сына, кушать иди! И брата позови!

Старший брат Го И жил по соседству. Го Юнь лень было двигаться, и он заорал во всю глотку:

– Братишка! Мама тебя обедать зовет!

С той стороны забора никто не ответил. Брат еще не вернулся с поля.

Го Юнь-то думал, что он шесть лет пахал, скопил денег, и когда вернется в Хуанбаобао, то, наверное, не будет влачить нищенское существование, как раньше. Он ведь даже в средней школе не доучился, поскольку не потянуть было плату за обучение, а потом родители наскребли денег, и Го Юнь заканчивал школу с ребятами, которые были младше него на два года. Без денег старшая школа тебе не светит. Го Юнь вернулся домой помогать отцу в поле. А сейчас он отработал шесть лет, а все равно не может начать новую жизнь. Любимая женщина, вероятно, бросит его из-за этого. Она так надеялась обзавестись собственным домом, а у Го Юня ничего не получилось. Может, сказать ей правду? Нет! Нужно в последний раз приложить усилия. Он не готов ее потерять.

2

Го Жуйжэнь увидел сына – тот лежал в стеклянном ящике, с лица давно схлынули все краски, тело окоченело. Сперва на койке никого не было, работник морга нажал переключатель, и только тогда выехал Го Юнь, покрытый белой про-

стыней.

В зале № 1 словно бы всегда царила тишина, за которой скрывалось ожидание – ожидание плача. Необъятная тишина – огромный кровожадный зверь, а «кровь», которой он питается, – это, несомненно, рыдания, внезапно извергающиеся в этой большой и пустой комнате. Хотя в зале ярко горело искусственное освещение, но Го Жуйжэня не покидало ощущение полумрака.

Как только Лун Шаньин увидела сына, ноги ее обмякли, женщина рухнула на колени на твердую, холодную керамическую плитку и завывала в голос. Ее плач кружился по залу; пустой, одинокий, внезапный и неприкаянный, он метался внутри, словно буйвол, оказавшийся в городе. Это тихое место отродясь не сталкивалось с такими разнузданными рыданиями. Лу Шаньин всхлипывала и кричала, звук напоминал хлынувшую лавину воды, не поддающуюся контролю. Женщина протягивала руки, хотела дотронуться до тела сына, но ладонь наталкивалась на твердое ледяное стекло.

– Сыночка! Мама пришла на тебя посмотреть! Проснись! Посмотри на маму!

Твердое ледяное стекло не пропускало ее плач.

Го Жуйжэнь нахмурился так, что складка между бровями напоминала гору, глаза моментально стали как у дряхлого старика. Сначала он пристально посмотрел на лицо Го Юня, потом взгляд медленно скользнул по труп, и Го Жуйжэнь пробормотал себе под нос:

– Да, это мой сынок Юнь, у него зубы вот такие, левый верхний клык торчит.

Затем Го Жуйжэнь рухнул на пол, не в состоянии больше стоять...

Это не сон. Через неделю после отъезда Го Юня из родной деревни Хуанбаобао родители отправились следом в Гуанчжоу, чтобы в местном морге увидеть мертвого сына.

В тот день сгустился туман, шелестел дождь, природа нахмурилась. Они проснулись спозаранку. Лун Шаньин надела серую куртку. Муж старшей сестры Го Юня, Чжан Тун, Лун Шаньин и сам Го Жуйжэнь знали, что им предстоит отправиться в морг на опознание.

Проснувшись, они не разговаривали, завтракать никто не стал. Сначала они поехали в полицейский участок Тяньхэ³. Чжан Туну очень быстро удалось получить документы на опознание – Го Юня разрешалось увидеть только на основании этой бумажки. Чжан Тун сунул ее во внутренний карман рубашки.

Всю дорогу они молчали. За окном машины свистел ветер. Шум множества автомобилей на оживленной улице склеился в единое целое, словно жвачка, и уже не разлеплялся. Лун Шаньин подняла стекло и обессиленно прижалась к нему головой. Го Жуйжэнь сидел рядом, зажмурившись. Звук по-прежнему жужжал в салоне, занимая все пространство.

³ Тяньхэ – район города Гуанчжоу.

Здание морга располагалось на пустыре, нужно было миновать большую зеленую лужайку, а за ней тянулось серое круглое здание, войдя в которое попадаешь в похоронное бюро, а рядом магазин погребальных товаров, заваленный венками, траурными одеяниями и урнами. Чжан Тун оформил все, что требовалось, и они перешли в зал номер № 1, причем стариков вели под руки десять ступенек вверх.

Все работники морга ушли на обед. Они просидели на скамейке перед входом двадцать минут, после чего массивная дверь со скрипом открылась, и изнутри раздался голос: – Родные Го Юня!

Го Жуйжэнь и Лун Шаньин поспешно вскочили, им и в страшном сне не могло привидеться, что встреча с сыном состоится в стенах этого заведения. В доселе невиданном огромном сером помещении были лишь три их одинокие фигуры, пустота и тишина зала тут же поглотила их. Они словно бы попали в сокровенное царство снов.

3

Го Юнь впервые увидел Ян Пин у нее в общежитии. Одноклассник Ван Футянь встретил его на автовокзале и отвел на завод компьютерной техники в районе Наньшань⁴. Ян Пин тоже там работала. Оказалось, что они земляки, приехали из

⁴ Наньшань – портовый район Шэньчжэня, центр высокотехнологических отраслей промышленности.

гуйчжоуского уезда Наюн. Два года назад Го Юнь на Новый год вернулся домой и встретил Ван Футяня, который тоже приехал на праздники. Го Юнь к тому моменту уже четыре года в Кайпине⁵ каждый месяц получал несколько сот юаней, а вот Ван Футянь получал в Шэньчжэне больше тысячи. Решено было, что после Нового года Го Юнь в Кайпин не вернется, а переедет в Шэньчжэнь.

В тот день он вышел из автобуса и стоял в тени небоскреба, и тут кто-то толкнул его сзади. Го Юнь узнал Ван Футяня, обрадовался и хотел было схватить одноклассника за предплечье, но тот аккуратно увернулся. Поднятая рука Го Юня зависла в пустоте, а через некоторое время он согнул руку и поправил волосы, потом улыбнулся Ван Футяню:

– Спасибо.

Ван Футянь протянул правую руку и схватил холщовый мешок за одну ручку, а Го Юнь взялся за другую и зашагал вслед за Ван Футянем в глубину тени от небоскреба.

Ему хотелось задать Ван Футяню кучу вопросов, но тот явно был не слишком настроен разговаривать, поэтому Го Юнь шел за ним молча. Ван Футянь вывел его к пешеходному переходу, перешел дорогу по зебре, а потом повел на надземный пешеходный переход.

Черный небоскреб маячил сбоку, меняясь внешне, одна сторона его казалась выпуклой, а вторая – вогнутой. Рядом без конца шли люди, выражения их лиц были тусклыми,

⁵ Кайпин – район города Цзянмэнь в провинции Гуандун.

непонятно, то ли они радовались, то ли грустили, и мало кто разговаривал. Слышен был только гул проезжающих автомобилей да скрип тормозов, когда переключался светофор. Клаксоны тоже онемели. Все вместе двигались, вместе оставались, но никто не гудел.

Го Юнь показалось, что Шэньчжэнь все-таки отличается от всех остальных виденных им мест – на улицах чистота, и небоскребы один выше другого. Темные высотки стояли вплотную друг к другу – и промежутка не найдешь, и вдруг перед Го Юнем возникло еще более высокое белое здание. Го Юнь оторопел от восторга, но, глядя на ничего не выражающее лицо Ван Футяня, тоже напустил на себя равнодушный вид.

Среди этой роскошно одетой толпы Го Юнь ощутил, что его одежда слишком грязная, да еще и помялась за время поездки в автобусе; на холщовый мешок, который он носил уже года два или три, столько раз наступали, что он стал неряшливее, чем содержимое местных мусорных урн, которые попадались по пути.

Небоскребы практически загородили собой небо, внутри сверкали искусственные лампы. Люди, шедшие навстречу, шарахались в сторону, Го Юнь только сейчас понял, что они вовсе не уступали ему дорогу из вежливости, им не нравилось, что Го Юнь грязный, прохожие боялись испачкаться об него. Го Юнь тут же осознал, что ворвался в другой мир, незнакомый и богатый, а он такой маленький и ничтожный, и

почувствовал, как внутри в такт дыханию растекается смутный ужас.

Наконец они добрались до автобусной остановки и сели на автобус до Наньшаня. На улице стемнело. Одновременно зажглись уличные фонари.

А за ужином он познакомился с Ян Пин. Она показала Ван Футяню и Го Юнь, где перекусить. Когда Го Юнь добрался до завода, тот уже закрылся, и столовая тоже. А Ян Пин ждала их у входа в общежитие.

4

Го Жуйжэнь слышал, как журналист говорил, что у Го Юня была девушка, но сын никогда при нем не упоминал о ней. Отец оцепенел, полдня думал: как же так, сын каждый день торчал под боком, почему же он не в курсе его дел? Однажды Го Жуйжэнь видел, как сын в огороде звонит по телефону, но тот стоял спиной, а когда вернулся на веранду, то в глазах блестели слезы. Отец тогда встревожился. А потом еще раз на кукурузном поле, когда шел пасти коров, отец увидел, как сын на меже с кем-то говорит по телефону. Го Жуйжэнь окликнул его, но тот не слышал, отец снова позвал сына – Го Юнь уже повесил трубку и спросил, куда отец пойдет пасти коров. Го Жуйжэнь ответил, что идет к обрыву впереди. Го Юнь сообщил, что ему нужно в уездный город встретиться с одноклассником. Го Жуйжэнь тогда

решил, что и телефонный звонок был от одноклассника. Он прикрикнул на вола, велел сыну пораньше возвращаться вечером и двинулся дальше.

Почему он не рассказал родным о девушке? Ведь Го Жуйжэнь спрашивал несколько раз. Его племянница, Го Цзин, зашла в гости и сказала, что у дяди появилась девушка. Лун Шаньин спросила, откуда такие слухи, на что Го Цзин ответила, что рассказали земляки, работающие на юге. После ужина мать отозвала сына в сторонку и спросила:

– Сына, Го Цзин говорит, что у тебя девушка появилась. Почему не расскажешь маме?

На это Го Юнь ответил:

– Мам, не слушай ты эту ерунду, денег у меня нет жениться, где уж мне подружек заводить?!

Лун Шаньин вздохнула:

– Я знаю, что тебе трудно. Если появится девушка, ты от мамы не скрывай. Расскажи нам.

Этот разговор краем уха слышал Го Жуйжэнь.

Сидя в гуанчжоуской гостинице, Го Жуйжэнь, закрыв глаза, размышлял; размышлял и кое-что припоминал. В мозгу всплывала новая деталь. В тот день вечером он вышел на улицу по нужде и услышал, как Го Юнь разговаривает во сне. Сначала отец не придавал этому значения, лег обратно в постель, но сын говорил все более порывисто: «Пин, Пин, Пин... не уходи... я не могу без тебя... жить... Пин, Пин, не уходи». Сын расплакался. Го Жуйжэнь окликнул его. Го

Юнь замолчал, видимо проснулся. Го Жуйжэнь решил, что сыну приснился кошмар. Он слишком сильно устал за день, так что вскоре уснул, хотел на следующее утро спросить, что снилось Го Юню, но забыл.

Го Жуйжэнь горестно вздохнул про себя. Что ж он такой невнимательный? Он вспомнил события другой ночи. Его тогда разбудил какой-то шорох. Он открыл глаза и увидел, как какой-то человек открыл входную дверь и вышел. В Хуанбаобао отродясь не было воров. Го Жуйжэнь решил, что сын пошел в туалет. Ночь была ясная, очертания гор видны как на ладони. Го Жуйжэнь провалился в сон и не слышал, вернулся сын или нет. А когда снова скрипнула дверь, то он даже не понял, как долго сын отсутствовал.

На следующий день все повторилось. Когда Го Юнь вышел, то Го Жуйжэнь увидел лунный свет, пробивавшийся через дверную щель. Но в этот раз он проснулся. Сына долго не было. Го Жуйжэнь встал. На веранде никого. Кругом такая тишина, что аж жутко. Лишь время от времени доносится издалека собачий лай. Го Жуйжэнь позвал сына. Ответа не последовало. Он прошел вдоль водосточной канавы с одной стороны дома и вроде как услышал чей-то плач, но звук быстро стих. Он был даосом и верил в существование потустороннего мира, а потому быстро прочитал мантру. Затем снова поднял голову, увидел, что на мостике впереди кто-то сидит, и позвал:

– Сынок!

Человек отозвался. И впрямь оказалось, что это Юнь. Го Жуйжэнь тогда удивился, спросил, почему сын не спит и убежал на улицу. Го Юнь отвечал, что в доме слишком жарко, а на улице прохладно, он вышел остудиться. В тот день и правда стояла удушливая жара, так что Го Жуйжэнь поверил. Они перебросились еще парой фраз, а потом Го Жуйжэнь поторопил сына, чтоб тот шел домой, но Го Юнь не согласился, хотел еще немного проветриться в одиночестве. Го Жуйжэнь велел не задерживаться, а сам вернулся домой.

Неужели тогда Го Юнь так тихо, но горько плакал?!

5

Отношения между Го Юнем и Ян Пин были самыми заурядными. Сначала Го Юнь был непарной пташкой, одинокой, подавленной, да еще и напуганной. Ян Пин относилась к нему теплее остальных земляков. По вечерам с готовностью болтала с ним, а иногда они выходили прогуляться. Го Юнь разбирался в компьютерах и водил девушку в компьютерный клуб, учил ее выходить в Интернет, печатать иероглифы в системе «Уби»⁶. Потом на заводе, чтобы как-то скрасить будни сотрудников, тоже открыли свой мини-компьютерный клуб, где можно было выходить в Интернет, и они переместились туда.

На площади в Наньшане каждый вечер собирался народ:

⁶ «Уби» – система ввода иероглифов по пяти начальным чертам.

люди танцевали прямо под открытым небом, участвовали в караоке-боях, здесь же расставляли лотки с различными книгами и прессой, за вход нужно было заплатить три юаня. А на краю площади поставили телевизор и музыкальный центр, там за три юаня можно было спеть песню. Го Юнь пару раз водил туда Ян Пин, а еще они ходили в европейский ресторан пить кофе и вместе учились кататься на коньках.

Только когда Го Юнь перешел на другой завод, Ян Пин обнаружила, что не может без него. Го Юнь каждый день к ней навещался. Тогда их отношения окончательно оформились. Го Юнь полушутя-полусерьезно спросил, выйдет ли она за него. Ян Пин без особых раздумий кивнула и промычала «угу». В тот вечер они пошли в парк, там на траве Го Юнь сгреб девушку в охапку, его руки шарили по ее спине, а дыхание стало тяжелым. Он уловил странный аромат. Тепло словно было под напряжением, все кровеносные сосуды налились кровью. Его рука, дрожа, скользнула ей в вырез. Ян Пин закрыла глаза, пара заек отдались на милость охотнику, рука которого, словно факел, воспламенила ее, и все тело девушки охватил пожар, она ощутила удушливый жар, ей хотелось стонать. И в этом бушующем огне Ян Пин принесла себя в дар.

Два одиноких беспомощных человека только и могли, что греться друг о друга. Го Юнь, обнимая ее, почувствовал: то место, где он сидел, теперь принадлежало ему, в этом городе оно стало его «уголком». Ощущение неприкаянности пере-

стало быть таким сильным. Он глубоко вдохнул благоухание травы и листвы и впервые почувствовал вкус близости. Это было счастливое переживание.

За полгода в Шэньчжэне у него ни разу не было ощущения, что какая-то вещь ему принадлежит. Даже маленький гвоздь на обочине и тот не имел к нему отношения, на всем было выгравировано незнакомое название «Шэньчжэнь». А Го Юнь словно бы постоянно сопротивлялся – сопротивлялся всему, что его окружало, вплоть до того, что сам себя изолировал. Он видел, как другие люди едят в залитых светом ресторанах, как они мчатся на такси, как они, одетые по моде, поспешно проходят мимо, и аромат духов разносится по ветру; он чувствовал, что живет в другом, далеком от их жизни мире. Он пошел в магазин; любой флакон туалетной воды стоит, как его месячная зарплата, если один раз поесть в ресторане и заказать при этом четыре-пять блюд, то ему потом придется вообще не есть и не пить двадцать дней, чтобы отбить эти деньги. Когда на улице от голода начинал бурчать живот, Го Юнь все равно не шел в бистро; когда горло пересыхало от жажды, он не покупал себе бутылку минералки – жалко было денег. Пускай в кармане и лежали деньги, но Го Юнь постоянно ощущал себя нищим. Таким нищим, что даже страшно. Он мертвой хваткой сжимал деньги в кармане, словно утопающий соломинку. Он всего лишь празднично шатающаяся в этом огромном городе тень, никто не смотрит ему в глаза, он лишний, этот мир давно уже его отверг. Только

сжимая деньги, Го Юнь чувствовал, что у него есть силы идти, только так понимал, где он. Каждая сэкономленная сумма — плюс к его безопасности и утешению. Он тратил деньги только с Ян Пин, не мог позволить, чтобы девушка смотрела на него свысока. Но каждый раз, когда он тратил деньги, то напрягался так, словно из него выходил холодный воздух, словно из него выкачивали кровь.

Ян Пин заботилась о нем, любила его, с готовностью слушала рассказы о доме, сама рассказывала о детстве. Она была его благодетельницей, рядом с Ян Пин он становился нормальным, мог ощутить, что значит быть мужчиной. Чувство ужаса отступало, зато, словно пивная пена, на поверхность его мира всплывали другие вещи.

В тот вечер он крепко прижимал к себе девушку и дрожал всем телом. Вдалеке на улице Шэньнань в темноте скользил свет автомобильных фар, проехала одна машина, потом вторая, без остановки, чертя холодным белыми лучами линии. На строительной площадке с шумом заколачивали сваи, земля сотрясалась, а лампы накаливания заливали площадку ярким светом. И никто не знал, что в сердце темноты парень и девушка, приехавшие из глубинки, поддерживают друг друга, прильнув друг к другу. Этот мир, быстродвигающийся вперед широкими шагами, отказался от них, но заставил их плотнее прижаться друг к другу, смотреть на стремительные перемены вокруг, но при этом все сильнее удаляться от него. Они постоянно ощущали, что попали в чужой город, вспо-

минали о том, как жили в родной деревне без гроша в кармане, о потерянном тамошнем спокойствии. Деревня перестала быть материнской утробой для городов, непонятно в какой момент она превратилась в прислугу. Райская пора потерпела крах, подошла к концу, и прямо сейчас рождалась новая мировая история.

В тот вечер они почувствовали, что нуждаются друг в друге, оба жаждут тепла. Перед лицом этого города-колосса все вдруг превратилось в сон. Они обнимались крепче, глубже проникая в тела друг друга, а два сердца сжимались так сильно, что тяжело стало дышать.

С этой ночи их чувства стремительно накалялись, они доверились друг другу, обсуждали, как вернуться домой, говорили о будущем, как построят свой дом и заживут бедно, но безмятежно. Город перестал существовать, эта машина тихонько отступила, в мире остались лишь они вдвоем да ночной сад. Ян Пин и Го Юнь стали друг для друга гнездом – уютным любовным гнездышком.

6

Сегодня Го Жуйжэню и Лун Шаньин предстояла встреча с родителями той малышки – Жэнь Чуанем и Пэн Сяохуэй. Какая-то мистическая сила подталкивала Го Жуйжэня к действиям, после того как он получил известие о трагической гибели сына, Го Жуйжэнь просто не мог делать что-то

осознанно, по собственной воле. Он отказывался верить, что сын, уехавший из дома всего пару дней назад, покончил с собой. И уж тем более не мог поверить, что сын мог сбросить чью-то дочку с моста. Он знал своего ребенка и понимал, зачем сын в этот раз покинул родную деревню. Го Юнь всегда был покладистым, отродясь ни с кем не ссорился, характер как у девчонки. Но из Гуанчжоу примчалась орда журналистов, они привезли в Хуанбаобао газету. Го Юнь прочел отчет...

Газетный заголовок был напечатан огромными черными иероглифами, словно дацзыбао⁷ в прошлом: «Злодей украл трехлетнюю малышку и сбросил ее с пешеходного моста». А сам текст такой: «Как выяснила наша газета, девочка трех лет и девяти месяцев от роду вместе с матерью приехала из провинции Хунань в Гуанчжоу, где воссоединилась с работавшим здесь отцом. Позавчера она впервые пошла в детский садик в Гуанчжоу, а вчера незнакомый мужчина, шедший навстречу, схватил ребенка и скинул с пешеходного моста. Девочка до сих пор в больнице между жизнью и смертью...

Как сообщила женщина по фамилии Чжоу, ожидавшая автобус на остановке, вчера в половине одиннадцатого утра она слышала какой-то шум, доносившийся с пешеходного моста, а следом увидела, как оттуда скинули некий предмет:

⁷ Дацзыбао – рукописная стенгазета в Китае, используемая для пропаганды и выражения протеста.

"Я до сих пор не могу поверить, что скинули ребенка!" Малышка упала головой вниз между двумя автобусами. Затем гражданка Чжоу наблюдала, как мужчина спрыгнул с пешеходного моста и расшиб в кровь голову. Вскоре прибежала с криками о помощи и вся в слезах мать ребенка.

Прохожие, оказавшиеся свидетелями этой сцены, помогли убитой горем матери позвонить в службу спасения и попробовали поймать такси. Поскольку такси не было, то прохожие тормознули частный джип. Владелец машины, узнав о случившемся, загрузил в салон умирающего ребенка и несчастную мать и повез их в ближайшую третью больницу при университете имени Сунь Ятсена.

Врачи отделения "скорой помощи" сообщили журналисту, что, когда девочку доставили к ним, она уже впала в кому, на левой стороне черепа девочки образовалась глубокая вмятина, а когда привезли мужчину, спрыгнувшего с моста, то зрачки его уже не реагировали на свет, а дыхание и сердце остановились.

Журналист немедленно отправился на место происшествия, на мостовой виднелись две лужи крови и валялись детские сандалики. Очевидец трагедии, господин Ма, рассказал, что в момент трагедии он на пешеходном мосту раскладывал товары на лотке. Поскольку погода сравнительно жаркая, на мосту было мало народу, не считая нескольких лоточников, и особое внимание привлекли мать с девочкой. Господин Ма сообщил: "Мать шла впереди и одной рукой

везла детский велосипед, а во второй несла овощи. Девочка весело прыгала за ней, то и дело глядя с пешеходного моста на поток машин внизу". Спустя несколько минут господин Ма внезапно услышал громкий крик: "Что вы делаете?! Немедленно отдайте мне моего ребенка!" Он поднял голову и увидел, что парень в клетчатой рубашке с короткими рукавами и в джинсах стоит рядом с ограждением, прижимая к себе ребенка. "Тот человек был от меня в нескольких метрах, он перегнулся через перила, крепко прижимая к себе девочку, и, услышав крики матери, сказал лишь: «Сестрица, ты уж прости меня!» А потом он внезапно бросил девочку с моста!" Господин Ма хотел в тот момент подскочить и вырвать из рук злоумышленника ребенка, но не успел. "Я не успел пробежать и нескольких шагов, а тот парень внезапно сиганул с моста. Мать девочки бросила велосипед и покупки и как сумасшедшая помчалась по ступенькам вниз..."»

Го Жуйжэнь читал эти строки, словно бы сквозь сон. Ему казалось, что это, разумеется, какая-то ошибка. Тот парень, возможно, нашел или украл документы Го Юня, возможно, все было не так, газеты все переврали, может быть, Го Юня в поезде или в гостинице чем-то опоили, его одурманили, в противном случае он не сотворил бы подобного. Может быть, это всего лишь кошмар, а завтра все снова встанет на свои места.

Лун Шаньин, услышав новости, разрыдалась; плакала без остановки, не могла ни есть, ни пить, а когда немного успо-

коилась, то спросила у журналистов, что такое пешеходный мост. Когда ей объяснили, что это надземный пешеходный переход, снова спросила: «А вы видели мясо с перцем, которое вез с собой Го Юнь, оно на мосту осталось?» Мясо с перцем было любимым блюдом сына, и перед отъездом мать собственноручно приготовила его ему в дорогу.

Го Юнь был надеждой всей семьи. Лун Шаньин родила пятерых детей, один сын умер в младенчестве, две дочери вышли замуж, старший сын Го И живет под боком, весь больной-пребольной. Услышав страшную весть, Го И свалился в обморок прямо в поле.

Журналист одного гуанчжоуского издания увидел, что семья Го действительно нищая, у них нет денег даже на поездку в Гуанчжоу, и связался со своим руководством, после чего редакция решила оплатить Го Жуйжэню и Лун Шаньин поездку, чтобы те увидели сына в последний раз. Когда показали труп Го Юня, сомнений не осталось: погибший и впрямь их сын. Го Жуйжэнь опознал сына, однако не мог принять трагических событий. Вторым делом он решил встретиться с родителями той девчушки и попросить прощения. Они безо всякой на то причины лишились дочери, сын перед их семьей очень провинился, Го Жуйжэнь не мог не пойти и не извиниться за сына. Но он не имел ни малейшего понятия, как попросить прощения и как отреагируют родители девочки.

Го Юнь сегодня пошел с отцом на поле копать картошку. Он впереди работал мотыгой, переворачивал комья земли так, что корни оказывались наверху, а ботва внизу и в земле проглядывали клубни. Когда он еще раз ударял мотыгой, то старался не попасть по клубням – от сильного удара комья земли отделялись от клубней. Го Юнь копал, а отец позади него собирал урожай, через какое-то время плетеная бамбуковая корзина наполнилась целиком. Мать принесла еще одну и тоже присела на корточки и принялась собирать картошку. Некоторые клубни засели глубоко под землей, Го Жуйжэнь глубже вскапывал землю маленькой мотыгой. Клубни и земля близки по цвету, поэтому картошку внутри больших комьев земли можно обнаружить, только если разбить эти комья.

Го Жуйжэнь спросил у сына: если он и впрямь раздумал ехать на заработки, то на что жить собирается?

Го Юнь ответил:

– Я над этим думал. Отсюда недалеко до уездного города. Я там арендую ларек и займусь ремонтом. Я, пока работал на заводе в Кайпине, научился ремонтировать музыкальные центры, DVD-плееры, телевизоры, причем довольно хорошо.

Го Жуйжэнь сказал:

– Я верю, что у тебя все получится.

Го Юнь представил отцу подробные расчеты; пока считал, перестал копать, прикрыл глаза и выпрямился.

На самом деле он давно уже посчитал; через три дня после возвращения съездил в уездный город и все разузнал, вернулся домой и подсчитал. Хотя он планировал вернуться и жить в родной деревне, но ведь и умение, приобретенное вдали от дома, может пригодится. Нужно было сейчас обсудить все с отцом, озвучить ему сумму, чтобы старик понял, что он задумал, и одобрил его выбор. Го Юнь отчитался, сколько будет стоить аренда ларька и сколько придется платить налогов, они с отцом еще раз все подсчитали, сначала расходы, а потом доходы, прикинули: когда дело пойдет, сколько в день можно чинить музыкальных центров, телевизоров и DVD-плееров, сколько составит ежемесячная выручка, сколько останется после всех расходов. Это и будет их прибыль.

Остаток у них получался разный. У Го Жуйжэня оставалось всего двести юаней, а у Го Юня – четыреста-пятьсот, а все из-за того, что они по-разному считали количество техники, которую можно чинить за день. Прогнозы Го Юня были довольно оптимистичными, а вот у Го Жуйжэня получалось, что технику понесут ремонтировать только во время новогодних праздников. В обычное время все эти вещи стояли в домах просто для красоты, сломались так сломались. Во-первых, не было денег на ремонт, некоторым на масло и

соль-то не хватало – тяжело, а во-вторых, лень было куда-то тащиться. На новогодние праздники собиралась вся семья, хотелось какого-то оживления, и тогда сломанную технику несли ремонтировать, пусть денег и не хватало, но на этом экономить нельзя.

Го Юнь сказал, что это в Хуанбаобао так, а в городе иначе, разве ж можно сравнить количество людей при деньгах в деревнях и в городах? Десять, а то и сотня деревень не сравнится с одной улицей. С этим Го Жуйжэнь согласился, но деньги, пока они в руки не попали, не подсчитаешь, временная работа – совсем другое: каждый месяц приходишь, а тебе в условленное время выдают тысячу юаней, если вычесть все расходы, то останется пять сотен, стабильная сумма безо всяких рисков.

Го Юнь подумал про себя: «Ты даже не представляешь, как я экономил обычно, в Шэньчжэне чуть расслабишься – и тысяча, а то и две-три улетят в мгновение ока». Он чуть было не сказал, что у него появилась девушка и теперь от той тысячи почти ничего и не остается. Но он не мог признаться в этом отцу, поскольку дал обещание.

Отец услышал, что сын лишь молча вздыхает.

Го Юнь не отвечал, но понимал, что внутри что-то разбилось. Что конкретно, он и сам сразу не понял, лишь чувствовал, что его точка зрения внезапно поменялась. Он вдруг осознал, что все места для него временные. В родном гнезде в деревне Хуанбаобао он проводил времени меньше, чем

на чужбине. А вероятность вернуться сюда таяла с каждым днем. Так где же его пристанище? Или он всю жизнь так и будет скитаться по свету? На глазах выступили слезы, он тайком смахнул их, но слезы показались вновь, вот ведь позор.

Чтобы построить дом, нужно снова куда-то ехать. Как минимум на полгода. И вернуться он сможет только тогда, когда заработает недостающую сумму.

Он вспомнил, что когда только-только вернулся домой, то был очень доволен, а через пару дней приуныл. Почему его поколению невозможно быть просто крестьянами? Такое впечатление, что есть лишь один выход – ехать куда-то на заработки. Молодежь из деревень почти вся уехала, все рванули в Гуандун. В район дельты реки Чжуцзян⁸ хлынул людской поток, получился настоящий муравейник. Порой Го Юнь и себя ощущал муравьишкой. Среди городских многоэтажек люди казались такими крошечными, а их будущее – таким туманным. Некоторые бешено скупали лотерейные билеты. Го Юнь тоже попробовал пару раз, но потом отказался от этой идеи. Он вовсе не жаждал разбогатеть, просто хотел обрести тихое пристанище и вести нормальную жизнь.

Как раз в тот момент, когда отец и сын молчали, поспешно прибежала Лун Шаньин. Ее затрудненное дыхание было слышно издали. Го Юнь перестал копать и смотрел, как мать размахивает руками. Поскольку она растолстела, то при

⁸ Дельта реки Чжуцзян, расположенная в китайской провинции Гуандун, по статистике является самым урбанизированным регионом в мире.

беge всегда сильно размахивала руками – левой-правой, левой-правой. Го Жуйжэнь увидел, как жена карабкается на холм, и закричал:

– Что случилось? Куда несешься?

Лун Шаньин страдала от гипертонии, если в шестьдесят один год так мчится, значит, что-то случилось. Отец и сын, глядя на нее, забеспокоились.

Оказалось, что скончался двоюродный третий дедушка Го Юня, приходившийся Го Жуйжэню дядей. Утром он испустил дух, и вот пришла скорбная весть. Услышав, что Лун Шаньин, задыхаясь, тараторит, что дядя умер, Го Жуйжэнь вздрогнул, он уже и думать не мог о том, чтобы копать картошку. Они вскинули мотыги на плечо, взвалили корзины и поспешили домой.

Мимо пролетела черная птица, небо только-только нахмурилось и еще пропускало жидкие солнечные лучи, которые освещали их кислые лица. На холме, где отродясь не росла трава, на поверхности известняка выступил белый свет. А вдалеке виднелись хаотично расположенные домики Хуанбаобао: черная черепица, серые бетонные стены, красные необожженные кирпичи, бурые деревянные стены сливались с зелеными деревьями и серой землей, словно путанные мысли, никакого порядка. Узкая глинистая дорожка вилась по холму, все трое задыхались от быстрой ходьбы. У Лун Шаньин куртка промокла насквозь; Го Юнь снял с себя клетчатую рубашку, остался с голым торсом, а рубашку повязал на по-

яс, и она подпрыгивала в такт его шагам.

Третий дедушка Го Юнь умер от инсульта, но не сразу — одиннадцать дней пролежал и только потом испустил дух. Когда Го Юнь с родителями пришли в дом бабушки, того уже одели, на пол насыпали песок, сверху кинули бамбуковую циновку, постелили хлопчатобумажную простыню, на которую уложили на спину покойника. Лицо его накрыли носовым платком, под голову положили петуха, сделанного из ткани, черные полотняные сапоги, острые концы которых торчат вверх, казались огромными и были сшиты между собой красной нитью. Тело старика накрыли черным саваном долголетия с вышитыми на нем разноцветными шелковыми нитями чудовищами, ликами людей и причудливыми цветами.

Хотя родные и знали, что старик при смерти, и уже подготовились, но, когда все произошло, начался хаос. Туда-сюда сновали люди, причем сплошь пожилые. Старика в последний путь провожали такие же, как он, старики, и все наперебой охали. Старший сын, уже отметивший пятидесятилетие, не успел переодеться в холщовое траурное одеяние, он присел в ногах у старика и начал класть земные поклоны. Го Юнь вошел в комнату и тоже трижды поклонился покойному. Также поклонившись, Го Жуйжэнь приподнял платок на лице покойного, чтобы в последний раз взглянуть на дядюшку. Вздохнув, он помог зажечь лампы, воскурить фимиам и накрыть на стол. На маленьком квадратном столи-

ке расставили мясные блюда и чай и передвинули его в ноги к покойному. Го Жуйжэнь на листе белой бумаги написал имя покойного, затем воткнул две ароматические палочки в редьку, которую поставил перед маленьким столиком. Он исповедовал даосизм, а в тридцать лет даже учился, как проводить заупокойную службу, и умел молитвой избавлять умершего от мучений в потустороннем мире.

Поскольку старик уже справил семидесятилетие, то в деревне это считалось «радостными проводами»⁹. Дочерей у старика не было, поэтому несколько его невесток поголосили немного и успокоились. Во время заупокойной службы им еще придется поплакать. Есть кому плакать или нет – это не такой уж важный вопрос, важнее всего, что в день похорон некому было выносить гроб. Гроб заполняли известью, чтобы поднять его, требовалось шестнадцать молодых крепких парней. Но все парни уехали на заработки, в деревне остались только старики и дети. Семья покойного пригласила несколько парнишек возраста внуков старика, но по правилам они могли лишь оплакивать умершего, а гроб носить им не полагалось. Если и впрямь не получится найти подходящих людей, то придется нанимать на стороне.

Целое поколение деревенских парней разъехалось, даже гроб нести некому, приходится нанимать посторонних носильщиков за деньги, вот ведь позор!

Го Юнь приходился покойному внучатым племянником и

⁹ Так говорят о похоронах долгожителей.

вообще-то тоже должен был оплакивать старика, но раз гроб нести некому, то придется ему. Роста он был невысокого, да и не слишком сильный, а нужно такой тяжеленный гроб тащить до кладбища – настоящее испытание для него.

Во время похорон обычно спокойная деревня Хуанбаобао оживлялась: играли на сона¹⁰, били в барабаны, запускали петарды и обустроивали погребальный зал, где выставляли гроб с покойником. Особенно старались даосы: они, облачившись в черные даосские одеяния, окружали гроб и совершали заупокойную службу, размахивали мухогонками, распевали песни, дарующие душе утешение. Только что человек был в мире живых – и вот он уже в мире мертвых. Пели-пели, и тут у одного молодого даоса зазвонил мобильник, он отошел в сторонку ответить. Еще кто-то умер, привалила работенка, их пригласили пойти отслужить заупокойную.

Проститься в основном пришли старики; когда видишь, как одни старики провожают в последний путь другого старика, то становится грустно. Даос спел: «Огонь не может полностью сжечь траву, весенние ветры снова дают ей жизнь»¹¹; «Утренним дождем в Вэйчэне чуть пыльца увлажнена. Зелены у дома тени, свежесть ив обновлена»¹². Танские

¹⁰ Сона, или заморская флейта, – китайский язычковый духовой музыкальный инструмент.

¹¹ Строчка из стихотворения танского поэта Бо Цзюйи.

¹² Строчка из стихотворения танского поэта Ван Вэя в переводе Ю. К. Щуцко-го. Ива упоминается здесь как символ прощания, поскольку существовал обычай при расставании ломать ивовые ветви. Собственно, и само стихотворение посвя-

стихи превратились здесь в скорбные траурные песни.

Го Юнь встретил много родственников. С младшей двоюродной сестрой Го Цзин они вместе росли, Го Юнь был ее старше, но поскольку пришлось на два года бросить школу, то они доучивались в средней школе вместе. Они оба хотели поступить в профтехучилище, но провалились на экзаменах. Го Цзин как увидела его, так сразу прицепилась:

– Говорят, у тебя там девушка появилась?

Го Юнь отнекивался, но Го Цзин не отставала:

– А я слышала, что появилась. Почему не привез ее сюда познакомиться?

Го Юнь глянул на сестру и понял, что она хитростью выманивает ответ, но не рискнул проговориться, а потому упрямо твердил, что никакой девушки нет. Сестренка увидела, что он не особо расположен к разговорам, повернулась и ушла по другим делам. Она тоже заработала на юге кое-какие деньги. Да, женщины тоже могут подзаработать, только деньги эти почти всегда «грязные». Однако в деревне уже привыкли и не осуждают, как говорится: «Только в развитии непреложная истина»¹³; и в деревне считали, что самое главное – вернуться домой с деньгами, а остальное уже неважно.

Один двоюродный брат, увидев, что приехало столько родственников, решил воспользоваться этой возможностью для постройки дома, а то потом все разъедутся, трудно будет

щено прощанию с другом.

¹³ Крылатая фраза Дэн Сяопина, китайского политика и реформатора.

найти помощников. Он решил класть фундамент на следующий день после похорон третьего дедушки. Го Юня тоже позвали. Брат сказал, мол, если ты не торопишься уехать, то помоги мне пару дней, когда сам будешь строить дом, я тебе тоже помогу. Го Юнь, разумеется, согласился. Хотя погода стояла жаркая, ранний рис уже давно собрали, поздний рис поспевал, и наступил перерыв в сельскохозяйственных работах. Самое время строить дом. В деревне строительство дома – большое событие, не просто близкие родственники приходили помогать и поздравлять, но и все дальние тоже, если на важное событие собирается мало людей, то это плохое предзнаменование.

Во время трапезы зрелище было грандиозное: под временным бамбуковым навесом обустроили глиняный очаг, на который поставили такой огромный котел, что в нем можно было целиком сварить свинью. Дрова из корней дерева горели багряным цветом, легкий дымок вился в воздухе над деревней, а над котлом пар поднимался, словно облако, и быстро рассеивался под навесом. Родня расставила больше десяти узких столов, которые ломились от угощений, без конца запускали петарды, постоянно прибывали все новые и новые дальние родственники, которые тоже отбивали поклоны перед гробом. Похороны действительно чем-то напоминали свадьбу¹⁴.

¹⁴ В Китае похороны принято проводить с размахом, наравне со свадьбой. Существует даже выражение, которое дословно переводится как: «красное и белое

Го Жуйжэнь, Лун Шанъин и Чжан Тун отправились в Гуанчжоу, и все расходы на поездку целиком взяла на себя редакция газеты.

В дальний путь старики оделись поофициальнее, Го Жуйжэнь поменял бессменную старую фуражку на новую, которую привез Го Юнь, а брюки из грубой ткани подпоясал красной веревкой. Лун Шанъин скинула старые пластиковые шлепанцы и надела новые армейские ботинки, а на пояс повязала белое полотенце. На самом деле ничего нового они не нашли, красный жакет, купленный Го Юнем, матери было жалко, и они оделись с ног до головы в старую холщовую одежду.

Го Жуйжэнь отыскал домовую книгу, вытащил из кармана старую ручку, дрожа поднес ее ко рту, поцеловал стержень, а потом дрожащей рукой вывел: «Несчастный сыночек мой Юнь, папа с мамой приехали, покойся с миром». Иероглифы получились кривыми, почти неразборчивыми. Когда старик дописал иероглифы, слезы ручьем хлынул из глаз. Он спрятав домовую книгу, сложил в клетчатый баул кое-какую старую одежду и позвал благоверную.

Их троих пришли проводить несколько односельчан и,

утешая, проводили аж до края деревни. Когда они проходили мимо чужих дворов, старики выходили, прощались, желали доброго пути.

Дорожка, которая вела из деревни, сплошь грязь да колдобины. Го Жуйжэнь ходил не слишком твердо и за километр пути, постоянно проваливаясь в грязь, испачкал штанины.

Семь дней назад солнце освещало все вокруг. Го Жуйжэнь и Лун Шаньин по этой же дорожке провожали сына в дальние края на заработки, на их глазах сын сел тогда в рейсовый автобус до Гуйяна; автобус поднял облачко пыли и умчался прочь. А теперь, спустя семь дней, свинцовые тучи затянули небо, все та же дорога, все тот же автобус, только едут они на похороны сына. Двадцать с лишним лет назад Го Жуйжэнь и сам ездил в Ханчжоу на заработки и проходил по этой же дорожке, а через два года вернулся домой, чтобы заботиться о новорожденном Го Юне, после чего уже никогда не покидал родную деревню. Эта дорожка связывала с далеким и незнакомым миром. Но что это за дорога для крестьян, которые уезжали из Хуанбаобао?

Лун Шаньин вообще никуда из деревни не выезжала. Она вспоминала, когда в последний раз касалась лица сына, его рук и ног. Нужно пойти попросить прощения у той семьи. А Го Жуйжэнь, будучи даосом, хотел позвать дух умершего сына обратно в Хуанбаобао, чтобы душа сына не скиталась в одиночестве на чужбине.

Вечером того дня, когда они добрались до Гуанчжоу, жур-

журналист повез их троих под тот самый пешеходный мост. Автомобиль только остановился, а Го Жуйжэнь и Лун Шаньин уже открыли двери. Лун Шаньин смахнула бесконечные слезы с давно уже мокрого лица и задрала голову, глядя на пешеходный мост, тот самый, о котором впервые услышала, который столько раз представляла и рисовала в своем воображении. Высокий, крепкий, горделивый, этот образ причинял ей сильную боль, заставлял плакать, в ее глазах плескалось непонимание и замешательство. Она ахнула и заголосила:

– Сыночка, мама к тебе приехала! Ты зачем прыгнул с этого моста?

Она все рыдала и задирала голову, глядя на перила моста, словно бы ее сынок все еще стоял там и никуда не прыгал, словно бы ничего еще не случилось и она могла предотвратить трагедию.

Го Жуйжэнь вышел из такси, и ноги его подкосились, он оперся на Чжан Туна и нетвердой походкой добрел до моста. До нужного места вроде как всего ничего, буквально один шаг, вот только сделать этот шаг Го Жуйжэнь не мог. Сердце глухо колотилось, выскакивая из груди, его мучила одышка, несколько раз старик чуть было не упал. Журналист показал им точное место, куда спрыгнул Го Юнь, Го Жуйжэнь остановился там, велел Чжан Туну достать фимиам и ритуальные деньги, а сам принялся шарить по карманам и через какое-то время вытащил зажигалку; потом внезапно упал на

колени, заливаясь слезами, и дрожащей рукой стал по одной банкноте поджигать ритуальные деньги. Он молча смотрел, как бумага в огне танцует, извивается, словно какое-то потустороннее осмысленное существо, которое внезапно показало свой истинный лик. В языках пламени бумага быстро из желтой превращалась в черную, рассыпалась в пепел, чудесным образом становясь такой легкой, что ее подхватывал ветер. Это был обряд призыва души. Затем Го Жуйжэнь начал еще один ритуал. Он достал белый траурный флажок и встал перед горящими ритуальными деньгами, слегка согнув колени, и чуть было не упал. Журналист, стоявший рядом, тут же подхватил его под локоть, старик удержался на ногах, а потом с белым траурным флажком в руках принялся ходить кругами вокруг костра, распевая песню, в которой излил всю свою тоску; мотив ее был трогательным и печальным. Лун Шаньин встала на колени рядом с костром и запричитала:

– Сына, мама приехала повидать тебя... мама отвезет тебя домой.

Она достала белое полотенце и стала вытирать слезы, не переставая при этом плакать, и в конце концов обмякла и уселась прямо на землю.

Го Жуйжэнь перестал ходить кругами, остановился в том же месте, где только что стоял на коленях, и снова плюхнулся на колени, сложив руки в приветственном жесте. Зять Чжан Тун тоже опустился на колени. Го Жуйжэнь громко сказал:

– Сына, мы с мамой заберем тебя домой.

Многочисленные прохожие стали на них коситься. Трое деревенских жителей, один подпоясанный красной веревкой, другая с белым полотенцем на талии, одетые как капуста, кричат что-то странное, да еще и плачут. Некоторые прохожие озадаченно останавливались, но большинство не удивлялись этой странности и, не замедляя шаг, проходили мимо с каменными лицами.

Они снова сели в такси. Го Жуйжэнь и Лун Шаньин опустили окна, повернули головы и глазели на пешеходный мост, пока тот не скрылся из виду. Теперь неоновые огни, заполонившие улицу, ярко освещали дома, машины и прохожих, а мрачный силуэт пешеходного моста растворился в потоке света, словно тень. Слезы стариков тоже поблескивали в ночи, как жемчужины, переливаясь разными красками в ярких огнях.

9

Го Юнь все сильнее ощущал, что не может торчать в Хуанбаобао, он здесь лишний, да еще и ненормальный. Все чем-то заняты, молодежь уезжает все дальше и дальше от дома, словно бы чем дальше, тем больше денег заработаешь. Часто доносили слухи, мол, такой-то в таком-то месте разбогател, стал директором и начальником, продвинулся. Все это пустые мечты односельчан, их выдумки. В действительности было очень мало тех, кто продвигался по карьерной лестни-

це. Те, кто уезжал на заработки, по возвращении из тщеславия рассказывали о том, как им хорошо живется, и никогда о том, что плохо. В поле теперь работали только старики, а молодежь прохлаждалась по домам, вызывая лишь странные взгляды.

Го Юня уже спрашивали, мол, когда поедешь, скоро ли отправишься на заработки? Раньше он и правда на праздниках гостил недолго, все грезил о деньгах, проживет пару дней – и обратно, но в этот раз все было не так. Он ведь решил уволиться и вернуться домой, построить дом и больше нигде не ездить. Но Го Юнь впервые ощутил, что родная деревня не может его принять, словно бы он нарушил какое-то правило, поплыл против течения. Он почувствовал, что уже не всецело принадлежит Хуанбаобао, старики считают его гостем из дальних мест, который приезжает, лишь чтобы повидаться с родными.

Го Юнь испытывал все более сильный стресс. Он не мог больше противостоять расспросам Ян Пин, но и дома не мог оставаться. Снова ехать работать? До нового года еще шесть месяцев, можно заработать три тысячи юаней и вернуться построить дом. Но если вернется в Шэньчжэнь, то с Ян Пин особо ничего не скопит. А если поехать в другое место, то он будет ужасно скучать по ней. Что же делать? У Го Юня даже к старшему брату не было настроения сходить; после возвращения братья толком и не поговорили.

Судьба, похоже, полна загадок. Сам-то Го Юнь считал, что

уже сделал выбор и вернулся в родную деревню. Но загадочная сила в тот момент отталкивала, и он в итоге принял решение уехать. В этот момент он подумал о Гуанчжоу.

Гуанчжоу не был незнакомым местом для Го Юня. Когда он ехал на заработки в Кайпин, то ссаживался с поезда в Гуанчжоу, так что проездом он в Гуанчжоу уже бывал.

Когда Го Юнь в первый раз возвращался домой на Новый год, то вместе с толпой других таких же желающих добрался до вокзала в Гуанчжоу. На площади перед вокзалом люди теснились, словно пельмени в котле, все они постоянно перемещались, кое-где головы превращались в сплошной черный поток; некоторые люди топтались на месте, некоторые бесцельно слонялись, словно безголовые мухи тыкаясь из стороны в сторону, некоторые внезапно начинали бежать, суетились, в мгновение ока растворялись в толпе...

Го Юнь лишь на короткое время влился в людской поток, ему еще нужно было купить билет до дома. Он был одной из безголовых мух.

В кассах билеты кончились еще несколько дней назад. Го Юнь вышел из кассового зала удрученный и расстроенный. За ним по пятам следовал спекулянт, который спросил, куда Го Юню нужно, и, получив ответ, извлек из пачки билет до Гуйяна. Го Юнь был поражен. Он дотронулся до билета; спекулянт отставил мизинец и большой палец в разные стороны, согнув остальные три пальца¹⁵. Го Юнь сначала не понял,

¹⁵ Таким жестом китайцы показывают цифру «шесть».

что тот имел в виду. Спекулянт пояснил: «Шестьсот юаней, без торга». В три раза дороже официальной цены. Го Юню и за месяц тяжелого труда таких деньжищ не заработать. Он с горечью покачал головой.

Он был в людском потоке безголовой мухой, тыкался то в одну сторону, то в другую, не обращая внимания на то, что живот урчит от голода, на то, что сгущаются сумерки и ветер становится все холоднее и холоднее.

Го Юнь уже совершенно выбился из сил, желание вернуться домой придавало сил, он искал билет до дома, словно иголку в стоге сена. Только когда перед глазами все поплыло, он обнаружил, что наступила глухая ночь. Нужно было найти место, где передохнуть и где перекусить. Тут он вспомнил о людях, настойчиво предлагавших место в общежитии. Они поднимали вверх таблички, на которых было написано, что койко-место стоит десять юаней и общежитие в пяти минутах от вокзала, а некоторые даже заявляли, что могут помочь забронировать билет.

Го Юнь буквально ошупью нашел табличку, рекламирующую маленькую гостиницу при воинской части. Держала ее в руках круглолицая девушка, которая показалась ему довольно надежной, поэтому он сам подошел и спросил, сколько стоит койко-место. Девушка тут же ответила, что их гостиница с радостью принимает рабочих, стоимость для всех одинаковая – десять юаней, и можно заказать билет на поезд. Лицо Го Юня озарилось от радости. Только сейчас он ощу-

тил, что кожа на лице за день буквально одеревенела, теперь же выражение лица сменилось и мышцы расслабились.

Го Юнь знал, что развелось слишком много обманщиков, и с опаской спросил, далеко ли гостиница от вокзала. Девушка затараторила:

– Да мы ближе всех, за десять минут можно добраться. Есть развозка.

Го Юнь окончательно выдохнул и, взвалив на спину плетеный мешок, встал рядом с девушкой. Спустя две-три минуты вокруг девушки собралось еще четверо или пятеро работяг. Девушка подняла табличку повыше и повела их в сторону площади.

На краю площади ждал старенький микроавтобус. Они сели в него. Микроавтобус уже был забит под завязку. Го Юнь сел в самый конец, и вскоре автобус тронулся, развернулся на площади, потом доехал до перекрестка, повернул налево и двинулся на север.

Ехали они долго. Десять минут прошли уже давным-давно. Машин на дороге становилось все меньше, освещение делалось все более тусклым. Го Юнь начал тревожиться. Через сорок минут они оказались на почти не освещенной дороге с редкими уличными фонарями; микроавтобус повернул в темноте и внезапно оказался перед воротами, а на стене большими позолоченными иероглифами был выведен номер военной части. Тревога в душе Го Юня вновь стихла.

Микроавтобус проехал в ворота, снова резко развернул-

ся и въехал в небольшой проулок. Во время разворота Го Юнь увидел впереди еще одни ворота – это и был настоящий въезд на территорию воинской части.

Пока он пребывал в нерешительности, микроавтобус снова повернул, резко затормозил и остановился.

Двери микроавтобуса еще не открылись, а его уже взяли в кольцо мужики в камуфляже. Когда пассажиры стали высаживаться из микроавтобуса, эти мужики разделились на две шеренги и направили пассажиров сквозь строй, приветствуя их, при этом практически насильственно забирали багаж, который понесли в одноэтажный барак. Когда Го Юнь увидел происходящее, то и ему пришлось отдать свои вещи какому-то здоровенному парню.

Пассажиры автобуса вслед за своим багажом тоже направились в барак, правда, двое или трое решили, что им происходящее не нравится, и с вещами стояли во дворе, тогда парни в камуфляже окружили их и потребовали, чтобы те зашли и зарегистрировались. Кто-то не согласился, и тогда парни в камуфляже насильно отняли багаж и после короткой перебранки, осыпая ударами кулаков, затолкали работяг в барак.

Бородатый мужик средних лет объявил:

– Вы наши гости, побыстрее регистрируйтесь. С каждого сорок юаней за ночь.

Кто-то запротестовал:

– Говорили же, десять!

Мужик скосил глаза:

– Это кто вам такое сказал? А проезд бесплатный, что ли? А наши услуги? Поменьше нойте, побыстрее платите. А те, кому нужны билеты, – раскошеливайтесь, а то не достанется. – Он ткнул пальцем в возмущавшегося рабочего: – А персонально для тебя пятьдесят юаней. Не хочешь – ночуй в другом месте.

Тот взял вещи и собрался было выйти, как на него, словно рой ос, налетела толпа парней в камуфляже, которые принялись избивать его руками и ногами.

Никто даже не пискнул. Го Юнь и все остальные послушно отдали деньги. Тем, кому нужно было заказать билет, пришлось заплатить за три-четыре ночи, а к цене билета еще приплюсовали и сервисный сбор. Го Юнь не рискнул бронировать билет. Он размышлял лишь о том, как бы побыстрее слинять отсюда.

Вечером микроавтобус привозил все новых и новых молодых работяг. Го Юнь слышал в бараке звуки потасовки, громкую ругань, истошные вопли. Один парень выскочил из барака и убежал в проулок, за ним бросились в погоню четверо или пятеро военных, он моментально оказался у ворот, но тут вверх взвилась черная тень и беглеца ударили по затылку каким-то предметом, похожим на палку; он тут же рухнул на землю и больше не издавал ни звука...

Тот случай глубоко запечатлелся в памяти Го Юня. Он испытывал инстинктивный ужас перед Гуанчжоу.

Во второй раз он попал в Гуанчжоу, когда решил уехать из Кайпина и поискать в большом городе возможностей для роста. В Кайпине он прочел в одной газете объявление о найме, позвонил, расспросил, как и что, его пригласили работать в Гуанчжоу, обещали зарплату больше тысячи юаней. Го Юнь с этой газетой приехал в Гуанчжоу, нашел по указанному в объявлении адресу агентство по найму; девушка-менеджер узнала цель визита, посмотрела документы и сказала, что одна фабрика как раз набирает рабочих, зарплата тысяча двести юаней, но есть испытательный срок. Го Юнь воспринял случившееся как манну небесную; девушка куда-то позвонила, продиктовала его имя, на том конце провода согласились взять его на испытательный срок и велели срочно приступать к работе. Девушка, согласно правилам агентства, взяла с него шестьсот юаней за устройство на работу, но сказала: если после испытательного срока его не возьмут, то вернут триста юаней.

Го Юнь нашел фабрику. Она располагалась в маленьком здании, где его тепло встретили два каких-то мужика. Опять же, согласно правилам, они потребовали для начала выложить шестьсот юаней – триста в залог, триста в качестве оплаты за обучение, паспорт тоже нужно было отдать в залог. Увидев, что Го Юнь засомневался, они рассказали, что это центр повышения квалификации при фабрике, а сама фабрика очень большая. Го Юнь в одной комнате вместе с группой парней вспарывал швы, а в другой комнате группа деву-

шек снова их сшивала так, чтобы получился мешок. Через три дня Го Юнь уволили, объяснив, что он слишком медлительный и не подходит для такой работы. Он получил залог – правда, в размере ста юаней – вместе с паспортом и в расстроенных чувствах уехал.

Го Юнь пошел в агентство по найму и попросил вернуть деньги, но девушка-менеджер объяснила, что деньги не вернут, она может поискать ему другую работу, но если его уволят, то с агентства взятки гладки. Го Юнь расстроился, на глазах выступили слезы, у него обманом выманили все деньги, что были при нем. В тот момент он ощутил, что зашел в жизненный тупик, он беспомощен и одинок. Двое громил стояли у дверей, глядя, как он оглядывается на каждом шагу, их свирепые взгляды хлестали его, словно плеть. Го Юнь шел по асфальту на мягких ватных ногах. Он словно бы превратился в бумажный кораблик, который вышвырнуло в необъятный океан. В этом мире безопасно лишь в родной деревне Хуанбаобао, только там его гнездо. Но где это гнездо сейчас? В реальном мире оно такое крошечное и такое далекое.

Еще раз ехать в Гуанчжоу на заработки Го Юню совершенно не хотелось, его начали мучать болезненные воспоминания. Каждую ночь он ворочался с боку на бок, не в силах уснуть. Он никак не мог взять в толк: ведь те люди, что его обидели, на самом деле, как и он, занимают самую низкую ступеньку общества, все они приехали на заработки, как же у них рука поднялась обидеть себе подобного? Го Юнь не

хотел рассказывать о неприятном опыте домашним, чтобы их не пугать.

10

Го Жуйжэнь и Лун Шаньин внезапно стали чьими-то врагами. Семью своих «врагов» они не знали. Го Жуйжэнь не мог себе представить, какую ненависть к нему испытывают эти люди и как ему с ней справиться. Его мозг одеревенел, ни одной мысли, лишь пустота. Но, по совести, нужно было отправиться к родным девочки извиниться. Почему сын такое сотворил? Го Жуйжэнь не мог найти рационального объяснения, придумал множество причин, но ни одной убедительной. С таким сложным вопросом его семья несколько поколений не сталкивалась.

Они уехали от злополучного пешеходного моста, а в одиннадцатый вечера такси остановилось в жилом районе Хуаган. Лун Шаньин вытерла слезы и вслед за мужем вылезла из машины.

Семья девочки жила здесь. Ее родители, Жэнь Чуань и Пэн Сяохуэй, сняли двухкомнатную квартирку. Журналист и Чжан Тун помогли старикам подняться, и журналист позвонил в дверь. Внутри раздался голос Жэнь Чуаня. После некоторой заминки дверь со скрипом открылась. Отец малышки высунул голову, на его лице по-прежнему застыло скорбное выражение. Он недоверчиво уставился на них. Го

Жуйжэнь и Лун Шаньин тут же вышли вперед:

– Мы пришли извиниться перед вами!

Жэнь Чуань сначала растерялся, а потом понял, что перед ним родители того самого убийцы Го Юня, который лишил жизни его девочку. Внезапно он заорал громким голосом:

– Извиниться? Я не приму ваши извинения!

Го Жуйжэнь, Лун Шаньин и Чжан Тун разом плюхнулись на колени перед ним. Старики не знали, что сказать, и хором твердили «простите, простите». Жэнь Чуань мигом выскочил из квартиры, и они вместе с журналистом подняли Го Жуйжэня. Когда они помогали подняться Лун Шаньин, она ни в какую не хотела вставать, причитала «простите, простите» и рыдала так, что сорвала голос.

Жэнь Чуань не мог больше сдерживать чувств:

– Моя девочка-а-а-а... зачем он убил мою девочку... Мы даже не знакомы! Она только что приехала в Гуанчжоу! Ей было всего три годика! Я даже не успел с ней толком погулять и сейчас еще не успел ее оплакать. И она вот так умерла. – Жэнь Чуань рыдал, потеряв над собой контроль. – Ей нравились мягкие игрушки, но она их только гладила, нам ведь не жалко было ей купить, а она все понимала, знала, что денег нет, гладила игрушки и уходила. А в тот день расшумелась, что хочет надеть новое платье и пойти со мной на работу. Я и подумать не мог, что больше не увижу доченьку. Это слишком жестоко! Я купил ей новые сандалики, а ножки так опухли, что сандалики не налезли. Извините?! Извини-

те?!!!! – Жэнь Чуань размахивал руками, все сильнее впадая в неистовство: – Я тоже приехал на заработки. Я один кормлю всю семью на две с лишним тысячи юаней. Если действительно хотите извиниться, так для начала верните мне деньги за лечение. Я потратил несколько десятков тысяч!

Старики твердили «простите», не зная, что и делать. Го Жуйжэнь забормотал:

– Мы и подумать не могли, что наш сыночек приедет в Гуанчжоу на заработки и совершит тут преступление... а денег у нас нет.

Жэнь Чуань от скорби перешел к ненависти:

– Так вы сына воспитали? То есть на вас, как на родителях, нет ответственности? Почему вашему сыну-мерзавцу понадобилось убивать трехлетнего ребенка?!

Лун Шаньин захлебывалась от слез:

– Наш сыночек тоже погиб... Простите... простите...

В дверях показались обе бабушки и тетя девочки. Одна из бабушек взволнованно сказала:

– Мы же все уже старики, должны понимать, что это такое.

Мать малышки горевала безмерно, она больше пятидесяти часов просидела под дверями палаты интенсивной терапии, несколько раз падала в обморок в больничном коридоре. Она, давно выплакавшая все слезы, поднялась с постели, обессиленно прислонилась к дверному косяку, хотела что-то сказать старикам, но не могла уже вымолвить ни слова.

Жэнь Чуань, видя, что Лун Шаньин все еще стоит на ко-

лениях, протянул руку помочь ей подняться со словами:

– Я вас не ненавижу. Правда. Я вас не виню. Поднимайтесь быстрее!

Журналист хотел что-то сказать, сунул в руку Жэнь Чуаню лилии и фрукты, но тот не взял:

– Нам не нужно, отдайте им. – Он добавил: – У вас несколько детей, а у меня была только моя доченька. Я тоже приехал на заработки, на всем экономил, чтобы вырастить ребенка, если вы искренне хотите извиниться, то возместите мне тридцать тысяч юаней, потраченных на лечение. А иначе увидимся в суде. – С этими словами он с силой захлопнул дверь.

11

В последний день августа Го Жуйжэнь и Лун Шаньин встали спозаранку. Лун Шаньин, как обычно, открыла курятник и выгнала кур, чтобы те поклевали что-нибудь, затем подмела в доме, выдернула несколько морковок и сорвала пару стручков перца чили. Мясо с перцем – любимое блюдо Го Юня. Вчера Го Юнь ездил в уездный город и привез оттуда целых двадцать килограмм свинины. Он знал, что после отъезда родители пожалеют денег на мясо, лучше уж сразу закупиться, тогда придется съесть. Лун Шаньин с утра пораньше тайком порубила пять килограмм мяса и пожарила с перцем, чтобы сын взял в дорогу. Го Юнь купил еще и со-

товые угольные брикеты, двести сорок семь штук, если жечь понемногу, то хватит на несколько месяцев, а еще привез отцу десять *цзиней*¹⁶ рисовой водки. Приготовив мясо, Лун Шаньин пожарила заодно пять килограмм каштанов, пять килограмм перца чили, сварила пятнадцать яиц и упаковала все это в плетеный мешок Го Юня.

Сынок опять уезжает в дальние края. Лун Шаньин в последний раз приготовила ему завтрак: порезала постное мясо, выбрала лучшие куски и нажарила большую плошку, затем поджарила яичницу из двух яиц до золотистой корочки. Она изо всех сил старалась придумать завтрак посытнее. Пока она хлопотала на кухне, звеня посудой, в уголках глаз вдруг навернулись слезы. Лун Шаньин смахнула их тыльной стороной руки и пошла за водой.

Го Жуйжэнь привык с утра пораньше пройтись по полю, что-то поделать по мере надобности, глядя, как над их домом поднимается, а потом рассеивается дым от готовки. В этот момент солнце встает на востоке и освещает вдалеке место слияния трех рек, и тогда Го Жуйжэнь вскидывает мотыгу на плечо и идет домой завтракать. Утром можно размяться, воздух прохладный и свежий, да и настроение прекрасное, утро – самое радостное время суток. Если дел нет, то все равно нужно поглядеть, как там посевы, а еще посмотреть на горные пики, вечно стоящие на страже на краю деревни, тогда Го Жуйжэнь испытывал чувство удовлетворения и спо-

¹⁶ Цзинь – китайская мера веса, равная примерно 0,5 килограмма.

койствия. Все жители Хуанбаобао привыкли рано вставать и рано ложиться, как говорится, с восходом – вставай, после заката – отдыхай, испокон веков и поныне деревня живет по такому обычаю. Вернувшиеся с заработков односельчане живут не так. Они не поднимут свой зад с кровати, пока солнце не будет палить вовсю, а вечером тоже не хотят так рано ложиться – смотрят телевизор, ищут себе компанию для игры в мацзян и играют на деньги. Чем больше играешь, тем больше окружающие тебя уважают. В ходе игры каждый ведет себя как важная шишка, один другого жестче.

Го Жуйжэнь сегодня намеренно не пошел на поле. Сегодня он, словно бездельник, праздно смотрел по сторонам, ждал, когда Го Юнь проснется. Он не хотел его будить, поскольку знал, что сыну еще предстоит несколько сотен километров трястись в автобусе дальнего следования, потом посреди ночи пересаживаться в Гуйяне на поезд, не спать до утра, поскольку иногда народу так много, что даже присесть некуда и приходится ехать стоя. Те, у кого со здоровьем не очень, такое и не сдюжат. Эх, нелегко даются деньги на чужбине!

Когда сын возвращается, то в доме бурлит жизнь, а когда он уезжает, то дом пустеет. Старикам только и осталось, что бесконечно ждать. Иногда Го Юнь приезжал только раз за два-три года – жалко было тратить деньги на дорогу. Внутри застывали мысли и тревоги, нагромождавшиеся день ото дня. Когда человек стареет, то надеется, что дети будут ря-

дом. Хорошо хоть в этот раз Го Юнь перед отъездом обещал вернуться на Новый год. Но у Го Жуйжэня на сердце было беспокойно, плач сына, который он слышал в тот вечер, вызывал дурные предчувствия, которые занимали ум, и невозможно было от них избавиться.

Как-то утром старик побродил по полю, а потом на цыпочках прокрался в дом взглянуть на спящего сына. Тот спал безмятежно, совсем как в детстве, и у отца от любви защемило сердце. Когда это его сердце стало таким нежным? В старости вспоминаешь детство своих детей. Человек стареет и начинает ностальгировать по прошлому.

Го Юнь проснулся, прополоскал рот, умылся, еще раз проверил, все ли взял. Обнаружил в кармане три тысячи юаней. Это те самые деньги, что он дал родителям. Го Юнь взял деньги и пошел к матери. Мать уже приготовила завтрак и накрывала на стол. Когда она увидела деньги в руках сына, то сразу поняла, что он задумал, и, поставив чашку, сказала:

– Ты должен взять эти деньги с собой. Мы-то истратим. Но и без них проживем, за столько лет уже привыкли, разницы никакой, а тебе на строительство дома нужны деньги, так что забирай. Если оставишь дома, то случись что, и истратим.

Го Юнь возразил:

– Случись что-то чрезвычайное, авось и пригодятся. Если не истратите, то я вернусь и заберу, а с собой возить небезопасно.

Мать ответила не терпящим возражений тоном:

– Дома мы их не сохраним. У родственников или друзей беда какая – вот и нет денег.

Го Юнь понял, что ему мать не переспорить, вытащил из пачки две сотенные купюры и вложил матери в руку со словами:

– Это на домашние расходы, а то дома нет ни копейки. Счетчики вон не установлены.

Поколебавшись немного, Лун Шаньин деньги все же взяла, а потом сходила в спальню и сунула их в одежду, лежащую на дне деревянного сундука.

Легкая утренняя дымка рассеялась, накануне осени на Юньнань-Гуйчжоуском нагорье стало хоть чуточку прохладнее. Только что взошедшее солнце закрыли облака, выплеснувшиеся из горной долины. Родители и сын покинули Хуанбаобао и направились в сторону уездного города. Деревенские собаки запомнили Го Юня, больше не лаяли, а виляли хвостом и пробежали за ним часть пути.

В деревне жило много их однофамильцев. Деревенские только что позавтракали и, стоя в воротах, здоровались с Го Юнем:

– На заработки?

На это Го Юнь отвечал односложно:

– Ага.

Такую картину в Хуанбаобао можно увидеть чаще других. Несколько десятков лет назад деревенские редко куда уезжали, а если уезжали, то либо в армию, либо учиться, ли-

бо провести родственников. Вечером перед отъездом почти вся деревня заглядывала попрощаться, уезжающему желали счастливого пути, обсуждали обычаи того края, куда он отправлялся. В те времена это было значимым событием для всей деревни, а теперь стало обыденным делом, окликнут тебя – и на этом все. Только у Лун Шаньин глаза были на мокром месте, она то и дело вытирала их полотенцем. Го Жуйжэнь сердился, что жена вообще пошла провожать сына.

Они потихоньку прошли первый километр. Го Юнь с огромным плетеным мешком за спиной шагал впереди, Лун Шаньин несла маленькое красное пластиковое ведерко, в которое сложила мясо с перцем, пожаренное с утра. Всю дорогу она без конца давала советы, Го Юнь отвечал лишь «ага, ага». Го Жуйжэнь с дорожной сумкой молча плелся сзади. Они проводили сына до автовокзала, родители помогли загрузить багаж в автобус, еще раз попросили в дороге быть поосторожнее и на Новый год возвращаться домой.

Автобус тронулся. Го Юнь махнул родителям рукой:
– Возвращайтесь. Со мной все в порядке.

Автобус свернул и поехал по улице. Солнце уже светило так ярко, что резало глаза, а здания отбрасывали на улицу тени, нагромождавшиеся друг на друга. Автобус удалялся, а потом стал таким маленьким, что уже и не разглядеть, и его загородили другие машины. Только тогда Лун Шаньин вытерла слезы с лица и побрела вслед за мужем в Хуанбаобао.

Журналист поселил стариков в отеле. Это была высотка с лифтами. Го Жуйжэнь, когда сел в лифт, не понял, зачем вообще было заходить в этот металлический ящик, а когда двери закрылись, немного напрягся. Журналист объяснил, что это лифт, так можно подняться на седьмой этаж, где они живут. Когда лифт поехал вверх, старик так перепугался, что уперся обеими руками в стенки, думал, что упадет. Лун Шаньин не поняла, почему у нее закружилась голова, а когда лифт приехал на седьмой этаж, она была уверена, что они все еще на первом, двери открылись, но вестибюль исчез, вместо него тянулся коридор, и Лун Шаньин перепугалась.

В номере они не знали, как пользоваться туалетом. Они привыкли сидеть на корточках, и, сидя на унитазах, ничего не получалось, пришлось садиться на корточки прямо на унитаз. Старики снова перепугались, что свалятся оттуда. Напротив гостинцы высилось двадцатипятиэтажное жилое здание. Как тут все высоко! У Лун Шаньин даже на кровати ужасно кружилась голова, и она пару раз едва не скатилась с нее.

Журналист принес им несколько местных газет за последние дни, среди них и «Вечерняя газета Янчэн», и «Новая газета», и «Гуанчжоуская ежедневная газета», и «Новости южной столицы», и во всех изданиях каждый день освещали

кровавую драму. Чжан Тун нашел несколько репортажей и зачитал старикам. После пары статей Го Жуйжэнь снова поднялся, нацепил очки для чтения и сам внимательно перечитал несколько раз. Ему хотелось понять, почему родной сын совершил такой поступок. В статьях горожане тоже задавались этим вопросом. Полиция уже начала предварительное расследование и жаждала докопаться до истины. Несколько редакций опубликовали телефоны, по которым могли позвонить все, кто владеет хоть какой-то информацией, чтобы пролить свет на произошедшее.

Самой первой в газету позвонила одна девушка по фамилии Вань. Она сообщила, что видела Го Юня в день трагедии в половине девятого утра неподалеку от мемориальной арки. Он лежал навзничь на земле. Несколько пуговиц на одежде были расстегнуты. Го Юнь шевелил ногами и руками, а при виде прохожих закричал, чтобы те вызвали полицию, но его долгое время все игнорировали. Внезапно парень поднялся и заревел: «Я и после смерти вам спуска не дам!»

«В тот момент многие из зевак, увидев его состояние, вытащили телефоны, я решила, что они вызывают полицию, поскольку торопилась на работу, то сама звонить не стала. Если бы тогда ему помогли, возможно, этого ужаса и не случилось бы».

На этом месте Го Жуйжэнь вскочил с криком:

– Ах! Ну почему эти городские такие бесчувственные! У нас в Хуанбаобао пусть народу и не так много, но даже один

бы и тот помог, а когда ты не протягиваешь руку человеку в беде, значит, совесть твою псы сожрали!

Чжан Тун продолжил читать. Еще один читатель позвонил в редакцию газеты и сообщил, что утром второго сентября подвозил Го Юня в Танся. На часах было десять минут седьмого. По цене сошлись на пятидесяти юанях. По прибытии Го Юнь бросился в комитет по охране правопорядка и даже денег не заплатил. Этот читатель, пожелавший остаться неизвестным, упомянул, что, пока они ехали на мотоцикле, Го Юнь расспрашивал, где можно купить взрывчатку, обещал заплатить тысячу юаней, если тот его отвезет. Он собирался купить взрывчатку, чтобы «отомстить обществу и самому погибнуть».

В этот раз Го Жуйжэнь не издал ни звука. Он понимал, что сын неспроста такого возжелал.

Дальше шел репортаж с места происшествия: «Репортер выехал в Танся по адресу, указанному в телефонном звонке, на поиски очевидцев. Он нашел одну женщину по фамилии Кан, которая мыла машины на обочине. Второго сентября около семи часов она тоже вышла на работу. Она сообщила журналисту, что не прошло и двух минут, как к воротам фармацевтической компании "Дагуан" со стороны мемориальной арки подъехал мотоцикл, на котором в качестве пассажира сидел какой-то парень. Мотоцикл еще толком не остановился, как он уже спрыгнул, не взяв даже плетеный мешок, и помчался в дежурку комитета по охране правопорядка с

криками: "За мной гонится убийца!" Один из сотрудников вышел посмотреть, но больше-то никого не было, не похоже, чтобы за ним гнались и хотели убить. В итоге сотрудник комитета по охране правопорядка не стал разбираться, в чем дело. Парень очень рассердился. Он два раза стукнулся головой о стену, да так, что кровь потекла, а потом выбежал на дорогу, надрывно крича: "Убивают! Вызовите полицию!"

Мотоциклист, наверное, решил, что парень того, положил плетеный мешок рядом с мусорным баком и уехал, не дожидаясь оплаты. Одна дворничиха сказала, что плетеный мешок был набит каким-то старым тряпьем. Мусорщик хотел было забрать мешок, но она не дала. Собралась целая толпа зевак, и она не обратила внимания, кто в итоге забрал тот мешок. А тот парень катался по земле и просил вызвать милицию. Потом он еще сходил в магазинчик, купил себе бутылку минералки, показал зевакам свой паспорт и сказал, что он не сумасшедший и правда на его глазах один человек убил другого.

Хозяин магазинчика сообщил, что видел, как парень достал из кошелька деньги и стал совать какой-то девушке, чтобы та помогла вызвать полицию, но он не рассмотрел, сколько в кошельке было денег.

Журналист нашел и других очевидцев, которые рассказали, что, пока Го Юнь валялся на земле около амбулаторного отделения Наньго, с ним рядом постоянно торчал какой-то парень, то и дело разговаривавший с Го Юнем, – на вид око-

ло тридцати лет, голый по пояс, рост около метра семидесяти, худой, в руках черный зонтик, говорил он на плохом путунхуа¹⁷. Он вышел с рынка, в ближайшей булочной купил хлеб, а еще в газетном киоске приобрел газету».

Лун Шаньин спросила:

– Этот парень и есть тот мерзавец, что хотел убить сыночку? Почему же люди не помогли и не схватили его?

Все молчали. Го Жуйжэнь уточнил:

– Это все?

Чжан Тун покивал. Го Жуйжэнь взял газету и попросил Чжан Туна показать ему статью. Он увидел, что рядом с заметкой был еще один жирный подзаголовок: «Просим связаться с редакцией мотоциклиста и "парня с зонтиком"». Текст такой: «Откуда Го Юнь приехал на мотоцикле? С вокзала? Что ему понадобилось в районе Танся? Мы боимся, что на этот вопрос дать ответ сможет только мотоциклист, подвозивший в тот день Го Юня. Надеемся, что этот мотоциклист сможет связаться с нашей редакцией, а также надеемся, что нам позвонит и парень с черным зонтиком, который разговаривал с Го Юнем». Далее следовал телефон горячей линии редакции.

Го Жуйжэнь сказал жене:

– Тут есть телефон. Мотоциклист прочитает и позвонит в редакцию. Скоро мы узнаем, почему Юнь сошел с ума. С него будут сняты подозрения.

¹⁷ Путунхуа закреплен Конституцией КНР как государственный язык.

В глазах Лун Шанъин появилась надежда. Она нашла еще одну газету и спросила у Чжан Туна, есть ли там что, после чего дала ему прочесть.

Еще одна газета опубликовала сообщение читательницы. В редакцию позвонила преподавательница университета и рассказала, что в тот день Го Юня, который валялся на земле и вел себя очень странно, обступила целая толпа. Взрослый парень и так горько плачет, наверняка что-то тут не чисто. «Я спросила: "У вас что-то случилось?" Он тут же повернулся и поклонился мне до земли со словами: "Я сегодня утром сошел с поезда. За мной гонятся и хотят убить. Их трое. Они меня преследуют. У меня даже билет еще с собой!" Затем он вытащил из кошелька билет. Я тогда толком не рассмотрела, а спросила, кто его преследует. Он развернулся и ткнул пальцем в парня, стоявшего за ним: "Вот он!"

Я посмотрела в том направлении, куда он показывал. Там стоял парень, но вроде бы с бесстрастным лицом. На вид около тридцати, стрижка ежиком, рост до ста семидесяти, одет в серую куртку и брюки, в руках он ничего не держал.

Когда я хотела снова обратиться к Го Юню, то внезапно какой-то мужчина ткнул мне в бок антенной от рации со словами: "Проваливай!" Он был голый по пояс, в черных брюках. Я тогда очень испугалась и тут же ушла, а потом позвонила в полицию. Я уверена, что Го Юнь не сумасшедший, он выглядел как нормальный человек, вот только во рту была кровь...»

На этом месте Лун Шаньин разрыдалась:

– Бедный мой сыночек! Говорила я, не уезжай, плохо тебе одному мыкаться! Какой же бессовестный мерзавец тебя обидел?! Ты ведь никому ничего плохого не сделал! Почему они хотели тебе причинить вред?

Го Жуйжэнь пробормотал себе под нос:

– Да, хорошо было бы, если бы рядом кто-то был. Вот ведь горькая судьба у сыночка. Один на улице перед целой толпой плакал и кричал, а ему никто не захотел помочь! Куда катится мир?

На глаза старика навернулись слезы, а душа заболела так, что он нахмурил брови.

Журналист этой газеты тоже отправился в район Танся разобраться, что к чему. Хозяин ларька рядом с рынком рассказал, что в тот день Го Юнь приехал на мотоцикле, мотоцикл остановился перед дежуркой комитета по охране общественного порядка. В тот момент Го Юнь еще держал в руках полосатый мешок, а как слез с мотоцикла, так бросил мешок на землю, а сам побежал в дежурку. Лицо его было бледным, вид – испуганным.

В дежурке он с порога сообщил, что его хотят убить, и попросил немедленно сообщить в полицию. Сотрудники комитета по охране правопорядка выскочили на улицу, но никто так и не спросил у Го Юня, что же случилось. Он подождал в дежурке несколько минут и тоже вышел.

А потом непонятно, что случилось; Го Юнь постоял

немного на пороге дежурки, а после вдруг два раза ударился головой о стену. Стоявший рядом сотрудник комитета по охране безопасности не успел его остановить. Го Юнь так ударился, что отлетел. После этого он выбежал на середину дороги, сначала он свистнул, а потом рухнул на землю и громко закричал: «Я из Гуйчжоу! Меня подставили! Меня хотят убить! Братья, сестры! Помогите мне! Поскорее сообщите в полицию! Спасите меня!» Он кричал посреди дороги целый час, потом лег на землю и задрогал руками и ногами.

Дальше уже хозяин ларька смотреть не стал. Газета опубликовала также комментарий профессора центра психологической помощи Университета имени Сунь Ятсена, по мнению которого, поведение Го Юня свидетельствует о том, что после сильного потрясения у него начались галлюцинации, говоря научным языком, «мания преследования».

Почему же Го Юнь, совершая убийство, выбрал объектом маленькую хунаньскую девочку? Профессор сказал, что людям, страдающим манией преследования, нужно на кого-то излить злобу, а потом скрыться, при этом в качестве жертвы они выбирают человека слабее себя. Исходя из собственного опыта, профессор сказал, что причиной поступка Го Юня стал гнев, который он долгое время подавлял, и ему уже сложно было контролировать этот выплеск, при этом его слова «Сестрица, ты уж прости меня!» свидетельствуют о том, что в тот момент он соображал как нормальный человек.

Репортер отправился на вокзал, нашел поезд № 1320, ко-

торый прибыл второго сентября в Гуанчжоу, и сотрудники поездной бригады сказали, что поскольку у студентов начиналась учеба, то народу в поезде в тот раз ехало немало. Некоторые стоя. В поезде нет кондиционеров, это самые простецкие пассажирские вагоны. Симптомы всяких психических расстройств в поездах можно увидеть довольно часто, особенно во время наплыва пассажиров, когда крестьяне возвращаются домой. Основная причина в том, что они везут при себе большие суммы наличкой и чрезвычайно по этому поводу переживают, или просто от скопления людей случается нервный срыв, а бывает и такое, что в поезде у человека обманом выманят все деньги и ценности, и он сильно убивается. Однако полицейский, сопровождавший поезд № 1320, заявил, что в тот день нарушений правопорядка не было и он не заметил ничего необычного в поведении кого-то из пассажиров.

13

Родные Го Юня отправились в полицейский участок. Они не верили, что сын мог такое сотворить, и хотели докопаться до истины. Почему их добряк-сын внезапно стал убийцей? Уголовная полиция вела расследование обстоятельств гибели Го Юня. Полиция отправила сотрудников в уезд Наян посмотреть, как жил Го Юнь. Провели вскрытие трупов Го Юня и девочки. Ход расследования держали в строжай-

шей тайне.

Лун Шанъин по ночам то и дело просыпалась и зачастую спросонок не понимала, где находится. У Го Жуйжэня постоянно болело сердце, и он спал по чуть-чуть. Ему хотелось отправиться в те места, где видели Го Юня. Чжан Тун боялся, что старик слишком распереживается и здоровье не выдержит, а потому без конца уговаривал не делать этого.

Спустя два дня вечером в редакцию снова позвонили. Газета напечатала запись телефонного разговора, не указывая фамилию звонившего:

«Я на все сто процентов гарантирую, что все, что расскажу, – правда, если захотите, то могу даже еще раз провести вас по этим местам.

Второго сентября в шестом часу утра Го Юнь – я уже потом в газете прочитал, что его зовут Го Юнь, – вышел из здания вокзала, в руках он нес плетеный мешок, дорожную сумку и красное пластиковое ведро, судя по всему, довольно тяжелые. Он потоптался у входа в метро D3 буквально пару минут, где с ним заговорили двое зазывал, но Го Юнь не отреагировал. Он направился к пешеходному мосту, чтобы добраться до автовокзала. На пешеходном мосту Го Юнь повстречал какого-то парня, у которого на груди висела табличка "Координатор пассажирских перевозок автовокзала" (сотрудники автовокзала сказали, что в их организации нет такой должности. – Примечание редактора), еще при нем было удостоверение с печатью, видимо, Го Юнь решил, что перед

ним действительно сотрудник автовокзала. Я так понял, что эти ребята заодно и все они хэнаныцы. Они рядом с вокзалом зазывают клиентов как минимум лет пять-шесть. Тот парень посадил Го Юня в автобус № 269. А двое других зазывал зашли следом. Они втроем буквально сели Го Юню на хвост.

Примерно в десять минут седьмого я провожал одного пассажира, только что сошедшего с поезда, до перекрестка Чэбэй, чтобы посадить на автобус до Шэньчжэня, и оказался в одном автобусе с Го Юнем, мы с ним сидели друг за другом. Я учуял, что от вещей Го Юня исходил сильный аромат съестного, и спросил, что там. Го Юнь ответил, что везет гостинец из дома, местный деликатес. Я поинтересовался, откуда он, и он ответил, что из Гуйчжоу. А еще он добавил, что никогда не сталкивался с дурными людьми и не боится их. Мне он тогда показался обычным парнем, правда много повидавшим. А та троица за всю дорогу не проронила ни слова.

Примерно в половине седьмого Го Юнь вышел на остановке "Перекресток Чэбэй", и его преследователи тоже. В том месте останавливается очень много нелегальных автобусов, особенно рано утром, можно добраться до любого города в дельте реки Чжуцзян. Но в тот момент прохожих было мало, зато рядом болтался мотоциклист. Троица хэнанцев усадила Го Юня в желтый нелегальный автобус, который следовал по маршруту до Дуньгуаня, в автобусе уже сидели двое других пассажиров.

По нашей внутренней договоренности, когда я привожу

клиента водителю, он мне платит тридцать юаней. После того как Го Юнь сел в автобус, я услышал перепалку. Впоследствии оказалось, что эта троица разменивала деньги Го Юню и подсунула одну фальшивую купюру. Го Юнь – человек очень бдительный, он тут же обнаружил обман и потребовал, чтобы ему вернули деньги, громко заявив, что обратится в полицию. Зазывалы разозлились: «Ах, в полицию пойдешь! Тогда мы тебя прирежем!" Они все втроем накинулись на него, били руками и ногами. Го Юнь сопротивлялся, и тут один из парней вытащил нож, и тогда Го Юнь что есть мочи рванул прочь из автобуса, а эти трое его преследовали. Го Юнь прихватил только плетеный мешок, а остальные вещи так и остались в багажнике нелегального автобуса, их никак было не взять. Го Юнь тащил на спине плетеный мешок, и один из зазывал догнал его, свалил с ног и пнул со всей силы, затем подоспел и его напарник с ножом, но Го Юнь поднялся и побежал что было сил... Он поймал мотоциклиста, который ехал в сторону Танся. А что было дальше, вы уже знаете».

Чжан Тун прочел эту статью и засомневался, зачитывать ли ее старикам. Ему было горько понимать, что они очень ждут этих подробностей, но как старикам вынести этот ужасный рассказ и кровавые подробности?! Сердце затрепетало и заболело так, что и словами не выразить. Он припрятал газету, решил дожидаться подходящего случая.

В тот день Го Жуйжэнь как раз спрашивал, нет ли в газе-

те новостей о сыне. Звонил ли тот мотоциклист? Лун Шань-ин спросила, выяснили ли, что то был за парень с зонтиком. Чжан Тун покачал головой и ответил, что ничего нового нет. Го Жуйжэнь добавил, что хочет попросить Ян Фули отвезти его в Тянься. Ян Фули – его второй зять, он на заработках в Кайпине. Он спозаранку выехал из Кайпина в Гуанчжоу, а когда Го Юнь погиб, именно Ян Фули первым опознал тело и пришел в полицейский участок заполнять необходимые бумаги.

Ян Фули приехал в одиннадцать. Они вчетвером сходили в ресторан пообедать. Лун Шаньин не хотела есть, попросила завернуть с собой. Когда вернулись в номер, она тут же легла. Вся эта суета и скорбь последних дней совершенно лишили ее сил. Го Жуйжэнь не стал подниматься и попросил Ян Фули отвезти его в Тянься.

В автобусе № 224 было чисто, работал кондиционер. В полдень народу было не много, можно было устроиться поудобнее. По обеим сторонам от улицы Дафэнлу высились дома. Го Жуйжэнь сидел у окошка. В огромное окно автобуса было видно все по обе стороны дороги. Железобетонные высотки вырастали одна за другой, тридцатиэтажки и сорокоэтажки жались друг к другу – некоторые стеклянные, некоторые облицованы темно-красным мрамором, некоторые гладкие и сияющие, словно листовая сталь, белые-пребелые, белоснежные. Го Жуйжэнь не понимал, из чего они сделаны. От долгого разглядывания закружилась голова.

А некоторые дома только строились, они были затянуты огромной зеленой сеткой, рабочих внутри было не разглядеть, звуков Го Жуйжэнь тоже не слышал, но понимал, сколько приехавших из деревни парней прячутся там за сеткой и трудятся в поте лица. Некоторые односельчане из Хуанбаобао работали на стройках в Гуандуне. Все эти высотки построили крестьяне!

И тогда Го Жуйжэнь снова вспомнил о желании сына построить дом. Всей семьей целый год они трудятся не покладая рук, а даже одноэтажный домик себе позволить не могут. Почему же, когда приезжаешь в город, эти высотки растут как на дрожжах, яблоку негде упасть – сплошь многоэтажки, одна выше и элитнее другой, и вырастают словно бы без денег? Высотки тоже презирают бедных и предпочитают богатых!

Автобус въехал на круговую автомобильную развязку. Надо же, в этом городе даже дороги на уровне крыш, это сколько же денег нужно потратить! У них в Хуанбаобао все дороги сообща прорыли мотыгами и лопатами в желтоземе совершенно бесплатно. В последние годы все молодые крепкие парни из деревни поужезжали, дорога раскисла, даже нескольких человек, чтобы отремонтировать, и то не сыскать. Старикам и детям приходилось ходить по этой ухабистой дороге на базар и в школу, в дождливый день по уши в грязи, в ясный – с ног до головы в пыли. Однако кто же из тех, кто жалел денег, чтобы вернуться в Хуанбаобао, сам разбогател? Го

Жуйжэнь не знал. Международный рынок заполнили продукты с низкой себестоимостью, которые производили в городах с опорой на дешевую рабочую силу, хозяева фирм считали прибыль, а братья-крестьяне терпели невзгоды.

Когда сынок поехал в город на заработки, то сначала испытывал радостное возбуждение, искал в городе карьерного развития, раз в два-три месяца звонил по телефону и не забывал рассказывать о будущих планах. Сын хотел найти свое место в городе. Он упорно осваивал технические знания, повсюду искал работу, хотел расти профессионально, возможно, даже перевезти родителей в город, чтобы и они пользовались городскими благами. Но это все мечты, в городе у человека душа ожесточается, ты посреди широченной улицы ползаешь и плачешь, а окружающие не обращают на тебя внимания. Если бы все это происходило в Хуанбаобао, разве были бы люди такими жестокими?

С одной развязки автобус снова съехал на другую, а потом спустился с высот на землю и оказался на улице Тяньхэлу. От этих поворотов у Го Жуйжэня голова пошла кругом. Он испугался: город такой огромный, и человек в нем пустое место. Внезапно он затосковал по родному дому. Он понял, почему сыну не хотелось обратно в город. Пусть Хуанбаобао и нищая деревня, но там дом, если у односельчан, независимо от возраста, что-то случается, то ему всегда придут на помощь. А в городе к кому обратишься? Сердце Го Жуйжэня иступленно колотилось. Два дня Го Жуйжэнь повсюду

ходил за журналистом, не осмеливался ни слова сказать, ни шагу самостоятельно ступить. Этот город словно безграничное море – чуть зазеваешься и утонул.

Автобус остановился перед торговым центром «Тяньхэчэн», вышло много народу, но и зашло тоже много. На площади повсюду были люди, они копошились, как муравьи, занятые своими делами. Старик обратил внимание на фонтан, бывший вверх, а окружающие туда даже не смотрели.

Го Жуйжэнь вспомнил, что в первый вечер они тут уже проезжали. Если бы они были в деревне, то с наступлением темноты дома и не разглядишь. Как и горные пики, спокойно высившиеся за деревней, от них оставались лишь тени, а иногда тьма сгущалась так сильно, что и теней не видно. Вот что называется «вечер», вот что называется «темнота». А в Гуанчжоу вечер и белый день – одно и то же, в здании кругом огни, на улице красные и зеленые огоньки, словно нарисованные, а в воздухе, как туман, висит светящаяся пыль, да и стены тоже освещены. А еще ведь были и прожектора, которые озаряли лишь облака в небе. В Хуанбаобао тоже проведено электричество, вот только всем жалко им пользоваться, свет пораньше выключают и ложатся спать. Неудивительно, что сейчас повсеместно строят гидроэлектростанции, даже поля под них затапливают, перебрасывают электроэнергию с запада на восток¹⁸, а этой самой электроэнергией в городе

¹⁸ Осуществление проекта транспортировки электроэнергии с запада на восток началось в июле 2001 г.

народ освещает стены и облака. Жалко затопленных полей, ведь ту землю крестьяне унаследовали от предков!

Двадцать лет назад Го Жуйжэнь ездил в Ханчжоу, в те времена город был совсем не таким, на один фонарь больше по сравнению с деревней, не было такого расточительства, да и горожане не так явно отличались от деревенских жителей. И впрямь времена поменялись.

14

Они приехали в Танся. Вот и мемориальная арка. Вот та самая улица, по которой ползал Го Юнь: немного неровная, на углу гостиница. Движение в обе стороны, все кругом застроено, балкон на балконе, расстояние между ними меньше одного *чи*¹⁹. Это дешевое жилье, которое крестьяне построили, а теперь сдавали в аренду, – фактически деревня в черте города. Город бешено разрастается, несколько лет назад тут была настоящая деревня, а теперь ее со всех сторон обступили высотки. У крестьян не осталось полей для посева, приходится жить за счет сдачи жилья. Зато появилась масса свободного времени, заняться нечем, и они коротали дни, играя в карты на деньги. Эти домики – тесные, темные, влажные, грязные, и сдают их исключительно приезжим работягам, а еще здесь обитают проститутки, преступники в бегах и всякий сброд, занимающийся нелегальной деятельностью.

¹⁹ *Чи* – китайская мера длины, равная 33,3 см.

Азартные игры, грабежи, убийства, наркотики и проституция – все это процветает в темноте. А по улице снуют туда-сюда люди, словно бы ничего и не происходит, а о том, что случилось вчера, сегодня уже забывают.

Го Жуйжэнь нашел дежурку рядом с рынком, хотел лично расспросить сотрудников отдела по охране правопорядка о случившемся. Коротко стриженный молодой парень спросил, кто ему нужен, на что Го Жуйжэнь ответил, что он отец Го Юня и хотел поговорить о событиях второго сентября. Парень переспросил:

– Го Юнь? А кто это? Я такого не знаю.

Он уточнил у другого сотрудника в сине-черной форме, а тот целых две минуты смотрел в упор на старика и ничего не сказал. Го Жуйжэнь не намерен был отступать, он спросил еще одного проходившего мимо сотрудника. Тот оказался весьма любезен:

– Простите, я не знаю отца Го Юня, не знаком с ним.

Го Жуйжэнь пояснил:

– Я и есть отец Го Юня.

Сотрудник смерил его взглядом:

– Кто может подтвердить это?

Вопрос поставил Го Жуйжэня в тупик. А ведь и правда, кто может подтвердить, что он – это он? В деревне Хуанбао-бао если представляешься, то никто не сомневается. А сейчас кто он? Го Жуйжэнь подумал про домовую книгу, но не привык постоянно носить ее с собой. Он не понимал, что

город отличается от деревни. В городе люди подтверждают свою личность документами. Нет документов – и ты никто. Го Жуйжэнь ткнул пальцем в Ян Фули, сказал, что это его зять, он и может подтвердить. Сотрудник отдела по охране правопорядка терял терпение:

– А я откуда знаю, что он ваш зять? Все, хватит вопросов. Уходите!

Го Жуйжэнь в толпе людей, заходивших и выходивших из рынка, внезапно ощутил себя ужасно странно. Ему никогда не приходилось испытывать подобного одиночества в толпе. Ноги обмякли, но он отправился на поиски упомянутого в статье «ларька». Он подумал, что, наверное, речь шла о лавочке. Раз Го Юнь покупал там минералку, то точно лавочка. Лавочек кругом было превеликое множество, и он не знал, какая нужна, поэтому подошел к первой попавшейся, где продавали минералку, потоптался перед прилавком, кашлянул, а потом важно спросил у женщины средних лет, торчавшей в лавке:

– Скажите, несколько дней назад вы видели человека, который вон там звал на помощь?

Женщина как раз обслуживала покупателя и проигнорировала Го Жуйжэня. Он снова набрался смелости и повторил вопрос. Женщина отсчитала сдачу, а потом повернулась к нему:

– Что хотите купить?

Го Жуйжэнь ответил:

– Хотел кое о чем узнать. Несколько дней назад вы видели человека, который вон там звал на помощь?

Женщина переспросила:

– На помощь звал? Да тут куча народу на помощь зовет. Я продаю товары, а если ничего не хотите покупать, так ступайте в другое место.

Го Жуйжэнь задержался еще немного, хотел было сказать, что речь про молодого человека, который скинул с моста девочку, но язык не поворачивался такое вымолвить. В глубине души он надеялся, что это сделал кто-то другой. Пока он мялся, женщина начала обслуживать очередного покупателя.

Го Жуйжэнь смотрел на грубый асфальт улицы и словно бы видел сыночка Юня, который с трудом, шаг за шагом двигается вперед. Он плачет, вся спина в синяках от побоев, кровь капает на твердый и холодный асфальт, он ужасно напуган, ему очень больно, он одинок, а люди на улице, как и сейчас, движутся сплошным потоком, словно ни в чем не бывало, занятые только собой, бегут куда-то и торопятся по делам. Он впадает в истерику, и чем дальше, тем больше люди считают его безумцем и избегают, боятся навлечь на себя неприятности. Рядом с рынком много кто ползает на карачках, плачет и просит денег, все давно уже привыкли. А сын в исступлении кричит: «Я и после смерти вам спуска не дам!»

Го Жуйжэнь мысленно увидел растерянный, безумный, горящий огнем взгляд сына. В нем читались зависть, гнев и

ненависть. Го Жуйжэнь горестно закрыл глаза. Сыну в конце концов приходится сделать тот шаг, он пытается перебороть себя, дрожит всем телом... денег нет, надежды создать семью и начать свое дело растаяли, жизнь висит на волоске, а на оживленной улице никто не протянул руку помощи, перед сыном предстал безумный мир – мир, живущий по принципу «или ты, или тебя», одинокий мир, который тебя губит... Го Жуйжэнь тоже невольно задрожал всем телом, он медленно брел по той дороге, где полз его сын, боялся идти быстро, поскольку хотел вместе с сыном преодолеть этот самый трудный и утомительный в его жизни путь. Двести метров, а сын плакал тут и кричал больше часа! Он вспомнил, как вернулся из Ханчжоу и двухлетний сын с перепачканными глиной ручонками бросился к нему, споткнулся по неосторожности о порог и упал. Го Жуйжэнь тут же заключил его в объятия, гладил и успокаивал: «Сыночек, сыночек», а сердце сжималось от боли. Тогда вся семья жила вместе, пусть и трудно им было, зато как уютно. А теперь истекающий кровью сын ползал по грязному шершавому асфальту, жалобно рыдал, словно был один в горном диком краю, никто не спас его, и Го Жуйжэнь тоже не смог спасти. Он был дома, он стар, он не понимал, что да как тут в городе. Старческие слезы текли по лицу. Он понял, почему сын выбрал такой диковинный способ – лечь на спину на землю, лицом к людской толпе, и ползти на спине, отталкиваясь локтями и ладонями. Парень отчаялся, потерял всякую опору, его никто не мог

защитить, и Го Юнь чувствовал себя в безопасности, лишь прижавшись спиной к земле; только так никто не мог ударить его в спину, лишь на землю можно опереться. Слишком часто он видел, как удар наносят исподтишка. Он лег, чтобы на него обратили внимание. Гнавшиеся за ним мерзавцы не смогут действовать под пристальными взглядами толпы, а он понимал, что уже не в состоянии сопротивляться этим злодеям. Го Юнь кричал, надеясь, что его спасут. Он чувствовал, что преступники наблюдают за ним, стоя неподалеку, ухмыляются, выжидают... После часа плача кровавыми слезами и криков он полностью отчаялся, потерял надежду на собственную жизнь, разочаровался в обществе. А от отчаяния сделал шаг к гневу и бешенству, причем настолько сильному, что он уже не мог сдерживаться, и это состояние довело его до крайности...

Го Жуйжэню хотелось бы уговорить сына не трогать девочку, у малышки даже собственных игрушек не было, приходя в магазин, она каждый раз лишь гладила игрушки на прилавке – такой же несчастный ребенок!

Го Жуйжэнь с мокрым от слез лицом медленно брел, как серьезно больной человек, уставившись себе под ноги. Шаги стали тяжелыми, будто ноги налились свинцом. Прохожие с любопытством поглядывали на старика, возможно, некоторые принимали его за сумасшедшего, другие – за больного, третьи, видя его несчастный вид, наверное, думали, что у старика случилась какая-то беда... Но никто, ни один че-

ловек не замедлил шаг. Проявить заботу о незнакомце в городской суете весьма опрометчиво.

Старик медленно брел, слегка прихрамывая, он чувствовал, что этот отрезок пути принадлежит им обоим, отцу и сыну, он представлял те муки, что испытывал сынок, ползком преодолевая каждый сантиметр и хотел разделить эту ношу. Он в большом долгу перед сыном и таким способом оплакивает его и высвобождает душевную боль.

15

На другой день Чжан Тун нашел газету, где целый разворот посвятили репортажу с похорон хунаньской девочки. «На похороны по собственной инициативе пришло большое количество горожан, чтобы проводить бедняжку в последний путь; один человек принес плюшевого мишку, и работники морга положили игрушку рядом с девочкой. Еще один горожанин подарил две тряпичные кукол-талисмана. Многие хотели сделать пожертвование родителям малышки. Девочка успела один день сходить в детский сад, воспитательница вместе с родителями и коллегами собрали тысячу юаней, чтобы хоть так выразить сочувствие, и, подарив деньги родителям девочки, женщина не выдержала и за стенами зала для прощаний горько разрыдалась. Некоторые родители принесли венки. На похороны привели одну четырехлетнюю девочку, родители которой тоже приехали на заработки

в Гуанчжоу. Пришел восьмидесятиоднолетний дедушка по фамилии Чжан, страдающий от рака, но и он хотел пожертвовать деньги. А раньше всех пришел один сокращенный работник, проживавший в районе Чиган. Всего более сотни человек, и среди них много тех, кто приехал на заработки, что очень тронуло семью Жэнь.

Девочка лежала в стеклянном гробу, одетая в розовый костюмчик. Это отец купил любимой доченьке последний в ее жизни наряд. Лицо малышки припудрили розовой пудрой, а в ножки положили большой букет хризантем. На фотографии девочка была одета в маечку в цветочек и розовые брючки, в руках малышка держала цветок и ослепительно улыбалась в лучах летнего солнца.

Родители девочки, обе бабушки и тетка рыдали в голос. Жэнь Чуань причитал: "Девочка моя, очнись! Ты знаешь, как папа тебя любит?! Ты в тот день поцеловала маму, а папу почему не поцеловала?! Знаешь, как сильно папа тебя любит? Почему ты не откроешь глазки и не посмотришь на папу? Папа правда тебя любит! Если бы в тот день папа не пошел на работу, а отвел бы тебя гулять, как обещал, то с тобой бы ничего не случилось!"

Девочку воспитывала в хунаньской деревушке ее бабушка по материнской линии. Бабушка перед гробом спела хунаньскую песню и прочла молитву об упокоении души. Пожилая женщина запинаясь после каждого слова, мелодия была очень грустной, и она пела так, что прямо сердце раз-

рывалось...»

Когда Чжан Тун дочитал репортаж с похорон, то тоже залился слезами. Они не смогли решить, нужно ли их семье пойти на похороны малышки. Им хотелось проводить бедняжку в последний путь, но они боялись, что родители девочки сорвутся и может произойти невесть что. Однако семья девочки очень удивилась, что из семьи Го на похороны не пришел ни один человек, и еще сильнее их возненавидела.

Чжан Тун нашел на другом развороте еще одну статью, имеющую отношение к Го Юню. Один журналист связался с тем самым зазывалой, что звонил в редакцию, и вместе с ним еще раз проехался по маршруту Го Юня. А после было напечатано мнение читателя, который сомневался в достоверности сведений, предоставленных свидетелем, ведь за такую информацию редакция платила деньги, кроме того, свидетель подставлял себя и коллег по цеху.

Дальше шло объяснение самого зазывалы. Он сказал, что зазывает пассажиров на вокзале уже много-много лет, но всего лишь берет долю у водителей нелегальных автобусов, отродясь не сделал никому ничего худого и всегда поступал по совести. Го Юнь совсем молоденький, приехал в Гуандун на заработки, а в итоге лишился жизни, очень и очень жалко. Промолчать – это пойти против совести. Только потому он и разоблачил своих же коллег, которые в погоне за деньгами сгубили чужую жизнь.

Чжан Туну показалось, что этому человеку нельзя до кон-

да верить, сейчас народ запросто истории сочиняет. Но полиция никак не отреагировала, а ведь это какая-никакая зацепка. Остается придумать, как рассказать старикам. Страшновато, хотя их тревога уже бесполезна, сына-то не вернешь, но они все равно будут горевать. Нужно поразмыслить, как им преподнести.

16

Наконец появилась и девушка Го Юня. Один журналист, уроженец Гуйчжоу, через земляков как-то утром добрался до нее, и она согласилась на интервью.

«Я сейчас в расстроенных чувствах, не хочу ничего с вами обсуждать».

После гибели Го Юня Ян Пин два дня не могла поверить, что это правда, пока в газете не опубликовали фото. Да, это его крупная голова, его чуткие и умные глаза, которые почти каждый день смотрели в ее глаза, и девушка читала мысли и ощущала сильную и искреннюю любовь, которая светилась в его взгляде. Она тогда начала рыдать прямо с газетой в руке.

«Я проводила его на поезд до дома и думала, что он скоро вернется. Представить не могла, что он умрет!»

Девушка сказала, что они с Го Юнем земляки, из одного уезда, познакомились на работе в Шэньчжэне. Завод, на котором трудилась Ян Пин, располагался в шести-семи остановках от завода, где работал Го Юнь. Как только у парня

появлялось свободное время, он садился на автобус и ехал к ней, стоял у ворот и ждал, когда она закончит работу. Он водил ее гулять, покупал всякие вкусности, веселил ее.

Го Юнь каждый месяц зарабатывал больше тысячи юаней, а Ян Пин – всего несколько сотен. Они встречались два года и планировали пожениться. Ян Пин очень сожалела, что они так и не съездили в гости домой к Го Юню и она не знакома ни с кем из его родных. Журналист предложил приехать к ней домой, на что Ян Пин закричала: «Ни в коем случае! Меня убьют!» Дело в том, что ее родные не в курсе, что у нее роман с Го Юнем. Судя по тому, как девушка взволнованно бормотала, журналист пришел к выводу, что она беременна и носит под сердцем плоть от плоти Го Юня.

Ян Пин сказала, что Го Юнь был очень бережливый и работающий. Он в основном не тратил ни копейки из заработанных денег, разве что приглашал друзей поесть.

«По жизни он относился ко мне, как к младшей сестренке. Он на меня полагался, я была смыслом его жизни. Он все мне отдавал, и мы мечтали о будущем вместе. Он всей душой хотел построить дом и взять меня замуж. Мы были опорой друг для друга...

В эти дни я прокручиваю то, что мы пережили вместе, словно кинолентку в голове, скучаю по нему, хожу в те места, где мы вместе бывали... и каждый день плачу...

Я планирую уволиться и вернуться домой, хочу спокойно пожить хоть какое-то время. Номер телефона тоже поме-

няю. Мне хочется одного – вернуться под крылышко к маме с папой. Поеду ли я потом снова на заработки, сложно сказать. Родные меня опекают, называют Ласточкой. Мне хочется вернуться в спокойную деревеньку, погулять, посмотреть, послушать добрые слова из уст родителей, возможно, тогда я смогу забыть все свои беды. Но Го Юня я до конца жизни не забуду... Я его люблю, но... но его больше нет... он меня оставил одну-одинешеньку-у-у...»

Дальше интервью продолжить не удалось, поскольку Ян Пин разрыдалась, а потом и вовсе повесила трубку и больше уже не брала.

Чжан Тун рассказал об этом старикам. Их лица приобрели серьезное выражение. Лун Шаньин тяжело вздохнула. Го Жуйжэнь ругал себя за невнимательность. Он слишком мало заботился о сыне. Сынок не мог построить дом и очень переживал. Отец вспомнил плач в тот вечер, это точно плакал Го Юнь, но притворился, что ничего не случилось, не хотел, чтобы родители переживали. У Го Жуйжэня при мысли об этом защемило сердце. Оказывается, у сыночка были планы, он хотел жениться, завести ребенка, жить с любимой девушкой, но этим мечтам не суждено сбыться. Сынок сам должен был стать отцом, но не было жилья, не было официальной работы. Подружка, забеременев, потеряет работу, они вернутся в деревню – и на что жить? Сыночку в этом году исполнилось двадцать восемь лет... Лун Шаньин вспомнила, как Го Юнь, вернувшись, все выходил из дома позвонить,

сейчас она поняла, почему он так переживал.

Про их с Го Жуйжэнем мытарства тоже написали в газете. Читатели сочувствовали им. Некоторые даже передавали двум несчастным старикам деньги. Многих читателей заботило, смогут ли примириться семьи Го и Жэнь. Они ведь хорошие люди, которым пришлось несладко. Когда между хорошими людьми возникает вражда, а один хороший человек убивает другого, это сильно огорчает. Читатели надеялись, что хорошие люди смогут простить друг друга и помириться.

Стариков пригласили в редакцию гуанчжоуской газеты в том числе и за этим. И тут в редакции раздался звонок от директора развлекательного центра по фамилии У, который выразил желание финансово помочь обеим обездоленным семьям. Утром он отправился в крематорий и нашел там Жэнь Чуаня, который забирал прах дочери, чтобы отвезти на родину, в Сянтань²⁰. Директор У хотел помочь двум семьям, взяв на себя расходы на лечение девочки и оплату похорон как девочки, так и Го Юня. Если семьи захотят, то он может подобрать им работу по силам в своем развлекательном центре. По его словам, когда он читал в последние дни газетные статьи, то ощущал атмосферу подавленности, он надеется, что участники этой трагедии смогут преодолеть вражду.

Жэнь Чуань поблагодарил директора У и крепко пожал ему руку. Тот выдал ему две тысячи юаней наличными, чтобы для начала покрыть расходы на дорогу. «Сегодня с собой

²⁰ Сянтань – город в провинции Хунань.

только эта сумма, но если впредь возникнут какие-то трудности, то обращайтесь. Вы с супругой можете вместе у меня работать. Когда происходит такая трагедия, то нужно держаться друг за друга...»

В тот же день вечером родители девочки, а еще младший брат Жэнь Чуаня и их добрая подруга по фамилии Цзян явились в приемную редакции газеты. Когда туда же вошли нетвердой походкой старик Го и его жена, поддерживаемые журналистом, воздух в помещении как будто бы застыл. Все представители семьи Жэнь с ничего не выражающими лицами уставились на родителей Го Юня, из опухших красных глаз Жэнь Чуаня словно бы готово было извергнуться пламя. Го Жуйжэнь глянул на Жэней и тут же опустил голову и принялся рассматривать свои армейские ботинки. Лун Шаньин вся скрючилась и остолбенело смотрела на стакан воды, который поднес ей журналист. Все молчали, воцарилась гробовая тишина.

Журналист решил разрядить обстановку:

– Пусть господин У скажет пару слов.

Господин У заговорил:

– Я надеюсь по мере сил помочь обеим семьям справиться с трудностями. Сейчас все общество озабочено этой ситуацией. После случившегося атмосфера очень гнетущая. Но это не должно стать лейтмотивом общественной жизни. Мы надеемся, что умершие обретут вечный покой, а живые не станут питать ненависть, нужно освободиться от вражды и

от скорби.

После его слов обстановка слегка разрядилась. Го Жуйжэнь поднял голову и посмотрел на Жэней, стоявших напротив. Цзян поблагодарила господина У, она тоже теперь смотрела на семью Го, и ее взгляд слегка потеплел.

Внезапно Го Жуйжэнь потянул супругу, чтобы та встала, оба зятя при виде этого тоже поднялись с места. Го Жуйжэнь сказал:

– Я перед вами извинился, и извинился я искренне.

Услышав слова старика, представители семьи Жэнь не могли и дальше сидеть и по очереди поднялись. Теперь все в приемной стояли.

– Наш сынок Юнь дома всегда был послушным, никогда ничего плохого не делал, был хорошим мальчиком. Он приехал на заработки – и все ради семьи, – продолжил старик. – Я и подумать не мог, что в Гуанчжоу он станет таким! И представить не мог!

– Простите! Простите! – зарыдала Лун Шаньин, сложив ладони и кланаясь. – Простите!

Го Жуйжэнь оперся на край стола, медленно, шаг за шагом он подошел и встал перед Жэнь Чуанем.

– Простите! – Он схватил Жэнь Чуаня за левую руку. – Простите!

Лун Шаньин тоже подошла и со слезами схватила отца девочки за правую руку. Жэнь Чуань растерялся, на его глаза навернулись слезы.

Лун Шанъин плюхнулась на колени:

– Я перед вами извиняюсь.

Жэнь Чуань тут же наклонился и подал ей руку. Цзян тоже подскочила помочь старухе подняться:

– Тетушка, тетушка, не надо так, тетушка. Мы вас не виним, правда не виним.

В этот момент заговорил Чжан Тун:

– Старики все время считали, что провинились перед вами. Юнь – их отпрыск, их опора, после его смерти я постоянно боялся, что они не выдержат. Но нам помогло столько народу, никто не отвернулся из-за того, что Юнь убил человека, и эти чувства словами не опишешь. – Чжан Тун говорил на путунхуа медленно, и четверо представителей семьи Жэнь внимательно слушали. – Раз столько людей нам помогали, то и старики непременно найдут в себе силы жить. Как они только что сказали, на все воля неба, пожалуйста, проявите снисхождение, не таите обиды, и впредь мы будем как одна семья. – Он сделал паузу, поднял голову, глядя на Жэней. – Если вы сможете приехать в нашу деревню, наша семья примет вас как родных.

Тут заговорила Цзян:

– Последние дни я все время говорила Жэнь Чуаню, что нам все общество дарит столько заботы и любви, почему и мы не можем одарить стариков заботой и любовью? Жэнь Чуань это тоже понимает, но слова прощения порой трудно произнести. Мы никогда не винили вас, мы понимаем, что

Го Юнь – хороший парень. Прошу, не надо терзаться угрызениями совести, поберегите здоровье, хорошо? – Она остановилась, а потом продолжила: – В связи с произошедшим открыто уголовное дело, и мы будем действовать по закону.

Журналист попросил всех присесть, принес воды. Посидев немного, старики поднялись и стали прощаться. Представители семьи Жэнь тоже поднялись. Журналист под локоть вывел стариков из приемной, а Го Жуйжэнь тихонько сказал:

– Спасибо. Спасибо всем.

Чжан Тун подошел к каждому из семьи Жэнь, пожал руку, без конца благодарил и желал им крепкого здоровья.

17

Церемония прощания с Го Юнем была безлюдной, кроме четырех родственников пришел только один друг Го Юня. Чжан Тун на стойке регистрации заполнил все бумаги для кремации, заплатил ни больше ни меньше, как две тысячи четыреста шестьдесят девять юаней. Го Жуйжэнь выбрал для сына самый дешевый костюм за двести двадцать пять юаней, а еще хотел купить урну для праха. Это будет жилищем сына в мире мертвых, его последним пристанищем. Го Юню больше не придется скитаться с места на место. Старик посмотрел все урны, которые продавались в крематории. Дорогие стоили несколько тысяч, но и за самые дешевые просили

больше шести сотен. Старик вздохнул:

– Не нужно, повезем домой в обычном бауле.

В зале для прощаний Лун Шаньин обошла стеклянный гроб, ее поддерживал под локоть Чжан Тун. Го Жуйжэнь надел очки и обошел гроб трижды, ему хотелось рассмотреть каждый сантиметр кожи сына, каждый шрамик.

Будучи даосом, Го Жуйжэнь даже во сне не мог себе представить, что в их семье «седой будет хоронить темноволосого» и ему придется призывать душу сына. Он один встал в ногах сына, вытащил из кармана траурный флажок и помахал им. Помахав флажком, он развернул ладонь тыльной стороной к гробу и словно бы поманил к себе покойного, без конца повторяя нараспев:

– Вставай, вставай, вставай.

После этого, обходя гроб с телом покойного, он начал призывать душу, спев:

– Подземное царство бескрайне и туманно, никто не определит, где тут юг, а где север, а путь в страну мертвых покрыт тайной, лошадь лишь знает, где закоулки, а где главный тракт²¹. А нынче, поскольку Го Юнь преставился, припадаем перед божествами пяти сторон, чтобы всесторонне дело рассмотрели.

Допев этот отрывок, старый даос помахал белым платком и продолжил:

²¹ Соломенную лошадку, обтянутую папиросной бумагой, снаряжают как провожатую для разных жертв и прочих посланий в потусторонний мир.

– Вернись, душа, вернись, на востоке нельзя оставаться, Тайхао²² оседлает гром, покинет восточные пределы, и на восходе все зверье начнет совокупляться, так как же можно Синему владыке доверяться? Иди обратно, о, иди, на востоке нельзя оставаться. Вернись, душа, вернись, и на юге нельзя оставаться, Чжужун²³ на целый день покинет южные пределы, звери с птицами облысеют, на Красного владыку не стоит полагаться, вернись, душа, вернись, на юге нельзя оставаться...

Допев, он трижды поклонился гробу, а потом сказал:

– Покойся с миром! Я отвезу тебя домой, обещаю. При жизни не смог для тебя построить дом, после смерти непременно куплю тебе гроб и по-нормальному похороню. Тебе не придется больше скитаться по свету. Твой дом в уезде Наюн.

Тринадцатого числа в четыре часа дня Го Жуйжэнь и Лун Шаньин после четырех дней в Гуанчжоу сели на поезд K192. Добрые люди помогли им купить билеты до Гуйяна в плацкартный вагон. Они собирались в свою глухую и захолустную деревушку Хуанбаобао, везя прах погибшего в городе сына. А по другой дороге Жэнь Чуань вместе семьей уже ехали на поезде всю ночь, и, когда забрезжил рассвет, Жэнь Чуань, прижимая к себе урну с прахом любимой дочери, вернулся домой, в деревеньку в уезде Сянтань в Хунани. По традиции прах девочки запрещалось заносить в дом, с рассветом

²² Тайхао – владыка востока, он же Синий владыка.

²³ Чжужун – божество огня, помощник Красного владыки Янь-ди.

нужно было предать его земле, и спозаранку семья матери девочки похоронила ее рядом с могилой дедушки на склоне холма, густо поросшего чайными кустами.

Прах Го Юня положили в обычный клетчатый баул, который Го Жуйжэнь поставил на свою среднюю²⁴ полку в купе. Он хотел спать в обнимку с сыном. После того как они сели в поезд, Го Жуйжэнь занял нижнюю полку как раз под сумкой. Он размышлял: а села ли душа сына вместе с ними в поезд? Старик боялся, что сынок все еще привязан к городу и не может решиться. Он тихонько прочитал несколько строк из канона и услышал, как в сумке что-то щелкнуло раз, а потом еще один. Он понял, что душа Го Юня рядом, и больше не сомневался. В крематории он призывал его душу, читал заклинания, а сыночек всегда был послушным, всегда делал, как велит отец. Го Жуйжэнь почувствовал поступь сына, забиравшегося на полку, – Го Юнь хотел вернуться с родными в Хуанбаобао. Там его дом, пусть и старый, но теплый, там растет рис и кукуруза, там раскинулись леса и цветут цветы, а еще там на деревьях птичьи гнезда и по лесу вольно гуляют всякие зверушки. Там место, где он родился и вырос. Сын просто не мог не вернуться с отцом, он не станет неприкаянным духом.

Всю дорогу Го Жуйжэнь без конца звал душу сына. Он верил, что сынок не собьется с пути.

²⁴ В китайских плацкартных вагонах три полки.

25 ноября 2006 года

Ван Шиюэ

Грехи человеческие

Двадцать лет назад уже ставший судьей Чэнь Цзэво должен был председательствовать на суде, где рассматривалось дело о преднамеренном убийстве, совершенном мелким торговцем Чэнь Цзэво.

Это дело с самого начала попало в топ новостей, потому что подозреваемый был простым уличным торговцем, а потерпевший – полицейским из городского управления. И записи с камер видеонаблюдения, и свидетели показывали и говорили одно и то же: Чэнь Цзэво торговал на улице без соответствующего разрешения, за что полицейский конфисковал его трехколесный велосипед. Естественно, Чэнь сопротивлялся, ведь велосипед был его кормильцем. Он вцепился в него и не отпускал. Полицейский применил силу, и в поднявшейся суматохе алюминиевая труба ударила Чэнь Цзэво по голове. Конечно же, велосипед все-таки конфисковали. Чэнь несколько раз безрезультатно ходил в городское управление с просьбой вернуть его. В итоге он взял нож, которым обычно чистил фрукты, и, воспользовавшись тем, что практически весь состав управления отсутствовал, неожиданно напал на одного из полицейских. Нож вошел в тело в районе поясицы и проткнул почку; реанимация была бессильна, и полицейский умер. Чэнь Цзэво сдался, не оказав никакого

сопротивления.

Из-за особого характера этого дела журналисты из разных телевизионных каналов и газет слетелись, словно пчелы на мед, Вэйбо²⁵ и форумы заполнились сообщениями на эту тему. В официальных СМИ излагались факты, было показано интервью с родственниками жертвы и вынесено порицание подозреваемому торговцу Чэнь Цзэво. В самом начале многие поддерживали Чэня, люди полагали, что полицейский первый ударил его, а торговец убил в ответ, и хотя он и был виноват, но не заслуживал смертной казни. Наиболее авторитетные фигуры в сети Вэйбо, естественно, не могли упустить такой прекрасный шанс и один за другим начали публиковать свои точки зрения, завоевывая новых поклонников. В итоге сформировалось два основных мнения, сторонники которых были непримиримы по отношению друг к другу, начался хаос. Вскоре городское полицейское управление заявило, что на записи с камеры видеонаблюдения видно, что Чэня трубой по голове ударил не потерпевший, а некий «временный сотрудник», который уже уволен. Эта формулировка, «временный сотрудник», стала источником безумного количества насмешек, но камеры четко показали, что потерпевший не пускал в ход кулаки, – и это факт, который невозможно скрыть.

Дело было особенное, поэтому в сети были собраны все-

²⁵ Китайская социальная сеть, один из самых популярных сервисов микроблогов в Китае.

возможные данные как о семье потерпевшего, так и о Чэнь Цзэво.

Потерпевшего звали У Юн, он был полным тезкой одного из героев лагеря Ляншаньбо по прозвищу Премудрый²⁶. За год до происшествия У Юн закончил университет, как выяснили СМИ и интернет-пользователи. Но они не обнаружили никаких особых обстоятельств, он вовсе не был родственником какого-нибудь руководителя, как поговаривали поначалу. То, о чем говорилось на официальном сайте городского полицейского управления, полностью соответствовало реальному положению дел, что случалось крайне редко. Его семья проживала на границе города и деревни, и, хотя прописка у его родных была не деревенская, жили они небогато. Родители раньше работали на государственном предприятии, но в конце девяностых годов прошлого века на волне реформ госпредприятий²⁷ они остались без работы – превратились в «сокращенных работников». После этого родители У Юна перепробовали много разных профессий, и в итоге отец начал работать в службе такси; можно сказать, что это была стабильная работа. А вот мать работы не нашла и продавала носки и трусы на лотке за воротами рынка, находившего-

²⁶ Персонаж одного из четырех китайских классических романов «Речные заводи» (Ши Найань, XIV в.) о приключениях 108 благородных разбойников-повстанцев, лагерь которых располагался на горе Ляншаньбо.

²⁷ Реформа, начавшаяся после III пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.) с передачи прав от государства предприятиям, расширения самостоятельности предприятий и предоставления им возможности участия в прибылях.

ся недалеко от дома. Именно такие лотки пытались ликвидировать полицейские из городского управления. Окончив университет, У Юн прочитал о том, что управление набирает людей; он отправился на экзамен и, заняв первое место на письменной части, получил возможность попасть на очное интервью, которое казалось страшным, но на деле было довольно легким. В результате У Юн стал полицейским городского управления. Его родители были довольны. Они считали, что теперь не стоит бояться того, что полиция их схватит, ведь теперь в их семье есть свой полицейский. А У Юн рассердился, это казалось ему абсурдным: сын – полицейский, а мать – торговка. Он сказал ей, что теперь работает и у него неплохая зарплата, плюс к этому отец зарабатывает своим такси, и живут они теперь не то чтобы отлично, но и не плохо. У Юн уговаривал мать не торговать больше с лотка, но она отвечала, что еще может работать, а сыну надо жениться, покупать дом, и на все это нужны деньги, а она не в том возрасте, когда можно наслаждаться спокойной старостью. У Юн рассердился еще больше, ведь она ставит его в затруднительное положение, перед людьми неудобно. Мать помолчала и произнесла:

– Тебе неловко из-за того, что мать торгует с лотка? Это мешает тебе? Тогда я больше не буду этого делать.

Она перестала торговать, но на душе У Юна скребли кошки. Ведь в прошлом именно благодаря ее лотку он смог закончить среднюю школу и поступить в старшую, а затем и

в университет. После того как он поступил на службу, он не осмеливался рассказать коллегам о том, что его мать торговала на улице. Ему было неприятно, когда другие полицейские прибегали к насилию по отношению к мелким торговцам. В такие моменты он всегда думал о своей матери.

Сотрудников городского полицейского управления можно было условно разделить на три разряда. Первый – главы городского и районного управления, а также начальники отрядов. Руководители отрядов, их заместители и сотрудники считались государственными служащими, большинство из них были бывшими военными, отправленными на гражданскую службу. Они не работали на улицах города, не носили форму, в их задачу входило принятие решений и разработка стратегии. Ко второму разряду относились такие полицейские, как У Юн, в основном они пришли на работу в управление после окончания университета, сдав квалификационный экзамен. Естественно, было много и тех, кто перевелся сюда по блату, – родственники тех или иных начальников. После поступления на службу У Юн редко работал на улице, разве что когда принудительно сносили незаконные постройки. И наконец, к низшему разряду относились различные помощники, которые и были теми самыми «временными сотрудниками». На самом деле они не были временными сотрудниками, а просто работали по контракту. Именно они занимались самой грязной и утомительной работой, зарплату им платили маленькую, положение их было низким и нестабильным.

Зачастую во время дежурства они, как могли, добывали себе дополнительные деньги, чтобы восполнить свою маленькую зарплату, конфискованные фрукты и тому подобное они делили между собой. Помощники не имели права самостоятельно нести службу, по закону их всегда должен был сопровождать полицейский вроде У Юна. Но в реальности такие полицейские большую часть времени сидели в кабинете. Именно поэтому в момент совершения преступления, когда был избит Чэнь Цзэво, среди напавших полицейских У Юна не было. Так как весь процесс прохожие засняли на мобильные телефоны и выложили в Интернет, споры разразились среди самих полицейских. На собрании У Юн всегда яростно критиковал помощников. Некоторым это не нравилось, мол, языком болтать – не мешки ворочать, и вообще, на чьей он стороне? Другие добавляли: говорить легко, а ты попробуй поработай на улице! У Юна наконец приперли к стенке, и он сказал: «На улице так на улице!» И действительно отправился работать на улицу, чтобы показать помощникам пример того, как надо нести службу в соответствии с законом. На третий день такой службы он столкнулся со сложной ситуацией. Их отряд окружил женщину, продававшую фрукты с лотка на трехколесном велосипеде, который следовало конфисковать. Женщина ни в какую не соглашалась. Если бы дело было раньше, помощники просто применили бы силу, но сейчас У Юн не позволил им это сделать. Он начал читать женщине наставления, говорил много и нудно, в итоге

их окружили со всех сторон и начали над ним насмехаться. У него пересохло в горле, и терпение начало иссякать. У Юн махнул рукой, чтобы помощники отобрали велосипед, снова повторилась привычная сцена. Во время неразберихи он почувствовал, как что-то укололо его в поясницу, а затем упал в лужу крови. Раздался визг, и люди разбежались кто куда. Лежавший на земле У Юн увидел в лучах потускневшего солнца стоявшего с ножом в руке торговца Чэнь Цзэво. В последний момент перед смертью перед глазами У Юна появилась мать, у которой отбирали вещи окружившие ее полицейские. Это было воспоминание из детства. Затем он почувствовал легкость в теле, оторвался от земли и сверху увидел самого себя, лежащего в крови. Он умер. Он был таким молодым, собирался жениться, и невеста была уже беременная, а дату свадьбы назначили на первое мая...

Журналисты опросили его родных и невесту. После того как стали известны подробности жизни потерпевшего, в телепрограммах, газетах и в Интернете все набросились с обвинениями на торговца Чэнь Цзэво.

Вскоре журналисты изучили вдоль и поперек и жизнь Чэнь Цзэво.

Он был родом из бедной провинции, известной своими карстовыми рельефами²⁸. После окончания старшей школы

²⁸ Карст – явления, связанные с деятельностью воды и выражающиеся в растворении горных пород и образовании в них пустот, а также своеобразных форм. В Китае наиболее известны карстовые рельефы южных провинций Гуйчжоу и Юньнань, а также Гуанси-чжуанского автономного округа.

он не стал поступать в университет, а на дому освоил профессию столяра. В молодости он чинил мебель, и семья жила неплохо благодаря его мастерству. Затем у него родилась дочь, они с женой не успели получить «Сертификат готовности к рождению второго ребенка»²⁹, как у них родился еще и сын. Им пришлось выплачивать штраф за нарушение закона о планировании рождаемости, жить стало труднее. Потом он отправился на заработки и устроился на мебельную фабрику столяром. С его зарплатой образование для детей перестало быть проблемой. Более десяти лет он проработал столяром и постоянно контактировал с разными растворителями и порошками, поэтому головные боли и хроническая усталость стали его постоянными спутниками. Память ухудшалась день ото дня, ему было всего сорок лет, а в действительности он чувствовал себя стариком. Поначалу он не придавал этому значения, но в итоге не выдержал и пошел к врачу; тот поставил диагноз – хроническое отравление бензолом средней тяжести. Эту болезнь было невозможно излечить полностью, но прежде всего следовало полностью исключить контакты с бензолом. Идти на фабрику и требовать справедливости не было смысла, за эти годы он работал то на одной, то на другой фабрике, и на той, где болезнь его

²⁹ В 1970-х гг. Китай был вынужден законодательно ограничить рождаемость в стране. Гражданам разрешалось иметь не больше одного ребенка на семью. Однако некоторые категории граждан могли получить разрешение на рождение второго ребенка (деревенские жители, представители национальных меньшинств и т. п.).

обострилась, он проработал всего два месяца, поэтому нельзя было утверждать, что ответственность лежит именно на ней. Фабрика, исходя из гуманных соображений, выплатила ему утешительную премию, он был так благодарен, что и не помышлял идти в суд. Так как он не мог больше работать, материальное положение семьи становилось все хуже. Дочь училась уже в последнем классе старшей школы, она наотрез отказалась продолжать учебу, бросила школу и поехала на юг на заработки, устроившись на завод по производству электронных приборов. Сын был в первом классе старшей школы и тоже не хотел учиться. Чэнь Цзэво кричал, указывая на него пальцем, что больше всего он сожалел о том, что не поступил в университет. У него были хорошие отметки, все в деревне знали, что он умеет учиться, и были уверены, что он будет поступать в университет. Его родители тоже надеялись, что благодаря сыну смогут изменить свое положение в обществе. Никто и представить не мог, что в списках успешно сдавших экзамен он окажется, как говорится, «позади Сунь Шаня»³⁰. Дочь он называл Имин, что означало

³⁰ В период династии Сун (960-1279) жил юноша по имени Сунь Шань. Много лет он усердно занимался и однажды вместе со своим товарищем отправился сдавать государственные экзамены. В результате Сунь Шань занял последнее место среди сдавших экзамены, а его товарищ провалился. После экзаменов Сунь Шань вернулся на родину первым. Когда все его поздравляли, отец товарища спросил, сдал ли экзамены его сын. Улыбнувшись, Сунь Шань сочинил двустрочное стихотворение: «Я, Сунь Шань, занял последнее место, а ваш сын – за Сунь Шанем». Он имел в виду, что был последним в списке, а его приятель не попал в список, то есть не сдал экзамены.

«первый возглас», а сына – Ифэй, что означало «первый полет», он надеялся, что они «с первого же возгласа поразят людей и в первый же полет достигнут неба». Сейчас надежды на дочь не было, и ни при каких обстоятельствах нельзя было позволить сыну бросить учебу. Сын был прилежным учеником, он, как и отец, умел учиться. Он был на первом месте среди учеников средней школы № 1 уездного города, и, если не произойдет ничего неожиданного, для него не составит труда поступить в один из престижных университетов. Чтобы обеспечивать семью и покрыть будущие расходы на учебу сына, Чэнь Цзэво купил трехколесный велосипед; по утрам он закупал фрукты на оптовом рынке, а затем они с женой порознь торговали ими. Доход получался неплохим, надо было лишь опасаться полицейских, все время быть настороже и готовиться в любой момент сбежать. Но здоровье его было подорвано и реакция замедленна, поэтому он часто попадался. Заработанные деньги отбирали, так что можно считать, что он впустую вкалывал целый месяц. За год его жена ни разу не попалась, а его хватали раза три. Он и хотел бы по-другому зарабатывать на жизнь, но не мог найти ничего подходящего. Так прошло три года. Сын скоро должен был сдавать выпускные экзамены. Чэнь Цзэво не представлял, что его новый трехколесный велосипед снова будет конфискован. Несколько раз он безрезультатно пытался его вернуть, а дома жена пилила за глупость:

– Все остальные-то убежали, почему же только ты, тупица,

не смог скрыться?

В душе он был очень зол. Кто бы мог подумать, что этот обычно бесхитростный и честный человек совершит такое сенсационное убийство?! Как он рассказывал позднее, в его планах было лишь уколоть разок и убежать, а не отбирать чью-то жизнь. Совершив преступление, он неохотно признавал свою вину, полагая, что полицейский получил по заслугам. Но когда он узнал, что убитый – недавний выпускник университета и что его мать когда-то тоже торговала с лотка, сел на корточки и горько зарыдал. Он полностью изменил свое отношение и теперь хотел лишь скорой смерти. А его самым заветным желанием было увидеть перед казнью извещение о зачислении сына в университет. Когда общественности стали известны подробности жизни Чэнь Цзэво, в Интернете увеличилось количество сочувствовавших ему, а требования сурово покарать преступника постепенно смягчились. Юрист адвокатской конторы «Даочжэн» Вэй Гунчжи вообще считал, что виноват в случившемся не Чэнь Цзэво, а современное общество. Он также заявил, что окажет юридическую помощь торговцу Чэнь Цзэво. Был еще один факт, о котором власти умалчивали. За два дня до преступления Чэнь Цзэво приходил в полицейское управление с просьбой вернуть ему велосипед. Однако полицейские унизили его – каждый из них по очереди отвесил ему пощечину, а потом его привязали на солнцепеке на целый час, после чего велели убираться из города, иначе будут бить его каждый раз,

как увидят. Чэнь Цзэво, умоляя о скорой смерти, во время судебного разбирательства не упоминал об этой детали и не рассказал об этом даже своему адвокату.

Итак, дело обстояло именно таким образом и не предвещало никаких неожиданностей или трудностей. И хотя подсудимый признавал свою вину, не было других смягчающих обстоятельств. Призывы к смягчению приговора раздавались, но требование полицейского управления сурово покарать преступника было сильнее. Председательствующему судье на слушании по этому делу нужно было лишь следовать закону, назначить дату заседания и, заслушав аргументы обвинения и защиты, определить меру наказания. Никакого беспокойства возникнуть не должно было. Но для судьи Чэнь Цзэво этот процесс стал огромной неприятностью. Потому что преступление, которое он совершил двадцать лет назад, было тесно связано с нынешним делом. С самого начала он почувствовал беспокойство, переросшее в напряженное ощущение, что он сидит на пороховой бочке, готовой взорваться в любой момент, и никак не мог придумать, как предотвратить взрыв.

С того момента, как журналисты раздули это дело, порядок жизни судьи Чэнь Цзэво был серьезно нарушен. У него появилась возможность повысить квалификацию, и он на какое-то время уехал. А когда вернулся, интерес СМИ переключился на другой объект и об этом деле начали постепенно забывать. Он полагал, что на этом все и закончится, но

кто мог предположить, что, когда расследование завершится и прокуратура предъявит обвинение, суд назначит председателем именно его! Он знал, что начальство сделало это не специально, чтобы поставить его в затруднительное положение, просто оно не учитывало его душевное состояние. Получив дело, он почувствовал головную боль. Разволновавшись, Чэнь Цзэво сначала хотел поговорить с начальником и попросить поменять председательствующего судью. У него были веские аргументы – как ни крути, а очень странно судить человека, у которого абсолютно такое же имя, как и у тебя. Он был уверен, что начальник его поймет. Все эти годы он добросовестно работал, считая, что на нем лежит ответственность, и поэтому он должен прикладывать все силы. Он считал себя хорошим судьей. Закончив основной курс в университете, он выбрал специальность «Право» и поступил в магистратуру известного вуза. После получения степени магистра он начал работать юристом, а потом стал судьей в районном суде. Он постоянно анализировал свои поступки и полагал, что достоин носить на груди судейский значок. Но сейчас все было по-другому... Он положил папку с делом и взял телефонную трубку, чтобы позвонить начальнику и спросить, есть ли у него время поговорить. Но тут он подумал еще об одном обстоятельстве. За столько лет он ни разу не встречался с торговцем Чэнь Цзэво, но тот никогда не исчезал из его мыслей. Возможно, подумал он, если именно я буду председателем на этом суде, его приговорят к бессроч-

ному тюремному заключению или к смертному приговору с отсрочкой наказания, а если будет другой судья, то он будет приговорен к высшей мере наказания. Проблема в том, что если он будет председателем... это дело, уже почти стершееся из памяти людей, во время слушаний, несомненно, снова вызовет интерес, и тогда он, полный тезка подсудимого, окажется в центре внимания... При мысли о том, какую информацию могут как по волшебству найти и вывесить в Интернете, он почувствовал, что телефонная трубка в его руке стала как будто на полтонны тяжелее... Он опустил ее и сказал сам себе: «Перед великими испытаниями храни спокойствие». Когда-то дядя подарил ему эту фразу, написанную специально приглашенным каллиграфом, и теперь она висела за его спиной на стене кабинета.

Судья Чэнь Цзэво зажег сигарету и глубоко затянулся, он был известным курильщиком в районном суде. Он начал курить двадцать лет назад, когда поступил в университет, а на первом курсе... Чэнь Цзэво затянулся, глядя в окно. Там шумел и бурлил город, ярко светило солнце, он стоял в тени и прохладе своего кабинета, наблюдая за жизнью снаружи. Он знал, что где-то там, внизу, на улицах существуют бесчисленные торговцы Чэнь Цзэво, подсобные рабочие Чэнь Цзэво, деревенские мигранты Чэнь Цзэво... Они ищут заработка на улицах, на заводских конвейерах, обливаются потом на стройплощадках... А в это время он, судья Чэнь Цзэво, стоит за голубой стеклянной стеной, кура и наслажда-

ясь прохладой кондиционера, и взирает на их жизнь, полную тягот и невзгод, так, словно она совершенно не имеет к нему отношения. В душе шевельнулось беспокойство. Он тоже был сыном крестьянина, и если бы много лет назад не получил уведомление о зачислении в университет, а потом не поступил в магистратуру, то сейчас был бы одним из людей, страдающих под палящим солнцем. Если бы дело было таким простым, как кажется, он справился бы с ним, постоял бы здесь, погрузившись в горестные раздумья, а потом вынес решение по справедливости, опираясь на то, что подсказывает совесть, и стал бы выдающим себя судьей, испытывая к этим людям должное сочувствие. Судья Чэнь Цзэво выкурил две сигареты подряд. Он вспомнил оставшегося в деревне дядю и подумал, что сейчас он должен сохранять спокойствие. Если бы ему сейчас, в его сорок лет, предложили назвать человека, оказавшего на него самое сильное влияние, он, без сомнений, выбрал бы дядю. Когда-то Чэнь Цзэво сказал ему:

– Меня родили отец с матерью, но воспитал меня дядя.

Дядя Чэнь Цзэво, Чэнь Гэнъинь, всю жизнь преподавал: в начальной школе, в средней, в старшей, был директором средней и старшей школы, на пенсию он вышел, будучи директором уездной средней школы № 1. Чэнь Гэнъинь воспитал многих! Некоторые из его учеников стали высокопоставленными чиновниками в Пекине, кто-то разбогател и превратился в миллионера, были среди них и ученые, и писатели, и, естественно, множество безвестных простых граждан.

Чэнь Гэнъинь ко всему относился серьезно, имел моральные принципы и убеждения и мог служить примером для других. Когда ему исполнилось шестьдесят лет, в тот год, когда он вышел на пенсию и наслаждался спокойной жизнью, его бывший ученик, а ныне управляющий одной шэньчжэньской³¹ корпорацией директор Ли вернулся в уездный город и организовал встречу по случаю сорокалетней годовщины преподавательской деятельности Чэнь Гэнъиня. Также он выделил деньги и учредил специальную Стипендию имени Чэнь Гэнъиня, в фонд которой предприниматель ежегодно перечислял двести тысяч юаней на помощь нуждающимся ученикам. Директор Ли так поступил потому, что и сам когда-то был таким нуждающимся учеником, он плохо учился, учителя презирали его, и только Чэнь Гэнъинь поддерживал и подбадривал его. На ту встречу пришли многочисленные занимающие высокое положение почтенные бывшие ученики Чэня. Сам Чэнь Гэнъинь не собирался делать чиновничью карьеру, он был бескорыстным человеком. Такое впечатление он производил на людей. Для маленького Чэнь Цзэво дядя был кумиром детства, который мог все! Если у них дома случались какие-то неприятности, нечего было есть или не хватало денег на учебу, его родители первым делом вспоминали дядю и обращались к нему за помощью в решении проблемы.

Сейчас, после выхода на пенсию, Чэнь Гэнъинь насла-

³¹ Шэньчжэнь – город в провинции Гуандун.

ждался спокойной, безмятежной жизнью, он чувствовал себя счастливее небожителей. Каждый день они собирались с друзьями и писали стихи, которые потом публиковались в журналах, посвященных китайской поэзии и выпускающихся как в их провинции, так и в других, как в самом Китае, так и за его пределами. Благодаря этому он завел дружбу с иностранными поэтами из Японии, Америки, Сингапура... Еще его приглашали на разные всекитайские и международные поэтические конференции. На пенсии он вел насыщенную и яркую жизнь. Его дети – сын и дочь – были перспективными чиновниками в Пекине, они перевезли родителей к себе, но через два месяца те сказали, что ни за что тут не останутся, так как не могут выносить местного воздуха. Иногда Чэнь Гэнъинь ездил вместе с супругой в путешествия, и за годы, проведенные на пенсии, они объездили практически все города по обеим сторонам реки Янцзы. Куда бы они не приехали, везде находились его ученики, готовые их принять и составить компанию. Очень скоро чувство утраты и пустоты, вызванное выходом на пенсию, сменилось радостью от обретенной свободы. Ученики уважали его, и он думал: «Персиковые и сливовые деревья безмолвны, но под ними всегда есть тропа от тянущихся к ним людей – так ум и талант без всяких слов всегда привлекают к себе сердца». До выхода на пенсию он и не думал, что он настолько успешный учитель, но потом отчетливо осознал и прочувствовал это. На той встрече его ученики растроганно вспоминали его любовь

и заботу, но он сам об этом уже почти забыл. Позднее он сказал супруге, что всего лишь выполнял свой учительский долг и не проявлял какой-то особенной заботы об этих учениках. Если что и было, так это, например, похвала за хорошо написанное сочинение – он зачитал его в классе, назвав образцовым, а ученик этот потом стал писателем и считал его тем, кто открыл в нем талант. У другого ученика оценки были не очень хорошие, но учитель все равно подбадривал его, утешал, что все пути все равно ведут в Рим, и, даже не учась в университете, все равно можно стать успешным человеком. В результате этот ученик отправился в Гуандун, стал крупным предпринимателем и до сих пор помнит доброту учителя... И все такие, казалось бы, мелочи, о которых он уже и забыл, собранные вместе, создавали благородный образ учителя Чэнь Гэньиня. Однако в душе у него была затаенная боль, заноза, сидевшая в сердце, которую он всеми силами старался не затрагивать. Та почтительность, которой окружили его ученики после выхода на пенсию, почти заставила его забыть о существовании этой занозы. А может, он просто постарел и стал многое забывать? Если бы не звонок племянника, то и правда забыл бы. Судья Чэнь Цзэво позвонил ему и спросил: как здоровье? хорошо ли ему на пенсии? когда он придет к нему на юг?..

Племянник был таким же предметом гордости Чэнь Гэньиня, как и его дети. Сам Чэнь Гэньинь и его младшая сестра Чэнь Чуньмэй были городскими жителями. Когда нача-

лась «культурная революция», она откликнулась на призыв правительства и с огромным энтузиазмом отправилась на работу в сельскую местность, полностью посвятив себя строительству новой социалистической деревни. Она искренне решила укорениться тут и по собственной воле принять так называемое «перевоспитание». Чтобы показать непреклонность своего решения, она, невзирая на протесты Чэнь Гэнь-иня, вышла замуж за члена своей производственной бригады – парня по фамилии Чжао. Он был хорош собой, с большими глазами и широкими бровями, отличался простодушием и честностью. Вскоре после свадьбы Чэнь Чуньмэй родила дочку, а еще через год – сына, которого называли Чжао Чэн. Впоследствии, когда образованная молодежь начала постепенно возвращаться в города, Чуньмэй уже пустила корни в деревне. В последующие годы целью ее жизни стало вырваться оттуда. Ее неприязнь к деревне была такой же искренней и пылкой, как и любовь к ней же когда-то. Это, естественно, вызывало недовольство ее деревенского супруга, они постепенно отдалялись, стали безразличны друг к другу и начали часто ссориться, иногда даже каждый день. В то время развод был почти невозможным делом, Чэнь Чуньмэй мало-помалу приняла такую реальность и возложила все свои мечты на сына. В те времена единственная возможность для деревенского ученика вырваться из деревни – сдать вступительные экзамены в высшее учебное заведение. Поэтому Чжао Чэн с детства знал, какая на нем лежит ответственность,

знал, что не может остаться в деревне, должен учиться, поступить в университет и стать городским жителем. Когда он перешел в старшую школу, его дядя как раз был завучем по учебной работе в уездной школе № 1. Мать отправила его к дяде, которому сказала: «Я доверяю тебе сына, он обязательно должен поступить в университет!» Чжао Чэн учился хорошо, оценки у него всегда были высокими. Дядя лично контролировал его учебу, все учителя знали, что он племянник завуча, поэтому уделяли ему особое внимание. Когда Чжао Чэн учился во втором классе высшей ступени, мать заболела туберкулезом и ужасно кашляла кровью. Он приехал навестить ее, а она рассердилась и не позволила остаться, потребовав, чтобы он вернулся в школу и продолжил учиться:

– Если ты действительно хочешь быть почтительным сыном, то принеси мне уведомление о зачислении в Пекинский университет или в университет Цинхуа!

В последний год старшей школы здоровье матери серьезно ухудшилось, во время госэкзаменов она лежала в уездной больнице, и Чжао Чэн мыслями был с ней, поэтому не мог сосредоточиться на учебе, и в результате, когда вывесили списки успешно сдавших экзамены, его в них не было.

Чэн Гэнъинь долго не осмеливался сказать об этом сестре, боялся, что она не выдержит такого удара, для нее это будет еще одним несчастьем. Однако она сама догадалась, но никак не могла с этим смириться. Чуньмэй сказала брату:

– Мне все равно! Придумай что-нибудь!

Чэнь Гэнъинь посмотрел на сестру и согласился. Он действительно придумал способ: придержал уведомление о зачислении ученика по имени Чэнь Цзэво. Ему было известно, что мальчик родом из очень бедной семьи, все его предки были крестьянами. Чэнь Гэнъинь хотел найти какого-нибудь ученика по фамилии Чжао, и таким образом поменяться бы лишь имя, но не фамилия. Однако в этом году среди поступивших был лишь один ученик по фамилии Чжао, и тот был родственником служащего из местного правительства, поэтому Чэнь Гэнъинь не осмелился трогать его и выбрал ученика по фамилии Чэнь. Теперь в будущем племянника будут звать не Чжао, а Чэнь, по фамилии матери, что было вполне приемлемо и объяснимо. Используя все свои связи, Чэнь Гэнъинь сменил племяннику имя на Чэнь Цзэво. В то время из-за неразберихи контроль за пропиской был ослаблен, поэтому превратить племянника в Чэнь Цзэво не составило труда. Сестра, посмотрев уведомление о зачислении и новое удостоверение личности сына, протяжно вздохнула. Она взяла брата за руку и произнесла:

– Прости, что доставила беспокойство! Помоги мне вырастить сына...

Сестра умерла... В то время Чэнь Гэнъинь вовсе не думал о том мальчике по имени Чэнь Цзэво и о его дальнейшей судьбе. Его единственным желанием было сохранить все в тайне, чтобы никто ни о чем не догадался. Чжао Чэн, получив на руки новое удостоверение личности и уведомление о

зачислении, не знал, что и думать. Дядя сказал ему:

– Чэнь Цзэво вырос в бедной семье, хоть он и поступил, но денег на учебу у него нет. Я дал его семье некоторую денежную сумму, чтобы он отдал мне свое место в университете.

С того момента прошло двадцать лет. Племянник, превратившись в Чэнь Цзэво, поступил в университет, а его дядя в этот момент дрожал от страха. Но прошел год, два... Через четыре года племянник закончил университет, а о произошедшем по-прежнему никто ничего не знал, и только тогда Чэнь Гэнъинь наконец успокоился и начал приглядываться к настоящему Чэнь Цзэво. Он потихоньку разведал, что тот стал столяром, женился, жил нормальной жизнью. Теперь дядина душа была спокойна. После окончания университета племянник Чэнь Цзэво приехал к нему в уездный город и у них состоялась долгая беседа. Племянник поблагодарил его за помощь и участие в его жизни, но в то же время выразил свое беспокойство и сомнение. Он рассказал, что поначалу ему было трудно приспособиться к новому имени, что он узнал правду о том, что настоящий Чэнь Цзэво вовсе не из-за отсутствия денег не поступил в университет, как его убеждал дядя. У него ушел целый год, чтобы привыкнуть к новому имени. Он рассказал, что научился курить, что не осмеливался общаться с людьми. Другие заводили романы, а он боялся. Еще он сказал, что часто видел во сне того, другого Чэнь Цзэво... Из-за страданий племянника на сердце дяди стало очень тяжело. Он попытался утешить его, мол, не

надо лишних мыслей, будешь работать и все будет хорошо. Но тот ответил, что не хочет работать, а собирается продолжить учебу, еще раз, на этот раз самостоятельно, сдать экзамен, только так его совесть будет чиста. Дядя поддержал его – и не только морально, но и финансово. Его учебу в университете и в магистратуре оплачивал именно дядя. Племянник добился успеха: поступил в магистратуру престижного университета на специальность «Право». Впоследствии его жизнь протекала гладко, он женился, завел ребенка, стал судьей. Чэнь Гэнъинь знал, что произошедшее стало постепенно стираться из памяти племянника, он был доволен и спокоен.

Чэнь Гэнъинь и представить не мог, что на склоне лет, когда он будет наслаждаться спокойной старостью, придется ответить на этот звонок. Слушая кучу совершенно незначительных вопросов, которые задавал племянник, он понимал, что есть что-то важное, из-за чего он позвонил. Тогда дядя сам спросил, что случилось. Судья Чэнь Цзэво помолчал, а потом в общих чертах рассказал о деле торговца Чэнь Цзэво, а также о том, какое внимание уделяется этому делу в прессе и какую оно вызвало реакцию. Чэнь Гэнъинь спросил после паузы:

– Какие у тебя идеи по этому поводу?

Чэнь Цзэво ответил, что решил все-таки быть председателем на этом суде. Тогда во время коллегиального суда он сможет произнести речь, а во время вынесения пригово-

ра смягчить наказание. В этом деле речь может идти как о немедленной смертной казни, так и о смертной казни, но с отсрочкой приговора. Чэнь Цзэво сказал, что для него это будет своего рода искуплением вины. Чэнь Гэнъинь попросил племянника продолжать.

– Это дело слишком щепетильное, – произнес племянник, – несомненно, на суде будут присутствовать журналисты. Судью зовут Чэнь Цзэво, подсудимый – тоже Чэнь Цзэво, это точно окажется в фокусе их внимания. Я боюсь...

Чэнь Гэнъинь молчал. Через какое-то время он произнес: – Все, что у тебя сейчас есть, досталось нелегко. Я уже стар, на пенсии. Твои двоюродные братья и сестры – люди с положением в обществе... К тому же денежный долг надо возвращать, а за убийство следует отвечать своей жизнью. Это – непреложная истина...

Судья Чэнь Цзэво сказал:

– Я понимаю... Дядя, берегите здоровье!

Повесив трубку, Чэнь Гэнъинь еще долго не мог прийти в себя. Он обнаружил, что ладони вспотели, руки было не поднять, а ноги ослабли. Он рухнул на диван и положил в рот кусочек сахара. Когда силы вернулись, он принял решение съездить и посмотреть, как живет семья убийцы. Чтобы выиграть войну, надо все разузнать о противнике. У него было нехорошее предчувствие, и он испытывал страх. И страх этот был даже сильнее, чем тогда, в прошлом, когда он совершал подлог.

На следующий же день Чэнь Гэнъинь отправился в уезд Циншань. Секретарем парткома там был его бывший ученик. В прошлом Чэнь Гэнъинь обязательно ему позвонил бы, но на этот раз он никому ничего не сказал, даже его жена не знала, куда он отправился. Ей он сказал, что поехал на встречу с другом. Он взял такси и поехал в Циншань, находившийся за тридцать километров от его уезда. Чэнь Гэнъинь знал, что дом Чэнь Цзэво располагался в селе Яньцунь уезда Циншань. Много лет назад, когда он «превратил» своего племянника в Чэнь Цзэво, он тайком приезжал сюда и даже издалека следил за настоящим Чэнь Цзэво. В тот момент юноша уже оправился после поражения на экзамене, смирился с действительностью и изучал специальность столяра. Чэнь Гэнъинь исподволь наблюдал за ним, ведь он хорошо знал этого ученика, сочетавшего в себе хороший характер и способность к обучению. Нельзя сказать, что у него были лучшие отметки в параллели, но он входил в тридцатку самых способных учеников, и, если судить по уровню преподавания в их школе, экзамены в университет не были бы для него большой проблемой, стоило лишь готовиться к ним в нормальном режиме. Чэнь Гэнъинь узнал о том, что Чэнь Цзэво усердно изучает столярное дело, и на душе у него полегчало. «Никто ни о чем не догадывается», – подумал он. И с тех пор он больше не ездил в Яньцунь.

И вот прошло двадцать лет. Чэнь Гэнъинь тогда был в расцвете сил, теперь же состарился и поседел. С каждым шагом

страх и беспокойство становились все сильнее. Он собирался найти дом Чэнь Цзэво по памяти, но картина, представшая перед глазами, совершенно не походила на то, что сохранилось в его воспоминаниях. Шофер сначала спросил дорогу в село, а потом – как проехать к дому Чэнь Цзэво. Сначала казалось, что будет трудно найти такого незначительного человека в таком большом селе. У перекрестка на въезде в село был мост, рядом с которым расположился небольшой рынок. Перед одной из лавок несколько стариков под навесом играли в маджонг. Чэнь Гэнъинь попросил шофера остановить машину, вышел и спросил про Чэнь Цзэво. Он и не предполагал, что абсолютно все тут знали Чэнь Цзэво и о том, что он убил человека. Чэнь Гэнъинь показался им похожим на кадрового работника, и они спросили, зачем ему Чэнь Цзэво:

– Вы родственник Чэнь Цзэво?

– Нет-нет! – ответил Чэнь Гэнъинь. – Я приехал по поручению друга.

Старики отложили кости для игры в маджонг, которые были у них в руках:

– Вы приехали из-за суда над Чэнь Цзэво? Вы ведь начальник из города?

– Разве я похож на начальника? – спросил Чэнь Гэнъинь.

– Похож!

– Разве бывают начальники, которые ездят на такси?

– Да, это называется «посещение инкогнито».

Как бы Чэнь Гэнъинь ни объяснял, деревенские были уверены, что он – городской чиновник, приехавший инкогнито. Его заставили присесть, ведь у каждого было что сказать начальству. Ему пришлось сесть и слушать, как люди, перебивая друг друга, говорят о Чэнь Цзэво. Они рассказали, что не стоит идти к нему домой, там все равно никого нет – все уехали на заработки. Сын учится в городской школе № 1, но тоже не приезжает домой, двор весь травой зарос. Чэнь Гэнъинь спросил, нет ли других родственников Чэнь Цзэво в деревне. Кто-то ответил, что близких родственников нет, есть лишь дяди по отцу, но и они все на заработках.

– Уважаемый начальник, Чэнь Цзэво расстреляют? – спросил один из стариков.

– Я не в курсе. Посмотрим, что скажет суд.

– Вы ведь начальник, может, поговорите с судом? Ведь Чэнь Цзэво – хороший человек! И с самого детства был хорошим и добрым ребенком, он даже курицу убить не мог, как же он сумел так жестоко убить человека?

– Его наверняка довели! Вы подумайте: если такой, как он, убил кого-то, то какую же обиду ему нанесли?

– Думаю, что он не умрет, иначе зачем же инкогнито приехал начальник?

Один старик, казавшийся самым образованным, предложил:

– Может быть, мы напишем прошение, на котором каждый из нас поставит свой отпечаток пальца, мы попросим

правительство проявить снисходительность и не убивать Чэнь Цзэво.

В душе Чэнь Гэнъяня поднялась горячая волна, он подумал о том худеньком и маленьком Чэнь Цзэво, которого смутно помнил. Он подумал, что, наверное, надо поговорить с племянником, защитить Чэнь Цзэво от смерти, приложить к этому все силы! И вот, когда он об этом подумал, один из стариков тихо сказал:

– Уважаемый начальник, я знаю одну тайну.

Чэнь Гэнъянь спросил, что это за тайна. Старик ответил:

– У нас в деревне все знают, что Чэнь Цзэво, когда был ребенком, учился прилежно, был способным. Говорят, он поступил в университет, но его место присвоил кто-то другой.

Только он это произнес, руки у Чэнь Гэнъяня задрожали, а ноги стали ватными. Он поспешил достать кусочек сахара из кармана. У него была гипогликемия, которая обычно проявлялась, когда он был голоден, но иногда это случалось, если он был взволнован, пугался чего-нибудь или был чем-то потрясен. Кусочек сахара, который он рассасывал, помогал справиться с приступом. Голос у него тоже дрожал, он с трудом справился с чувствами. Старик спросил:

– Начальник, что с вами?

– Старая проблема – гипогликемия...

Кто-то налил кипяток и поднес ему, но, взглянув на воду – черную, с жирными пятнами, – Чэнь Гэнъянь отставил чашку в сторону, не сделав и глотка. Он произнес:

– Разве можно так говорить безо всяких оснований и доказательств?

– Да, доказательств нет, но кое-кто говорит, что это правда.

– Не стоит верить слухам и не надо их распространять!

Старик ответил:

– Верно, верно.

Старики переключились с Чэнь Гэнъяня на местный химзавод. Они рассказали, что после постройки завода в их селе вода, которую раньше можно было пить прямо из озера, стала такой грязной, что в ней даже рыбы теперь не живут. Пусть уважаемый начальник вмешается. Чэнь Гэнъянь тем временем пребывал в полном смятении. Он размышлял о том, что нет все-таки стен, которые не пропускают ветер, а все тайное становится явным. Ведь тогда, в прошлом, все было сделано абсолютно секретно, никто ничего не знал. Откуда же взялись такие слухи? Он еще больше забеспокоился и снова спросил про дом Чэнь Цзэво. Один старик ответил:

– Вы все равно не найдете по описанию, давайте я вас провожу!

Чэнь Гэнъянь выразил ему свою благодарность и пригласил в машину, чтобы под его руководством отправиться к дому Чэнь Цзэво. Хотя его дом и находился не слишком далеко, но его действительно трудно было найти; поворачивали-поворачивали, и на одном из перекрестков машина не смогла проехать дальше. Старик повел Чэнь Гэнъяня по уз-

кой дорожке, с двух сторон по пояс заросшей полынью, бамбук-многоветочник высотой в человеческий рост оставлял лишь узкую щель для прохода. По этой тропинке они прошли практически двести метров и только тогда подошли к дому Чэнь Цзэво. Это был одноэтажный дом с тремя комнатами и уже обвалившейся крышей, на токе для молотьбы риса разрослись камыш и бамбук. Соседские курицы захлопали крыльями и с испуганным кудахтаньем бросились врассыпную. Провожатый сказал, что тут даже хорьки уже превратились в призраков. Чэнь Гэнъинь постоял в дверях дома, прошел в коридор, через дверной проем и окна заглянул внутрь: в гостиной были навалены сельскохозяйственные инструменты. Также в комнате располагалась одна кровать, покрытая толстым слоем пыли, было видно, что тут давно уже никто не жил. Чэнь Гэнъинь спросил:

– У них же есть сын, который уехал на учебу. Он что, тоже не приезжает домой?

Старик пояснил:

– Его сына зовут Чэнь Ифэй, он учится в средней школе номер один. На каникулы он ездит к отцу, чтобы подработать. Я уже несколько лет их не видел.

Сердце Чэнь Гэнъиня наполнилось невыразимой горечью и страхом. Уезжая из деревни Яньцунь, он думал о том, что если бы он тогда не совершил подлог ради племянника, то, возможно, сейчас в городском кабинете сидел бы этот Чэнь Цзэво, а нынешний судья Чэнь Цзэво жил бы в нищете и ис-

кал бы подработки где-то в других краях.

По дороге домой Чэнь Гэнъинь сидел в безмолвии, закрыв глаза и размышляя, что же теперь делать. Помогать Чэнь Цзэво или нет? Если помогать, то как? А если не помогать... Эх... Чэнь Гэнъинь вздохнул и подумал, что если не помогать, то зачем вообще нужно было ездить в Яньцунь? С глаз долой – из сердца вон! И не было бы этого беспокойства на душе. Но в то же время поездка оказалась полезной. Выяснилось, что в деревне ходят слухи о том, что на экзаменах в свое время была совершена подмена. Это только их догадки? Или они что-то слышали? Хорошо, если догадки. А вдруг что-то слышали? Тогда где они могли это слышать? Он начал вспоминать, как все происходило. В то время он был завучем по учебной работе и был твердо уверен, что до него никто не видел уведомление о зачислении Чэнь Цзэво. На каком этапе произошла утечка информации? Когда он делал племяннику липовую справку о прописке? Тогда в контроле за прописками царил неразбериха, он всего лишь попросил друга из отделения полиции, и тот сделал нужную справку. Это был хороший друг, да и к тому же кое-что получил за это, так что ни при каких обстоятельствах он не мог выдать тайну. К тому же этот друг умер несколько лет назад, а мертвые не могут выступать в качестве свидетеля. Чэнь Гэнъинь так и не нашел ключ к отгадке, мысли его беспокойно метались, а машина тем временем въехала в город и проезжала мимо школы № 1. Чэнь Гэнъинь вспомнил о сыне Чэнь Цз-

эво – Чэнь Ифэе, вышел из машины и отпустил водителя, а сам пошел к нынешнему директору школы. Это также был его бывший ученик, который после окончания университета вернулся преподавать в родную школу. Благодаря покровительству Чэнь Гэнъиня в сорок лет он уже получил место директора средней школы № 1. При виде внезапно нагрянувшего бывшего директора нынешний директор засуетился, предлагая сесть и выпить чаю. После обмена формальными приветствиями директор спросил:

– Учитель, что привело вас сюда так неожиданно? У вас ко мне какое-то дело?

Чэнь Гэнъинь ответил, что просто зашел навестить его, а потом спросил, кому в этом году собираются присудить Стипендию имени Чэнь Гэнъиня. Директор ответил, что список еще не утвержден. Когда утвердят, то, как и раньше, сам список и все соответствующие материалы обязательно перешлют бывшему директору, чтобы он его просмотрел. Чэнь Гэнъинь рассмеялся и сказал, что он теперь на пенсии и не в том положении. На что директор ответил:

– Вы, учитель, обязательно должны просмотреть список, ведь без вас самой этой стипендии не было бы. Дети, которые каждый год получают ее, никогда не забудут вашу доброту!

Чэнь Гэнъинь размышлял, спрашивать ли про Чэнь Ифэя. Ведь если не спросить, то в душе так и останется беспокойство, а если спросить, это может создать дополнительные трудности. Директор видел, что его учитель явно приехал по

какому-то делу, поэтому спросил, какие еще будут указания. Чэнь Гэнъинь подумал и задал вопрос:

– Есть у вас ученик по имени Чэнь Ифэй? Вы его знаете?

На лице директора отразилось замешательство, он решил, что это родственник учителя, и ответил:

– У нас слишком много учеников.

– Да я просто спрашиваю. Говорят, с его отцом случилась беда – он на юге убил человека.

Директор взял телефон и вызвал к себе завуча по учебе. Тот пришел, увидел бывшего директора и, естественно, поприветствовал его. Нынешний директор спросил, в каком классе учится Чэнь Ифэй. Завуч ответил:

– В третьем классе высшей ступени, в пятой группе.

– Вызовите ко мне классного руководителя.

Через какое-то время пришел классный руководитель, поздоровался, и директор начал его расспрашивать про Чэнь Ифэя. Тот вздохнул:

– У него хорошие отметки, он старательный, входит в число лучших тридцати из пятисот учеников его параллели. Если исходить из прежнего опыта экзаменов нашей школы, он сможет поступить в один из лучших университетов. К сожалению, из-за того что случилось с отцом, его оценки резко ухудшились. На прошлом пробном экзамене он был всего лишь на сто каком-то месте. Уважаемый директор, вы хотите с ним встретиться?

Чэнь Гэнъинь ответил:

– Не стоит. Не надо беспокоить ребенка. Я узнал об этом деле и, проезжая мимо школы, просто зашел узнать.

После того как ушел классный руководитель, Чэнь Гэнъинь сказал директору:

– Когда в этом году будете составлять список учеников на стипендию, обдумайте и его кандидатуру. Восемь тысяч юаней, возможно, особо ему не помогут, но послужат для него утешением и поощрением.

– Мы неукоснительно выполним ваше указание!

– Не указание, а предложение. Этот ученик не мой родственник. Просто я думаю, что наша стипендия должна не только поощрять самых лучших, но и поддерживать детей из малообеспеченных семей.

После визита в школу Чэнь Гэнъинь не поехал домой на машине, а медленно пошел пешком. Уладив это дело, он почувствовал, что душевное беспокойство несколько уменьшилось. Он подумал, что если юноша в этом году не поступит, то надо будет придумать способ, как помочь ему с оплатой повторного курса обучения. А если поступит и понадобится материальная помощь, то надо будет позвонить директору Ли, который учредил стипендию, и попросить о помощи. От этой мысли беспокойство стало еще меньше. Вернувшись домой, он позвонил судье Чэнь Цзэво и спросил, удобно ли ему сейчас говорить. Тот ответил, что удобно. Тогда Чэнь Гэнъинь четко и сжато пересказал все, что он делал сегодня. Сказанное свелось к трем основным выводам. Первое

– семья торговца Чэнь Цзэво живет в бедности. Второе – в деревне Яньцунь ходят слухи о подмене результатов, надо быть осторожнее. Третье – он решил дать сыну Чэнь Цзэво стипендию и попросить директора Ли помочь ему закончить университет. Хотя они совершили ошибку в прошлом, но таким поступком смогут «исполнить до конца долг гуманности и справедливости», и у племянника не будет никакого груза на душе. «Что касается того, какой выбор сделать, решай сам», – сказал Чэнь Гэньинь.

Но вот именно это решение и было самым трудным. Еще когда Чэнь Цзэво звонил дяде, он на самом деле уже сделал свой выбор. Однако чувствовал некоторую тревогу и надеялся, что звонок дяде поможет ее ослабить. Он получил поддержку, хотя и не в полной мере. Во всем этом деле дядя был ответственным лицом, а он сам – человеком, который извлек выгоду из случившегося. Дядя так поступил исключительно ради него, а если правда выйдет наружу, это сильно отразится на последних годах его жизни. К тому же дети дяди были людьми с высоким положением в обществе, успешной карьерой и безграничными перспективами. Добро следует помнить, поэтому ни в коем случае нельзя выдать дядю. «Кто еще, кроме меня, должен идти в ад?» – эта мысль внезапно пришла ему в голову. Чэнь Цзэво показалось, что он сделал мужественный выбор. Однако он ясно осознавал, что, если судить с точки зрения торговца Чэнь Цзэво, это мужество наполнено преступным духом и фальшью. «Не сто-

ит воспринимать все слишком серьезно», — опять всплыла в мыслях древняя заповедь. К тому же, даже если он будет председателем на суде, критерием будет все равно закон, а основанием — факты, и наказание вовсе не обязательно будет мягким. Если смотреть с точки зрения семьи потерпевшего У Юна, то мягкое наказание для Чэнь Цзэво тоже будет своего рода несправедливостью. К тому же... Он подумал еще об одном «к тому же»: к тому же его дядя уже решил выделить сыну торговца стипендию, да еще и помочь ему закончить университет. «Исполнить до конца долг гуманности и справедливости» — он вспомнил эту фразу, сказанную дядей.

«Кто еще, кроме меня, должен идти в ад?»

«Не стоит воспринимать все слишком серьезно».

«Исполнить до конца долг гуманности и справедливости».

Эти три мысли успокоили его, сильно нахмуренные брови наконец расслабились. Он вспомнил, что в четыре часа должен идти на родительское собрание в школу к сыну Чжао Тяньи.

Обычно на собрания ходила его жена, Ду Мэй, сам Чэнь Цзэво никогда на них не бывал, он даже не знал, в какой именно группе первых классов учиться его сын. А сейчас жена в командировке и вернется лишь во второй половине дня и на собрание не успеет. Чэнь Цзэво вообще не хотел идти на собрание, но сын, услышав, что никого из его родителей там не будет, заплакал, и сердце Чэнь Цзэво смягчилось:

– Пойду, как можно не пойти?

Услышав, что отец все-таки пойдет, мальчик начал прыгать от радости. Он сказал, что Лю Шиши, которая сидит впереди, всегда говорит, что ее папа самый красивый. Но он не согласен, ведь это его папа самый красивый. На прошлом собрании они договорились, что на следующем собрании попросят отцов прийти, а они посмотрят, чей отец красивее. На прошлом собрании Чэнь Цзэво не присутствовал, и Лю Шиши застыдила его, мол, его отец испугался сравнения, поэтому не пришел.

– В этот раз надо обязательно ей доказать, что именно мой отец самый привлекательный!

Чэнь Цзэво погладил сына по голове и улыбнулся:

– Такие маленькие и уже сравниваете отцов. Обычно люди меряются тем, чей отец круче, а вы – чей красивее.

– Если сравнивать, чей отец круче, то тут нам не победить...

В ответ судья Чэнь Цзэво промолчал. Школа, в которой учился сын, была лучшей в городе. Чтобы попасть туда в уже сформированный класс, надо было заплатить сто тысяч юаней. Среди одноклассников сына были дети высокопоставленных чиновников и богачей. А он – всего лишь какой-то заместитель начальника.

Сын у Чэнь Цзэво родился довольно поздно, когда ему был тридцать один год. В городе этот возраст не считался слишком большим, в отличие от его родного уезда. Для Чэнь

Цзэво сын был сокровищем. Жене он говорил, что нельзя, чтобы у сына была плохая стартовая позиция. Но жена была не согласна, она считала, что детство сына должно быть радостным, счастливым и ничем не стесненным. Ду Мэй была против того, чтобы Чэнь записывал сына то на одни занятия, то на другие. В этом вопросе их позиции были диаметрально противоположными, и они никак не могли договориться. Жена выросла в городе, в обеспеченной семье, после окончания университета ездила на стажировку за границу, а после возвращения на родину ее распределили в издательство. Она была моложе Чэнь Цзэво, но два года назад получила место начальника отдела городских новостей. Она была известным журналистом на хорошей должности. Ее жизнь текла гладко и успешно, условия ее жизни предопределили то, что она не могла понять те трудности, с которыми столкнулся крестьянский сын Чэнь Цзэво, чтобы вырваться из деревни. К тому же все это Чэнь Цзэво получил незаконным способом, и это лежало камнем на его душе, который давил так, что не продохнуть, и о котором нельзя рассказать. Он говорил Ду Мэй, что человеческую жизнь можно сравнить с подъемом в гору. Некоторые люди с самого рождения уже находятся на пике, другие карабкаются вверх с горного склона, но больше всего людей начинают путь к вершине со дна горного ущелья. Ду Мэй возражала:

– Почему жизнь похожа на подъем в гору? Почему обязательно надо стремиться к самому верхнему пику? Ведь мож-

но же хорошо жить и на дне ущелья, там тоже прекрасный пейзаж! В жизни главное – сам процесс.

А Чэнь Цзэво на это отвечал:

– Легко тебе говорить. Если бы ты пожила на дне ущелья, то поняла бы.

Благодаря взглядам Ду Мэй, их сын рос психически здоровым ребенком, его счастье и здоровье были на первом месте. А Чэнь Цзэво надеялся, что сын будет на голову выше всех остальных. У него была одна мысль, которой он не осмелился бы поделиться с женой: он сам добился так называемого успеха благодаря методам, о которых нельзя рассказать, но надеется, что сын добьется в этой жизни всего, что заслужил, своими собственными усилиями.

Чэнь Цзэво пораньше ушел с работы и приехал в школу, где учился сын. Сначала он нашел аудиторию, в которой учатся первые классы, затем спросил учителя, в какой группе учится Чжао Тяньи. Учитель поинтересовался:

– Вы пришли на родительское собрание?

– Да.

На лице учителя отразилось презрение:

– И вы не знаете, в какой группе учится ваш ребенок?

Чэнь Цзэво смутился:

– Я много работаю, обычно жена ходит на собрания.

Учитель сказал ему, что сын учится в третьей группе первого класса. Когда Чэнь Цзэво нашел нужный класс, собрание еще не началось, но уже было немало родителей, которые

сидели рядом со столами своих детей, придвинув скамейки. Чэнь искал глазами сына, но тот увидел его первым, вскочил и крикнул:

– Пап, я здесь!

Когда Чэнь Цзэво подошел, его сын громко сказал:

– Лю Шиши, смотри, мой папа пришел!

Девочка по имени Лю Шиши высокомерно выпятила губки и смерила судью взглядом, всем видом показывая, что тут и смотреть не на что:

– Твой отец такой тощий, он не такой красивый, как мой!

Чжао Тяньи сказал:

– Вот придет твой отец, пусть другие решат, кто из них красивее!

Чэнь Цзэво гладил сына по голове, то бледнея, то краснея:

– Ну разве так можно? Вам бы следовало соревноваться, чьи оценки лучше!

Пока он это говорил, Лю Шиши вскочила. В класс вошел мужчина, и она повернулась к Чжао Тяньи:

– Хм! Вот и мой папа!

При виде вошедшего сердце Чэнь Цзэво упало, он пришел в замешательство. Отец девочки подошел, взял ее за руку и, увидев Чэня, засмеялся и сказал:

– Цзэво, ты тоже пришел на родительское собрание?

Чэнь Цзэво ответил:

– Начальник Лю, это ваша дочка? Такая милая! – Потом добавил: – Вы лично ходите на собрания!

– Дочь приказала, чтоб сегодня обязательно пришел, потому что она будет с одноклассником меряться, чей папа красивее. Я не посмел не явиться.

Лю Шиши произнесла:

– Пап, он и есть отец Чжао Тяньи! Это он будет с тобой соревноваться, кто красивее!

Начальник Лю расхохотался:

– Естественно, он красивее!

Чэнь Цзэво покраснел:

– Начальник Лю...

Тот ответил:

– Цзэво, здесь у нас один статус – родители.

Затем спросил:

– Твоя фамилия Чэнь, а у сына – Чжао. У него фамилия матери? Насколько я помню, твою жену зовут Ду Мэй, она ведущий журналист ежедневной газеты «Наньго».

Чэнь Цзэво пришел в замешательство:

– У меня фамилия моей матери, а сыну я дал фамилию своего отца.

В этот момент вошел учитель. Оба мужчины уселись и начали его слушать.

Пока шло собрание, сгустились сумерки. Чэнь Цзэво попрощался с начальником Лю и вышел вслед за ним. По пути домой сын выглядел недовольным:

– Ну ты же явно красивее отца Лю Шиши!

Чэнь Цзэво сказал ему:

– Следует быть поскромнее. Скромность – это добродетель.

Ду Мэй уже была дома, когда они вернулись домой, а няня приготовила еду. Чэнь Цзэво спросил жену, успешно ли прошло интервью. Он переживал за нее и поэтому произнес:

– Ты же уже начальница! Такие дела нужно было поручить кому-нибудь из молодых подчиненных.

Ду Мэй ответила, что она брала с собой молодого журналиста, но тема серьезная, поэтому она решила взяться за нее сама.

– Я за твою безопасность волнуюсь! – сказал Чэнь Цзэво. От такого его беспокойства на душе у Ду Мэй стало тепло. Они познакомились на работе. Тогда Чэнь Цзэво первый раз выступал в роли председательствующего судьи, а дело вызвало немало споров в обществе. Ду Мэй же была ведущей журналисткой отдела городских новостей и приехала на суд, чтобы потом взять у него интервью. Именно так начались их отношения. Надо сказать, что Ду Мэй первая пригласила Чэнь Цзэво на свидание, потом – второй раз, после чего сказала ему:

– Ни одно дело не следует делать больше трех раз. Я уже дважды приглашала тебя, в следующий раз – твоя очередь.

Так и произошло. При встрече они много обсуждали самые актуальные новости. Ду Мэй долго занималась социальными проблемами и немало повидала трудностей и невзгод низших слоев общества, с которыми она никогда до это-

го не сталкивалась. Она выросла в семье начальника. Ее мать работала в правительственном учреждении на невысокой должности, на пенсию она ушла, будучи начальницей отдела. А вот отец до сих пор был большим начальником. Знания о трудностях жизни Ду Мэй черпала из книг, она и не предполагала, что реальность превзойдет ее воображение. Поэтому она, горя энтузиазмом, подбадривала обиженных и пострадавших, призывала всех помогать им. Ее эмоциональная позиция была похожа на позицию выросшего в деревне Чэнь Цзэво. Кроме того, он изо всех сил старался быть хорошим судьей, так как нес на себе груз вины. Чем больше они с Ду Мэй общались, тем больше понимали, насколько они похожи по характеру, и постепенно полюбили друг друга. Когда их чувства уже нельзя было скрыть, Чэнь Цзэво впервые отправился на встречу с будущими тестем и тещей. Мать Ду Мэй была против того, чтобы дочь выходила замуж за деревенского парня, а отец спросил, что ей нравится в ее избраннике. Ему казалось, что Чэнь Цзэво слишком сдержанный и осмотрительный, поэтому никогда не совершит ничего выдающегося. Ду Мэй ответила, что ей нравится, что у Чэня есть представление об искуплении. У китайцев редко встречаются мысли о прощении, а у него они есть. Поэтому ей кажется, что он – человек глубокий, обладающий чувствами, и он достоин ее любви. Отец попросил ее привести пример, чтобы пояснить свои слова. Она рассказала, как однажды делала репортаж о старике, который упал на доро-

ге, потому что закружилась голова, и никто из прохожих не подал ему руки, не помог подняться, и даже в полицию или по номеру 120 не позвонили. Таким образом, было упущено драгоценное время, и старик умер. В своей колонке Ду Мэй начала общественное обсуждение этого случая. Многие ученые, известные и простые люди выразили свое осуждение такого безразличия. Ду Мэй брала по этому вопросу интервью и у судьи Чэнь Цзэво. Он же считал, что хотя безразличие и нельзя прощать, но ни у кого нет права осуждать тех прохожих, потому что каждый из нас в определенных обстоятельствах может стать одним из них. Поэтому у нас нет причин с высоты своей морали порицать других, делая вид, что к нам это не имеет отношения, просто нам повезло больше, чем тем прохожим, и все. Ду Мэй сказала, что была потрясена этими словами. До этого она считала, что если бы оказалась среди тех прохожих, то точно протянула бы руку помощи старику, но Чэнь Цзэво ответил, что это – всего лишь ее предположение. Он предложил ей почитать книгу американского философа Джона Дьюи «Человеческая природа и поведение», в которой как раз и говорится о подобной «моральной удаче»³². Отец Ду Мэй смотрел на одухотворенное

³² Моральная удача (Moral luck) – термин, введенный в современную философию Томасом Нагелем и Бернардом Уильямсом. Они подчеркивали эмоциональную природу мотивации поступков людей. Так, например, стыд и угрызения совести являются моральными реакциями человека на возникающие ситуации, в которых он участвует. Моральные чувства зависят от ситуации: одни и те же поступки могут вызывать у совершившего их человека стыд и угрызения совести,

лицо дочери, выражавшее гордость, когда она рассказывала ему все это, и понимал, что она сильно любит Чэнь Цзэво. Тогда он сказал, что уважает выбор дочери.

Строго говоря, это была первая любовь Чэнь Цзэво. Во время учебы в университете он не осмеливался заводить отношения, так как чувствовал себя воришкой и боялся, что его тайна будет раскрыта, поэтому вел замкнутую жизнь. В магистратуре он прилежно учился, пытаясь избавиться от тени прошлого. Когда он встретил Ду Мэй, ее активность заставила его наконец почувствовать, что такое любовь, а после создания семьи он стал потихоньку забывать о том, что случилось когда-то давно. Его отец умер, когда он еще учился в магистратуре, на родине не осталось никого, только дядя. После свадьбы Ду Мэй один раз ездила с ним к нему на родину. Это был праздник Цинмин³³, и они убирали могилы родителей Чэнь Цзэво. Так как он вернулся домой, как говорится, «в парчовых одеждах», добившись успеха, родственники поочередно приглашали его на обед. Ду Мэй все удивлялась, почему у них у всех фамилия Чжао, а муж объяснил ей, что он взял фамилию матери. После этого они в деревню больше не ездили. Чэнь Цзэво не осмеливался, ведь он знал, что его жена – идеалистка, каких редко встретишь в совре-

а могут не вызывать – все зависит от того, насколько «повезет» ему с внешними обстоятельствами.

³³ Праздник поминовения усопших. В этот день принято ездить на могилы своих предков, приносить туда цветы, пищу и любимые вещи умерших, зажигать курительные палочки, жечь «жертвенные деньги».

менном обществе, и если она узнает о его прошлом, то последствия будут непредсказуемыми.

Но чем больше чего-то боишься, тем больше вероятность, что это случится. За ужином Ду Мэй внезапно заговорила о деле торговца Чэнь Цзэво. Она слышала, что прокуратура уже выдвинула обвинение, и спросила, кто будет председателем на суде и когда он состоится, так как она собирается на нем присутствовать. Муж невнятно ответил, что еще не знает всех деталей, и добавил:

– Ты даже во время еды говоришь о работе! Не устала за эти дни? Давай лучше расскажу кое-что интересное!

И поведал ей, как их сын мерялся красотой отцов с одноклассницей. Ду Мэй смеялась до слез. Однако тему ему сменить не удалось. Отсмеявшись, жена снова заговорила про дело об убийстве. Чэнь Цзэво сказал:

– Таких дел великое множество, все произошло уже давно, что же ты до сих пор все о нем думаешь?

Ду Мэй серьезно ответила:

– Раз ты так говоришь, то мне придется преподать тебе, великому судье, один урок. Сколько уже за эти годы было новостей, которые поначалу вызывали пристальное внимание всех СМИ, а по прошествии какого-то времени и люди, и СМИ переставали ими интересоваться, и они так и оставались незавершенными, а потом постепенно стирались полностью из памяти. Я уже говорила коллегам, что, вместо того чтобы гоняться за разными новостями, а потом их бросать,

лучше взять одну и проследить ее от начала и до конца.

– Мне тебя не переспорить, – ответил Чэнь Цзэво.

– Ты не меня, ты здравый смысл не можешь переспорить. К тому же я не могу отбросить эту новость, потому что преступник носит то же имя, что и ты, и родились вы в одном уезде. Глядя на него, я все время думаю о тебе. Вы оба родом из деревни. Ты получил образование и изменил свою судьбу, но если бы не смог продолжить учебу, то, возможно, у тебя была бы такая же судьба. Мне кажется, можно раскрыть эту новость именно с этой позиции.

От этих слов холодный пот потек по спине Чэнь Цзэво. К счастью, Ду Мэй не стала развивать эту тему.

На следующий день Чэнь Цзэво сразу, как пришел на работу, отправился к начальнику и объяснил ему, что ему как-то не по себе быть судьей на процессе у человека с абсолютно такими же именем и фамилией. Начальник ответил, что полностью его понимает, но решение о том, кто будет судьей, принимает не он, а партийная ячейка на собрании. Чэнь Цзэво сказал, что опасается, как бы журналисты, узнав о том, что судья Чэнь Цзэво будет судить торговца Чэнь Цзэво, не превратили серьезное дело в фарс. Потом он добавил:

– Кроме того, этот торговец родом из того же уезда, что и я. Боюсь, что они начнут строить пустые домыслы.

На это начальник ответил:

– Ничего страшного! Как человек, у которого тело выпрямленное, не боится, что тень будет кривая, так и поря-

дочный человек не боится клеветы. Людей с одинаковыми именами много, – тут он привел пример: – возьмем, на пример, мое имя – Чжан Хуэй. В стране если не десять, то как минимум тысяч семь-восемь человек с таким же именем. У нас в суде как-то рассматривалось дело смертника по имени Чжан Хуэй. А уж людей из одного уезда и того больше! Вы же не родственники, так чего тебе бояться?

Начальник взглянул на него, и в этот момент Чэнь Цзэво показалось, что взгляд этот непривычно острый и словно пронизывающий его насквозь. Чэнь поспешно сказал, что, естественно, он ничего не боится, просто не хочет для их суда дополнительных хлопот и неприятностей. Начальник заверил его, что внесет предложение, но выразил недовольство такой привередливостью Чэнь Цзэво. Увидев настроение начальника, Чэнь не стал больше ничего говорить. Изначально он думал, что это не большое дело, всего лишь надо поговорить с начальником, дать ему подходящие разъяснения, и судью поменяют, так как все равно, кто ведет процесс. Он и не думал, что такое обычно легкое дело натолкнется на препятствия. Незадолго до окончания рабочего дня позвонил начальник и велел явиться на следующее утро на заседание, чтобы объяснить свою позицию, потому что остальные начальники тоже не видят такой необходимости менять судью, ведь к тому же у каждого судьи на руках огромное количество дел. Чэнь почувствовал, что перспективы его темны и неясны. Он никак не мог понять, почему начальник в таком

маленьком деле не хочет ему помочь. Выкурив две сигареты, он понял: на таком суде тяжело председательствовать. К этому делу приковано повышенное внимание со стороны общества, и на одной чаше весов – воля народа, а на другой – давление со стороны полицейского управления. Раз это дело попало ему в руки и весомых причин уклоняться от него нет, то, конечно, нет и причин менять председательствующего судью. Чэнь Цзэво достал дело торговца, но никак не мог сконцентрироваться. При взгляде на отпечатки пальцев в качестве подписи на показаниях подсудимого в его голове всплывала картина того, как его самого уводят в наручниках на допрос.

Чэнь Цзэво достал из папки фотографии торговца, снятые во время предварительного слушания. Одна – анфас, вторая – в профиль с левой стороны, третья – с правой стороны, все они сделаны на фоне линейки с указанием роста. Судья Чэнь Цзэво внимательно рассматривал его: торговец Чэнь Цзэво был худым мужчиной с темной кожей, глубокими глазными впадинами и небритым лицом, он не выглядел как сорокалетний мужчина, казалось, что ему уже за шестьдесят. Такие лица были ему хорошо знакомы, ведь это было типичное лицо китайского деревенского жителя, в его родной деревне такие лица были у всех его двоюродных братьев и дядей, и у отца когда-то было такое же лицо. На нем отражались тяготы жизни и бедность, но в то же время железная твердость. Но такое лицо было чужим для судьи Чэнь Цзэво.

Глядя на него, он пытался вспомнить годы, когда они были в одной параллели. Торговец Чэнь Цзэво учился в первой группе, сейчас в школах часто формируют такие классы для лучших учеников, и тогда там тоже были собраны ученики с самыми выдающимися результатами. Это был коллектив, который учителя готовили к поступлению в университеты. А нынешний судья Чэнь Цзэво, в то время – Чжао Чэн, если судить по успехам в средней школе, учился несколько хуже и был в третьей, обычной группе. Мама Чжао Чэна потребовала, чтобы ее брат, Чэнь Гэнъинь, перевел сына в первую группу, но тот отказался, сказав, что Чжао Чэн будет отставать от других учеников той группы, чем заставил племянника почувствовать свою неполноценность и подорвал его стремление учиться. Дядя еще говорил, что, чем быть худшим в сильной группе, лучше быть самым лучшим в обычной. Даже пословица такая есть: «Лучше быть головой курицы, чем хвостом феникса». Хотя они учились в разных группах, но в последний год обучения пересекались несколько раз. Нельзя сказать, что их связывали дружеские отношения, но через столько лет Чжао Чэн – ныне судья Чэнь Цзэво – до сих пор помнил настоящего Чэнь Цзэво, симпатичного и молчаливого юношу, помнил все их немногочисленные встречи. Самым ярким воспоминанием была их поездка во время обучения в первом классе старшей школы на районный конкурс сочинений, где они представляли их школу № 1. Они вместе ездили в древний город, в котором прово-

дился конкурс, и ходили смотреть на городскую стену, напоминавшую Великую Китайскую стену. За день до конкурса все ребята из их школы отправились в парк, где развернула свой шатер цирковая труппа, среди участников труппы был мастер цигуна, который во время представления поднимал ведра с водой при помощи век. Ученики увидели рекламное объявление и собрались идти, но одно представление стоило целых два юаня, поэтому Чжао Чэн и Чэнь Цзэво пожалели денег и не пошли. Остальные трое ребят заплатили по два юаня и пошли смотреть представление, а они остались ждать снаружи. Они молча сидели на камнях у озера. Так прошло двадцать минут, и тут вышли те, кто пошел смотреть на мастера, который может поднять ведра с водой при помощи век. Чэнь Цзэво сказал:

– Время уже не раннее, если надолго задержимся, учитель будет ругаться.

И все пятеро отправились назад. По дороге те, кто смотрел представление, в ярких красках возбужденно рассказывали, насколько удивительный и чудесный цигун показал мастер, поднимавший воду. У выхода из парка они увидели толпу, которая на что-то с интересом взирала. На этот раз платить было не надо, и все пятеро втиснулись в самую гущу народа. Оказалось, что там выступают десятилетний мальчик и девочка, которой на вид было лет семь-восемь. Мальчик взял в правую руку острый нож и воткнул в запястье левой руки, брызнула кровь, по лицу было видно, как ему

больно. Девочка достала лекарство в виде порошка, быстро втерла в рану, мальчик вынул нож, и она платком перевязала запястье. Девочка взяла поднос, чтобы зрители клали на него деньги. В одно мгновение толпа рассосалась, осталось лишь несколько человек. Чжао Чэн с другими учениками собрался уходить, но увидел, что Чэнь Цзэво замер на месте. Чжао Чэн потянул его за руку со словами: «Пойдем!» – но тот внезапно вытащил из кармана пять *мао*³⁴ и положил на поднос девочки. В его глазах стояли слезы. На обратном пути он не проронил ни слова. На протяжении многих лет эта картина постоянно всплывала в памяти тогдашнего Чжао Чэна – нынешнего Чэнь Цзэво. За четыре года обучения в университете он бесчисленное количество раз по ночам вспоминал того деревенского Чэнь Цзэво и слезы в его глазах. Учась в магистратуре, он тоже вспоминал Чэнь Цзэво, хотя уже и не помнил, как именно тот выглядел, но помнил его слезы настолько отчетливо, что стоило закрыть глаза, как они тут же вставали перед его мысленным взором. Уже ставший судьей Чэнь Цзэво, глядя на деревенских работников, нет-нет да и вспоминал настоящего Чэнь Цзэво, его смутный образ и слезы в его глазах. Сейчас судья смотрел на фотографию и не видел больше в глазах Чэнь Цзэво слез... В этих глазах была лишь пустота.

Растерянность. Всего лишь растерянность.

Судья Чэнь Цзэво глубоко вздохнул. Он подумал: «Столь-

³⁴ *Мао* — одна десятая часть юаня.

ко лет прошло, сможет ли он узнать меня?» Когда они встретятся в суде, узнает ли он в человеке в величественной судейской мантии, сидящем на месте председателя, своего бывшего знакомого из параллельной группы? И если узнает, то что скажет? Но, возможно, и не узнает. За двадцать лет они оба слишком изменились. Если бы судья Чэнь Цзэво встретил на улице торговца Чэнь Цзэво, то ни за что не признал бы его. «Не сможет он меня узнать», – подумал судья. Но когда он узнает, что председатель носит то же самое имя, разве не зародится у него подозрение?

Судья Чэнь Цзэво посмотрел на торговца на фото; внезапно он увидел, как глаза Чэнь Цзэво на фотографии словно ожили, в них уже не было растерянности и пустоты – они светились пронизывающим холодом. Он выронил фотографию из рук, и она упала на стол. Прошло какое-то время, прежде чем он убедился, что у него просто зарябило в глазах. Он снова взял фото и вгляделся в глаза Чэнь Цзэво. Они действительно не двигались, но когда он, успокоившись, уже клал фото в папку с делом, вдруг увидел, как насмешливо шевельнулись уголки рта другого Чэнь Цзэво, ему даже слышался холодный смех. В этот раз он приказал себе успокоиться и твердым взглядом посмотрел на фото; он держал его в руках до тех пор, пока фотография опять не стала нормальной: глаза человека на ней больше не двигались, а рот не искривлялся в насмешливой улыбке. Убедившись, что это просто безжизненная фотография, Чэнь Цзэво убрал ее об-

ратно в папку с делом, а саму папку запер в шкаф для документов. Он снова закурил. Ни в коем случае нельзя быть председателем на этом процессе, думал он, эти двадцать лет он все время беспокоился, упорно учился, усердно работал, стараясь получить все, что сейчас имеет, нельзя допустить, чтобы все оказалось напрасным. Он и представить не мог, что пережил в своей жизни торговец Чэнь Цзэво. Только вот как отказаться вести это дело? Он погрузился в горестные раздумья. Ему в голову даже пришла мысль самому создать какую-нибудь непредвиденную ситуацию, например автокатастрофу. Но кто мог гарантировать, что катастрофа будет такой удачной, что он получит именно те раны, какие надо?

Он еще не придумал никакого выхода из сложившейся ситуации, когда Ду Мэй узнала, что председателем на суде будет он. Перед сном она сказала, что ей звонил Вэй Гунчжи:

– Это дело давно уже передали тебе, почему ты мне не рассказал?

– Это моя работа. Я что, должен отчитываться тебе о каждом деле?

Ду Мэй задержала на нем взгляд секунд на десять, он показался ей совершенно незнакомым человеком.

Чэнь сказал:

– Чего ты на меня смотришь?

– Ты что-то скрываешь от меня!

– Что я могу скрывать от тебя? Разве я могу скрыть что-то от тебя, великой журналистки, прославившейся своими

расследованиями?

– Чем больше ты так говоришь, тем сильнее я убеждаюсь, что ты что-то скрываешь! С начала наших отношений и до настоящего момента ты никогда не разговаривал со мной таким тоном.

Чэнь Цзэво притворился спокойным и беззаботным:

– Ну что за великое дело – меня назначили быть председателем на процессе по делу об убийстве, совершенном торговцем. Я собирался тебе сегодня рассказать, кто ж знал, что ты первой узнаешь?

Ду Мэй по-прежнему пристально смотрела на него, а он закрыл глаза и повернулся к ней спиной. Тогда она из властной снова стала нежной, мягко обняла его сзади и произнесла:

– Дорогой, если что-то случилось, мы переживем это вместе!

Ласка и нежность Ду Мэй немного успокоили Чэнь Цзэво. Она легонько поцеловала его в основание уха, он повернулся и заключил ее в объятия:

– Я немного устал, давай спать.

Сказать-то сказал, но заснуть не мог, в голове беспорядочно кружились разные мысли. Уже на рассвете Чэнь Цзэво посмотрел на спящую Ду Мэй и тихонько встал с кровати. Он сидел в гостиной, не включая свет, и курил сигареты одну за другой. На четвертой сигарете в гостиную вошла Ду Мэй, так же молча села рядом с ним и тихонько прижалась к нему.

В этот момент ему показалось, что они – супруги, пережившие немало невзгод. Он затушил оставшиеся полсигареты и сказал:

– Пошли дальше спать!

– Не спится. Давай просто посидим, так хорошо, – и добавила: – дорогой, что бы ни случилось, помни, что я твоя жена, мы – одна семья, и я всегда буду на твоей стороне.

Чэнь Цзэво молча обнял ее за плечи.

Ду Мэй чувствовала, что муж столкнулся с какой-то щекотливой проблемой, но она и представить не могла, с чем именно. Она подозревала что-то совсем другое – например, что комиссия по проверке дисциплины засекала, как он брал взятку. На том посту, который он занимал, было много соблазнов. Но она сразу отвергла эту мысль, ведь она знала, что Чэнь Цзэво не имел больших притязаний в материальном плане. Он всегда говорил, что нынешнее положение досталось ему нелегко и он очень им доволен. Но если проблема была не в материальном, значит, замешаны чувства. При мысли об этом у нее в душе все перевернулось. Она часто ездит в командировки, задерживается допоздна на работе, идеальной женой ее сложно назвать. Думая об этом, она все больше убеждалась, что дело именно в этом. И смириться с этим ей было труднее всего. Изобразив нежность, она хотела победить воображаемую соперницу. Она и не знала, что, пока она строила предположения, Чэнь Цзэво размышлял, не рассказать ли ей всю правду. Это побуждение преследова-

ло его всю их супружескую жизнь с момента самой свадьбы. Но он боялся, что, узнав истинное положение дел, Ду Мэй бросит его, от этого страха все в его душе было как натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть, он был на грани краха – его чувства готовы были вот-вот выплеснуться наружу. Он не раз думал рассказать правду и позволить Ду Мэй сделать выбор. В таком случае ему не было бы так тяжело. Он подумал, что жена простит, но тут же отверг эту мысль, потому что это несправедливо по отношению к ней: перекинуть подобное психологическое давление на нее – это проявление эгоизма. И так он все сомневался и сомневался, но в итоге каждый раз решал скрыть от Ду Мэй правду.

Утром Вэй Гунчжи позвонил Ду Мэй и спросил, есть у нее в ближайшие два дня время, он хочет с ней встретиться. Она спросила, в чем дело. Тот весело ответил:

– Я не могу без повода пригласить на обед великую журналистку? Я тут нашел новый итальянский ресторанчик, там вкусно готовят, особенно хорошо у них получается пицца. К тому же там дешево и обстановка классная.

Вэй Гунчжи помнил, что в студенческие годы она обожала пиццу. Ду Мэй спросила, кого он еще пригласил, и он ответил:

– Только тебя! Разве нельзя? Боишься, что я тебя съем?

– Неизвестно, кто кого еще съест! Только сегодня моя очередь готовить.

– А как насчет завтрашнего вечера?

– Ты и вправду решил пригласить меня? В чем дело?

Вэй Гунчжи ответил, что у него есть кое-что интересное для великой журналистки. Так разговор зашел об этом судебном процессе. Он рассказал, что уже получил уведомление о начале слушаний, и это означает, что они начнутся через десять дней. Еще он сказал, что председательствующий судья – Чэнь Цзэво, и затем добавил, что у него есть кое-что важное для нее. Ду Мэй и не подозревала, о чем он хотел поговорить.

Вэй Гунчжи был адвокатом, назначенным для торговца Чэнь Цзэво, естественно, он делал все, что могло пойти на пользу его клиенту. А Ду Мэй, будучи журналисткой, которая следит за этим делом, пару раз встречалась с торговцем – брала у него интервью, и каждый раз он производил на нее неизгладимое впечатление. Ей все время казалось, что этот человек каким-то непостижимым образом связан с ее жизнью, она никогда не брала интервью у людей, которые вызывали бы у нее такую тревогу. Ей даже казалось, что ее позиция в этом деле вызывает вопросы. Конечно, Чэнь Цзэво вызывал жалость, но если подумать о потерпевшем У Юне, то это была молодая и яркая жизнь, надежда двух пожилых родителей и невесты. Потом она подумала, что такие мысли у нее из-за того, что убийца носил то же имя, что и ее обожаемый муж, да еще и родился в одном с ним уезде. Но она отогнала эту мысль, ведь торговец Чэнь Цзэво и ее муж – это люди из разных миров, их совершенно нельзя сравни-

вать. В своей журналистской практике она не раз брала интервью у разных преступников и многочисленных представителей низших слоев общества, но Чэнь Цзэво производил иное впечатление. Она не могла забыть беседу с ним. Потом она общалась с родителями У Юна и с его невестой, глядя на которую непроизвольно думала о ребенке в ее животе. В душе Ду Мэй бесконечно сочувствовала ей, ведь она тоже была женщиной, но ей все равно казалось, что Чэнь Цзэво хоть и стал причиной этой трагедии, но его жизнь – еще большая трагедия.

И кто должен нести ответственность за эту трагедию? Убив плоть Чэнь Цзэво, можно ли будет восстановить справедливость по отношению к погибшему?

В этом смысле у нее и у Вэй Гунчжи сейчас одна общая цель, но она не могла заставить себя хорошо относиться к нему, ей казалось, что он слишком хитрый и расчетливый, в его словах нет ни слова правды, трудно понять, чего он хочет.

Ду Мэй и Вэй Гунчжи учились в одном университете. После окончания она уехала за границу, а он продолжил учебу, полностью сменив специальность и став юристом. В университете он ухаживал за Ду Мэй, но, получив отказ, переключился на новый объект и завоевал любовь ее соседки по комнате. Ду Мэй трудно было в это поверить, потому что ей казалось, что он делает это с расчетом на ее реакцию. Но и это не так важно, для нее важнее было то, что у него был слишком хорошо подвешен язык, а ей нравились более молчали-

вые молодые люди, ведь если мужчина слишком много говорит, то утрачивается весомость его слов. Естественно, это были ее стандарты, с которыми она подходила к людям в годы своей учебы в университете, и трудно сказать, верны они или нет. Позднее, когда она уже стала журналисткой и занималась политическими и юридическими темами, они начали пересекаться по работе. Вэй Гунчжи был известным в городе юристом – не потому, что он был знаменит в юридических кругах, а потому, что он умел вертеться и часто появлялся в СМИ. Например, в этот раз он первым выступил с предложением предоставить торговцу Чэнь Цзэво юридическую помощь и поэтому, конечно же, часто мелькал в газетах и на телевидении.

Периодически, когда их газета уделяла внимание какому-нибудь судебному делу и было необходимо взять интервью у кого-нибудь из юристов, Ду Мэй звонила Вэй Гунчжи. Узнав, что она вышла замуж за судью, он пригласил ее вместе с мужем на обед. На Чэнь Цзэво он произвел неприятное впечатление. Ду Мэй поинтересовалась почему:

– Вэй Гунчжи предоставляет юридическую помощь малообеспеченным клиентам, и это замечательно! Обществу нужны такие люди!

Чэнь Цзэво холодно улыбнулся, но не ответил, почему ему не понравился Вэй Гунчжи, лишь сказал:

– Лучше бы тебе поменьше общаться с такими людьми.

Ду Мэй подумала, что у мужа предвзятое отношение. Ее

связь с Вэй Гунчжи – это, как говорится, «дружба благородных людей, чистая как вода».

Вспоминая эти дела минувших дней, она наконец заснула, а когда проснулась рано утром, муж уже ушел на работу, а няня отвела ребенка в школу. Умываясь, она обнаружила огромные темные круги под глазами, на ее лице, отражавшемся в зеркале, словно бы отпечатались все ее переживания. Ду Мэй хоть и не любила косметику, но сейчас без нее было не обойтись.

Вэй Гунчжи сказал, что заедет за ней в редакцию в полдень и будет ждать внизу, без двадцати двенадцать от него пришла СМС, что он уже прибыл. Ду Мэй быстро наложила макияж, но черные мешки под глазами все равно были немного заметны. Ну и ладно, подумала она. Машина Вэй Гунчжи «Гуанци хонда»³⁵ ждала внизу. Среди юристов мало кто ездил на машинах отечественного производства, на их взгляд, это выглядело убого, но такой автомобиль подходил к «показушному» образу Вэй Гунчжи. Увидев, что Ду Мэй спустилась, он открыл переднюю дверь и посмотрел на нее пристальным взглядом, от которого она смешалась, полагая, что он увидел ее мешки под глазами. Вэй Гунчжи сказал:

– Ты становишься все красивее!

Она прекрасно знала его манеру делать ничего не значащие комплименты, но ей все равно было приятно, вчерашние неприятности вылетели из головы.

³⁵ Совместное предприятие Honda Motor и Guangzhou Automobile в Китае.

– Знаю, как ты любишь пиццу, поэтому, обнаружив, что в новом ресторане ее вкусно готовят, сразу подумал о тебе, – произнес Вэй Гунчжи.

– Оставь эти речи для юных девушек! – ответила Ду Мэй.

Ехать было недалеко – всего десять минут на машине, место и правда было спокойное, как раз в стиле Ду Мэй. Что именно есть – это уже не самое главное, в университете она любила пиццу, а сейчас, кажется, уже нет. Она знала, что Вэй Гунчжи пригласил ее не для того, чтобы действительно насладиться вкусной едой. И в самом деле, когда они ожидали заказа, он приступил к делу. Он сказал, что накануне ходил навестить своего подопечного Чэнь Цзэво. Сказав это, он сделал глоток газировки, пристально глядя на Ду Мэй. Та ответила:

– Что с тобой сегодня? Почему ты так странно смотришь на меня?

Принесли пиццу, Вэй Гунчжи так и не ответил на ее вопрос:

– Попробуй, вкус действительно необычный!

Они сосредоточились на еде. Когда пицца была уже практически съедена, Вэй Гунчжи влажной салфеткой вытер губы. Стало очевидно, что он собирается приступить к основной теме. Ду Мэй играла ножом и вилкой, отрезая маленькие кусочки пиццы, ожидая, когда Вэй Гунчжи заговорит. Он произнес:

– Я не буду ходить вокруг да около. Вчера я встречался

с моим подопечным Чэнь Цзэво и сказал ему, что суд скоро начнется. Угадай, что он ответил. Он сказал, спасибо, что я его защищаю, но он хочет, чтобы приговором была смертная казнь. Что когда он думает об убитом им полицейском, таком молодом, не намного старше его сына, то понимает, что заслуживает смерти.

– Когда я в прошлый раз разговаривала с ним, он говорил то же самое.

– Но я сказал ему, что он не умрет, точно не умрет. Потому что председательствующего судью тоже зовут Чэнь Цзэво. – Договорив, он снова многозначительно взглянул на Ду Мэй.

Она отложила нож с вилкой, подняла голову и посмотрела на него. Он продолжил:

– Я сказал ему, что судью-председателя не только зовут тем же именем, но и родом он из того же уезда.

Внезапно она почувствовала, что ее руки ослабли. Она вспомнила, как странно вел себя вчера вечером муж. Заглянув в глаза Вэй Гунчжи, она почувствовала, что он – опытный охотник, а она – его охотничий трофей, которому никуда не скрыться.

– Чэнь Цзэво, естественно, мой подзащитный Чэнь Цзэво, услышав эти мои слова, на какой-то момент сильно разволновался. Его глаза вдруг запылали огнем, но потом все прекратилось, пламя в его глазах потухло. И что бы я у него ни спрашивал, он не отвечал.

Вэй Гунчжи замолчал и снова отпил воды. Ду Мэй молчала. Через какое-то время Вэй сказал:

– Ты ни о чем не хочешь меня спросить?

– О чем я должна спрашивать?

– Да так, ни о чем, я так просто спросил. Как тебе пицца?

Правда, необычная?

– Да, необычная.

Вэй Гунчжи притворно беспечным тоном сменил тему, спросил, какие телепередачи Ду Мэй любит смотреть. Ему самому нравится одна популярная передача, посвященная знакомствам, он часто ее смотрит. Ду Мэй ответила, что тоже иногда ее смотрит. Они обсудили эту программу, и она сказала:

– А что, если тебе подать заявку на участие? Такой богатый жених, несомненно, будет пользоваться популярностью!

– Да ладно... Я же не такой уж высокий, красивый и богатый, меня выкинут в первом же раунде.

Еще он сказал, что кроме передач о знакомствах любит смотреть сериалы, сейчас, например, он смотрит сериал о войне сопротивления Японии, который даже интереснее, чем сериалы о древней жизни Китая. Пару дней назад он смотрел сериал «Судья Бао»³⁶, и там был сюжет о рассле-

³⁶ Судья Бао – один из любимых героев произведений судебной тематики. В основе образа судьи Бао реальный человек по имени Бао Чжэн. В судебной тематике существует большое количество произведений, связанных с именем этого судьи. Древнейшая повесть, в которой упоминается Бао Чжэн, – тринадцатый цзюань книги Фэн Мэнлуна «Слово простое, мир предохраняющее» под назва-

довании дела о подмене принца кошкой³⁷, очень интересно!

Вэй Гунчжи порекомендовал Ду Мэй его посмотреть:

– Ты обязательно должна посмотреть!

– Я уже видела.

– Ну и что, что видела, посмотри еще раз. Можно ведь открыть что-то новое! Судя по тому, какая ты усталая, вчера не отдыхала, так?

– Да, не выпалась.

– Тогда я тебя пораньше отвезу назад, чтобы ты могла отдохнуть. – Договорив, он попросил счет.

В машине Вэй Гунчжи спросил, куда ее отвезти – на работу или домой.

– На работу, – ответила Ду Мэй.

По пути в редакцию Вэй вдруг спросил:

– Твой муж ведь тоже семьдесят четвертого года рождения?

– Откуда ты знаешь?

– На сайте суда есть страничка, посвященная ему.

Они быстро доехали до редакции. На прощание Вэй Гунчжи пожелал ей побольше отдыхать.

нием «Баолунту мстит за обиду трижды являвшегося оборотня».

³⁷ Среди произведений о легендарном судье Бао выделяется авантюрно-героическое повествование Ши Юйкуня «Трое храбрых, пятеро справедливых». Этот роман начинается с истории о рождении будущего императора Жэньцзуна, затем в произведении благодаря судье Бао будет раскрыто дело о подмене наследника престола кошкой – одна из наложниц императора украла сына другой наложницы и выдала его за своего ребенка, а сопернице подбросила кошку, которую та якобы родила.

Глядя на быстро удаляющуюся машину Вэй Гунчжи, Ду Мэй подумала, что этот обед был чрезвычайно странным. Она вернулась в офис, и тут ей в голову пришла еще одна мысль. Почему Вэй Гунчжи спросил: «Твой муж ведь тоже семьдесят четвертого года рождения?» Что значит «тоже»? Значит, есть кто-то еще того же года рождения. Кто? Точно не Вэй Гунчжи, ведь он с ней одного возраста. Чэнь Цзэво! Торговец чэнь Цзэво! Когда это имя мелькнуло в ее голове, Ду Мэй похолодела. Она отыскиала в сети всю информацию, связанную с торговцем Чэнь Цзэво, и перелистала свои записи. Нигде не был указан его год рождения, но в своих материалах она нашла одну дату – 1992 год, когда Чэнь Цзэво провалился на госэкзаменах и начал учиться на столяра. Затем она нашла краткую биографию своего мужа – точно, ведь он тоже в 1992 году поступил в университет. Она боялась и дальше думать в этом направлении, но мысли так и роились в ее голове. Профессиональный инстинкт журналиста, ведущего расследования, позволил ей мгновенно вычленить главное.

Торговец Чэнь Цзэво и судья Чэнь Цзэво – оба родились в одном уезде и в один год сдавали госэкзамены.

Затем она вспомнила, как во время обеда Вэй Гунчжи намекал ей на историю о подмене принца кошкой, и ей показалось, словно весь мир заледенел, повеяло безграничным холодом.

Чэнь Цзэво. Она подумала, что это довольно редкое имя.

Потом она вспомнила, как странно вел себя муж последние два дня, и уже почти понимала, в чем суть проблемы, и хотя она не знала всей правды, какая тайна скрывается за этими двумя Чэнь Цзэво, но у нее уже появилась смутная догадка. Ду Мэй не любила тех, кто выводывал нужную информацию окольными путями, она подумала, что надо просто расспросить супруга, чтобы он все объяснил. Очевидно, что обсуждать это дома нельзя, ей не хотелось, чтобы правда всплыла в присутствии их сына. Поэтому она послала мужу эсэм-эску с предложением встретиться в кафе после работы. В это кафе они часто ходили, когда их отношения еще только начинались, между собой они называли его «Домиком любви». Она выбрала это место не по какой-то особой причине, а лишь потому, что это было первое, что пришло в голову при мысли о встрече с Чэнь Цзэво. Домик. Старое место. Маленькие отдельные комнатки. Соответствующее освещение. Место, в котором рождается любовь. Ду Мэй приехала первая и сразу заказала две чашки своего любимого кофе «Блу Маунтинс»³⁸. Кислый, горький, сладкий – по-настоящему прекрасное сочетание. А вот муж больше любил пить чай. Он часто говорил: «Ведь это все кофе, почему же цена такая разная?» Он не понимал разницу между латте и мокко и даже не чувствовал быстрорастворимый кофе или свеже-

³⁸ Элитный сорт кофе, который выращен на горных плантациях в восточной части острова Ямайка на высоте 1200 м над уровнем моря. Это единственный сорт кофе в мире, который упаковывается в деревянные бочки, а не в мешки.

молотый.

В ожидании мужа на сердце Ду Мэй стало намного спокойнее. Она восстановила в памяти все прекрасные воспоминания, связанные с этим местом. Их первое свидание, когда она пригласила его, было именно здесь. Чтобы показать себя утонченным, Чэнь Цзэво тогда взял маленькую кофейную ложечку и начал ею зачерпывать кофе и отправлять в рот! Ду Мэй рассмеялась и сказала, что так пить кофе не принято, это не элегантно, все будут смеяться. Когда они уже начали встречаться, она часто подтрунивала над ним из-за того случая. Она и не знала, что Чэнь Цзэво придавал ему большое значение, потому что именно этот случай лучше всего показывал разницу в их происхождении. Ду Мэй вспомнила, как он тогда сказал, что он – всего лишь сын крестьянина и не знает, как надо пить кофе. Именно эта простота и скромность привлекли в нем Ду Мэй. Но эти приятные воспоминания длились не долго. Пришел Чэнь Цзэво. Он сел и, с подозрением глядя на жену, спросил:

– Сегодня какой-то особенный день?

– Нет, обычный день. Возможно, мы запомним его навсегда. – Потом она добавила: – Давно я здесь не была.

Чэнь Цзэво почувствовал легкий укол совести.

– Столько лет прошло... А здесь все по-прежнему, ничего не изменилось.

Когда принесли два кофе, Ду Мэй сказала:

– Я по натуре человек прямой. Я пригласила тебя прийти,

потому что хочу кое о чем поговорить.

Чэнь Цзэво рассмеялся:

– Почему надо говорить здесь? Нельзя поговорить дома?

– Нельзя! – голос ее был холоден, на лице ни тени улыбки.

– Что случилось? Говори!

Ду Мэй ответила:

– Сегодня меня пригласил на обед Вэй Гунчжи.

– Ну, в этом нет ничего особенного, хоть он мне и не нравился.

Она продолжила:

– Он рассказал мне одну историю.

– Какую?

– Про то, как принца подменили кошкой.

Улыбка застыла на лице Чэнь Цзэво. Из всех сил сохраняя спокойствие, он произнес:

– Да, в детстве я тоже слышал эту историю про судью Бао.

– Вэй Гунчжи позавчера встречался с Чэнь Цзэво. Не с тобой, а с тем Чэнь Цзэво, торговцем. – Она продолжила: – В тысяча девятьсот двадцать втором году вы оба закончили одну и ту же школу, затем один поступил в университет, второй ни с чем вернулся домой и стал столяром. Таким образом, можно сказать, что в вашей группе или же в вашей параллели было два ученика по имени Чэнь Цзэво.

Судья Чэнь Цзэво боялся посмотреть ей в глаза и в панике опустил голову. Ду Мэй продолжала:

– Однако торговец Чэнь Цзэво утверждает, что у него в

параллели был только один Чэнь Цзэво – он сам!

Она собиралась сказать еще что-то, но муж перебил ее:
– Хватит, ни слова больше...

Он помолчал, а потом рассказал ей всю правду.

Правда оказалась именно такой, как она и подозревала, вот только она надеялась на другой результат, она надеялась, что муж даст ей какое-то разумное объяснение, ну, или кажущееся таковым. Однако то, что Чэнь Цзэво рассказал ей, она не хотела бы слышать. Факты, словно чугун, свалились на голову, а вместе с ними и целый ряд проблем. Столько лет она жила во лжи. Фамилия ее любимого мужа, отца ее ребенка, оказывается, не Чэнь, а Чжао. Она вспомнила, что, когда родился их сын, муж хотел, чтобы его фамилия была Чжао – якобы по фамилии его отца, потому что у него самого фамилия матери. Он тогда еще рассказывал ей, что, по его воспоминаниям, мать была сильной женщиной, а отец – молчаливым и малодушным. Все это на самом деле было ложью. И теперь юрист Вэй Гунчжи знает правду или догадывается и поэтому пригласил ее на обед. И тут возник следующий вопрос: что же ей теперь делать? Хотя сидящий перед ней человек обманул ее, да еще и делал это на протяжении многих лет, но она же любит его, и это – факт. У каждого человека есть тайны. Чэнь Цзэво скрывал свое прошлое, а она? Разве не скрывала она от него свое прошлое? До встречи с ним она была безнадежно влюблена, объект ее любви обладал высоким социальным статусом, положением в обществе

и был женат. За границу учиться она уехала, чтобы сбежать от этих чувств. Об этой истории она никогда никому не рассказывала. Человек, которого она любила, теперь занимает очень высокое положение и облечен властью. Но проблема не в этом. Проблема в том, что же ей теперь делать...

Чэнь Цзэво произнес:

– Все эти годы я жил, испытывая боль, под грузом этой тайны. Сейчас, когда я все рассказал, мне даже стало легче. То, что должно случиться, произойдет рано или поздно. Пусть буря будет еще яростней.

Он сказал, что теперь его будущее, их судьбы, судьба их брака и еще его дяди полностью в руках Ду Мэй.

Ду Мэй холодно ответила:

– И еще судьба Чэнь Цзэво.

Она покинула «Домик любви», так и не ответив на вопрос мужа, что же им теперь делать, потому что и сама не знала ответа на этот вопрос. Она шла по улице, вспоминая лишь одну фразу, сказанную Чэнь Цзэво в момент, когда она уже собиралась уходить: «А еще судьба сына». Ей так хотелось бы найти человека, чтобы излить душу, поделиться тем, что давило на сердце, и облегчить страдание. Но такого человека не было. Чэнь Цзэво беспокоился за нее, поэтому быстро расплатился и пошел следом. Ду Мэй взяла такси, оставив его позади. Водитель спросил, куда ее везти, но она словно оцепенела, а потом ответила:

– Езжайте пока просто прямо.

На ближайшем перекрестке со светофором таксист снова спросил, куда ехать. Она ответила:

– Не спрашивайте, просто поезжайте вперед.

Слезы постыдным образом текли по лицу, за столько лет, с самого момента расставания с тем человеком, она ни разу не плакала. Таксист вез ее сквозь море машин. Он понимал, что в жизни этой женщины произошло что-то печальное. У него было много таких клиентов. Примерно через полчаса он снова спросил, куда ехать. Она подумала о том месте, куда она может пойти, – ее родной дом, и назвала таксисту адрес. То было место, где она выросла, но теперь почти не бывала там. За эти годы из-за семьи, ребенка, работы она ездила туда лишь по праздничным и выходным дням и на дни рождения родителей. Лица ее папы и мамы засветились радостью при виде дочери, приехавшей столь внезапно. Однако очень скоро они поняли, что тут что-то не то. Ду Мэй плакала. Мама спросила, в чем дело, не поссорилась ли она с Чэнь Цзэво. Ду Мэй ответила, что нет, и пошла в свою комнату, в которой жила раньше и которую после свадьбы родители сохраняли для нее в прежнем виде. Она заперла дверь на ключ, упала на кровать, но слез уже не было.

Зазвонил телефон, но она, не глядя, отключила его. Утром, посмотрев на свое изможденное отражение в зеркале, она немного успокоилась, потом тщательно накрасилась. Ей надо было быть сильной, ни в коем случае нельзя было дать своим подчиненным, девушкам и юношам, увидеть, что

она плакала. В редакции она с преувеличенным воодушевлением поздоровалась с сотрудниками и начала собрание, посвященное выбору тем для статей. Она и не догадывалась, что ее показной душевный подъем, наоборот, открыл ее тайну всем. Одна юная журналистка, которая нравилась Ду Мэй и которую звали Бин Эр, тихо спросила:

– Что с вами?

Она округлила глаза:

– Ничего, все в порядке! А что со мной не так?

– Все не так!

Эта фраза, словно игла, проколола и выпустила воздух из ее наигранной бодрости.

Другой журналист, которого звали Шэн Нань, произнес:

– Говорят, что вот-вот состоится суд по делу об убийстве полицейского торговцем Чэнь Цзэво. Кто им будет заниматься?

Внезапно ей не удалось справиться с собой:

– Да кто хочет, тот пусть и занимается!

Сотрудники переглянулись, не понимая, какая муха ее укусила. Она почувствовала свою эмоциональную неустойчивость, успокоилась и сказала:

– Извините! Только что я... Кто этим делом занимался, тот пусть и продолжает.

Шэн Нань ответил:

– Раньше вы и Бин Эр занимались этим делом.

Она помолчала, размышляя, заниматься им дальше или

нет. Если да, то у нее будет больше возможности проявить инициативу, но, подумав о том, что придется сталкиваться с «тем человеком» – так она в мыслях теперь называла мужа, – с которым она не хотела встречаться, Ду Мэй не понимала, как ей следует поступить.

– Может быть, все-таки этим делом по-прежнему будете заниматься вы и Бин Эр? – предложил Шэн Нань.

Она ответила:

– Да, сейчас пусть пока будет так. А если нет, то еще раз созовем совещание.

После собрания она пребывала в растерянности. Завибрировал телефон – Вэй Гунчжи прислал сообщение о том, что послезавтра он снова пойдет к своему подзащитному Чэнь Цзэво, и спрашивал, не хочет ли она пойти вместе с ним. Если да, то он все организует. Ду Мэй ничего не ответила, а через несколько минут пришла вторая эсэмэска – Вэй Гунчжи снова прислал предыдущее сообщение. Она снова не ответила. Еще через пару минут раздался звонок от Вэй Гунчжи, но звонил он не на ее мобильный, а на номер редакции. Ду Мэй сняла трубку и сразу услышала голос Вэй Гунчжи. Он спросил, удобно ли ей сейчас разговаривать. Она сказала:

– А что случилось?

– Я тебе только что СМС присылал.

– Телефон лежит далеко, я не слышала.

Он услышал, что ее голос звучит несколько приглушенно, и понял, что, вероятно, причина этому – их вчерашняя бе-

седа, поэтому наигранно заботливо спросил:

– Ду Мэй, что с тобой? Заболела?

– Слегка простудилась, ничего страшного.

Вэй Гунчжи повторил то, что было написано в его сообщении, и спросил, не хочет ли она пойти. Ду Мэй не успела ответить, как он произнес:

– Тебе стоит пойти. Обязательно! Но если нет времени, то я договорюсь с твоей сотрудницей. В прошлый раз видел, что она с тобой занималась этим делом, вроде бы ее зовут Бин Эр, у меня есть ее номер телефона.

Вэй Гунчжи отрезал ей все пути к отступлению, деваться было некуда. Сейчас еще все можно было держать под контролем, но если на встречу пойдет Бин Эр, то контроль будет утрачен. Ду Мэй согласилась пойти вместе с Вэй Гунчжи. Повесив трубку, она вспомнила слово, которое только что всплыло в ее голове, – контроль. Сердце заныло.

Контроль. Контроль чего? Зачем он нужен?

Она не знала, она еще не понимала, как поступить, какую позицию ей следует занять. Она подумала о том, что надо все держать под своим контролем, контролировать количество осведомленных, чтобы их было как можно меньше. Позднее, когда все уже осталось в прошлом, Ду Мэй вспоминала свои чувства в этот момент: она представляла себя еще одним судьей Чэнь Цзэво. Конечно, это было уже потом. А в тот день она была как на иголках, непрерывно посматривала на телефон – она ждала звонка от мужа. Ей хотелось рассказать ему,

что ее опять пригласил Вэй Гунчжи, и вместе с ним проанализировать, что задумал Вэй. Но до самого окончания рабочего дня Чэнь Цзэво так и не позвонил. Домой она не поехала, но и к родителям тоже, а чтобы они не волновались за нее, сняла номер в гостинице по соседству с редакцией. Вечером Чэнь Цзэво так и не позвонил, и это обеспокоило ее. Она прекрасно его знала, все-таки столько лет вместе прожили. Обычно во время ссоры, кто бы ни был виноват, если Ду Мэй злилась, он всегда приходил мириться первым. Но сейчас его вина была столь велика! Уже прошел целый день, а он так и не позвонил. Если ему неловко и стыдно, то мог бы попросить сына позвонить. Тут она подумала, что можно самой позвонить сыну и расспросить его, но в итоге не стала этого делать. Она размышляла о том, какие цели преследует Вэй Гунчжи, приглашая ее на встречу с настоящим Чэнь Цзэво.

Правда выяснилась на следующий день. Ду Мэй и Вэй Гунчжи отправились на встречу. Это был третий раз, когда она увидела Чэнь Цзэво. Он сидел, отгороженный окном с решеткой, с наголо выбритой головой и одетый в синюю с белыми полосками форму заключенного. Казалось, что по сравнению с первой их встречей он стал намного бодрее. Тогда он был словно одеревеневший, с лицом, выглядевшим застывшей печальной маской. А сейчас он выглядел спокойнее, как будто уже принял решение о скорой смерти. Он выразил благодарность Вэй Гунчжи за помощь, но сказал, что

все равно виноват и вину его искупить можно только смертью. Он не желал сотрудничать и мечтал лишь о смерти, и тогда Вэй Гунчжи пришлось применить «метод умышленного раздражения с помощью возражений». Он произнес:

– Умереть легко! Но если вы умрете, то разве сможете искупить вину? Жить и проводить каждый день в покаянии – вот на это требуется настоящая смелость!

Но метод не дал желаемого результата. Чэнь Цзэво сказал, что не хочет жить, потому что постоянно страдает. И стоит ему подумать о том юноше, которого он убил, – и жить не хочется.

– Но если ты умрешь, что будет с твоими женой и детьми?

– Если я не умру, то все равно буду всю жизнь сидеть в тюрьме и помочь им не смогу, а стану для них лишь обузой.

Вэй Гунчжи не стал развивать эту тему, но затем намекнул Чэнь Цзэво, что председательствующий судья его полный тезка – тоже Чэнь Цзэво и, согласно проведенному Вэй Гунчжи расследованию, закончил с ним одну и ту же школу в один и тот же год. Вэй Гунчжи попросил его вспомнить, был ли в тот год ученик с таким же именем. Чэнь Цзэво ответил, что не было. Вэй продолжил:

– Насколько мне известно, в старшей школе вы были лучшим учеником, а в итоге даже в простой университет не поступили. Но если бы вы поступили в университет, вся ваша жизнь пошла бы по-другому.

Вэй Гунчжи полагал, что после такого намека его подопеч-

ный ухватится за эту спасительную соломинку. Однако Чэнь Цзэво покачал головой:

– То, что я не поступил в университет, – это судьба.

По окончании визита Ду Мэй не стала говорить о Чэнь Цзэво. Но каждая фраза Вэй Гунчжи гвоздями вбивалась в ее сердце. Она не понимала, чего он добивается, но, глядя на мечтающего о скорой смерти Чэнь Цзэво, не ощущала жалости к нему, а, наоборот, чувствовала свою собственную ничтожность. На обратном пути Вэй Гунчжи спросил, что она думает про его подзащитного. Ду Мэй промолчала. Тогда он сказал:

– Ты сегодня выглядишь сильно уставшей.

Ду Мэй снова не проронила ни слова. Тогда Вэй Гунчжи произнес:

– Ты же умный человек и сама понимаешь, что должна сделать выбор.

Не дождавшись ее ответа, он обрисовал свое видение ситуации:

– Если я не ошибаюсь, то мой подзащитный в прошлом поступил в университет, но твой муж, судья Чэнь Цзэво, выдал себя за него и стал учиться вместо него. И, насколько я понимаю, все это время он скрывал от тебя правду, а вчера рассказал об истинном положении дел.

По-прежнему не добившись реакции от Ду Мэй, Вэй Гунчжи продолжил:

– Возможно, ты пока не понимаешь, какой выбор тебе на-

до сделать. Если всплывет тот факт, что в свое время вместо моего подзащитного кто-то другой поступил в университет, я не сомневаюсь, что это вызовет большой резонанс в обществе, а также сочувствие председательствующего судьи и коллегиального состава суда. Я на девяносто процентов уверен, что тогда его не приговорят к немедленной смерти, а дадут пожизненное или приговорят к смертной казни с отсрочкой приговора. И таким образом карьера твоего мужа будет загублена, семья ваша, да и вся твоя жизнь будут разрушены. Но семья пострадавшего предъявила кроме уголовного еще и гражданский иск в прокуратуру против моего подзащитного. Они требуют двести тысяч юаней в качестве материальной компенсации. Ты же знаешь, что он был их единственным сыном, да и возраст у них уже немолодой, им нужно обеспечить свою старость. Если судить по материальному положению моего подзащитного, то он не то что двести тысяч, он и двадцати тысяч не осилит, а если заставить его платить компенсацию, то его семья окажется в безвыходном положении.

Вэй Гунчжи добавил, что даст Ду Мэй с мужем шанс искупить свою вину – заплатить эти двести тысяч. Он сказал ей, что не хочет навредить, а хочет помочь ей, ведь его подзащитный уже приготовился к неизбежной смерти:

– Мне кажется, твой муж, великий судья, испытывает ко мне антипатию. Думаю, нам стоит всем вместе посидеть, поговорить, чтобы улучшить отношения. Если ты не возража-

ешь, то завтра вечером я закажу отдельный кабинет в ресторане Цзиньчао.

Всю дорогу говорил лишь Вэй Гунчжи, Ду Мэй понимала, чего он добивается. Его предложение было вполне подходящим вариантом, чтобы все уладить. Но если так, то она, Ду Мэй, больше не будет «чистым», честным человеком. Она наконец приняла решение; быть пособницей ей не хотелось, но и когда-то любимого мужа посылать в суд – тоже. Она знала, что он много лет мучился угрызениями совести, его терзало раскаяние и он изо всех сил стремился стать хорошим судьей именно для того, чтобы искупить свою вину. Сейчас она решила просто отойти в сторону, остаться всего лишь наблюдателем. Поэтому, когда Вэй Гунчжи позвонил ей, чтобы подтвердить их встречу с судьей Чэнь Цзэво вечером, она сказала:

– Если хочешь, сам ему назначай встречу, я устала, не хочу участвовать в этом.

– Не придешь – и хорошо, только помоги мне договориться о встрече с твоим мужем. Я пришлю тебе адрес.

Вэй Гунчжи прислал ей адрес, а она переслала его Чэнь Цзэво.

Получив СМС, Чэнь Цзэво сразу же позвонил Ду Мэй. Эта эсэмэска стала для него лучом надежды во мраке тупика, будто утопающий в последний момент увидел спасительную соломинку. Эти два дня тянулись для него словно тысяча лет. Вначале, когда жена заставила его выложить все

начистоту, он разволновался, не находил себе места, сердце его билось, словно муравей на раскаленной сковороде. Он понимал, что жена не простит его, что все эти годы тщательно охраняемая им жизнь вот-вот исчезнет. Положение в обществе, репутация, состояние, семья и даже спокойные годы старости его дяди... Он мог остаться ни с чем, превратиться в такого же, как и торговец Чэнь Цзэво. В его душе поселились ужас и тревога. Когда он успокоился, то стал анализировать ситуацию: жена любит его, и, хотя она журналист, который не боится смелых высказываний, он верил, что она не отдаст его под суд. Так в его сердце забрезжила надежда. Но тут он вспомнил, что Вэй Гунчжи говорил с Ду Мэй, а это значит, что он – еще один человек, который в курсе ситуации. При мысли о Вэй Гунчжи Чэнь Цзэво снова впал в отчаяние. Он пожалел, что, когда тот захотел наладить с ним отношения, он, Чэнь Цзэво, не пошел ему навстречу. В те годы он хотел стать хорошим судьей, своей усердной работой искупить вину, а связавшись с Вэй Гунчжи, и думать нечего о том, чтобы остаться чистым. И действительно, впоследствии Вэй обращался к нему по одному делу, на котором Чэнь был судьей-председателем. Обвинялся местный богач, а Вэй Гунчжи был одним из членов команды адвокатов. Вэй пригласил тогда Чэнь Цзэво на встречу, но тот ответил: «Если у вас ко мне какое-то дело, давайте встретимся в моем кабинете. Как судья-председатель я по закону не имею права встречаться частным образом с адвокатами обеих сторон».

Вспомнив это, Чэнь Цзэво понял, что сейчас его судьба в руках не его жены, а Вэй Гунчжи. Тут он подумал: «Хватит! Что должно, то рано или поздно случится». И он успокоился. В этот момент он подумал о торговце Чэнь Цзэво, у него даже возник порыв пойти навестить его.

И в этот момент Ду Мэй внезапно прислала СМС. И пусть это был всего лишь адрес, но это значило, что она все еще дорожит их многолетними чувствами. Он тут же позвонил ей, его голос дрожал, но Ду Мэй была спокойна. Она холодно сказала ему, что кое-кто хочет с ним встретиться сегодня вечером. Чэнь Цзэво спросил, кто именно. Ду Мэй ответила: – Придешь – узнаешь! – И повесила трубку.

Чэнь Цзэво даже не предполагал, что с ним хочет встретиться Вэй Гунчжи. В маленькой комнате ресторана были только они вдвоем. Лицо Вэй Гунчжи при виде Чэнь Цзэво засветилось улыбкой, он подошел, чтобы пожать ему руку, и сказал, что этот ресторан принадлежит его другу, поэтому тут удобно разговаривать. Еда уже была заказана, чай разлит. Вэй Гунчжи распорядился, чтобы официант не входил без его указания, затем предложил Чэнь Цзэво сигарету, а когда тот взял ее, хотел помочь прикурить, но Чэнь Цзэво ответил, что справится сам. Они выкурили по две сигареты. Потом Вэй Гунчжи сказал:

– Мы можем не ходить вокруг да около. – И он рассказал обо всем, что знает.

Чэнь Цзэво выслушал и ответил:

– Господин Вэй, вы позвали меня, чтобы сообщить об этом? Я не отрицаю своей вины и уже подготовился к расследованию.

Однако Вэй Гунчжи рассмеялся:

– Судья Чэнь, вы напрасно меня обвиняете, я вас пригласил не для того, чтобы причинить вам зло, а чтобы помочь! Мы с Ду Мэй учились вместе, а еще мы друзья, разве ж я могу навредить вам?

– Помочь? Чем помочь?

Вэй Гунчжи изложил свои соображения. Если об этом деле не расскажут Ду Мэй, он сам или его подзащитный, то никто и не узнает. Ду Мэй – жена судьи Чэнь Цзэво, естественно, у нее нет причин говорить об этом кому бы то ни было. А что касается его подзащитного, то можно сделать так, чтобы тот тоже молчал. Он пояснил, что родители полицейского У Юна подали еще и гражданский иск, а материальное положение его подзащитного не дает ему никакой возможности оплатить сумму по этому иску. Поэтому он предлагает, чтобы судья Чэнь Цзэво дал необходимые деньги. А Вэй Гунчжи, естественно, никому об этом не скажет. Так он сможет прийти к консенсусу с подзащитным, и семья погибшего получит компенсацию. Получив деньги, они уже не будут столь яростно настаивать на высшей мере наказания. Находясь в таких трудных материальных условиях, торговец Чэнь Цзэво удовлетворит гражданский иск, и хотя это нельзя считать каким-то выдающимся поступком, он все равно расположит

судей к себе. Такой результат удовлетворит всех: семья пострадавшего получит материальную компенсацию, его подзащитный – более легкое наказание, а судья Чэнь Цзэво продолжит свою судейскую карьеру.

Чэнь Цзэво спросил:

– А что получите вы, господин Вэй?

Вэй Гунчжи рассмеялся:

– Естественно, я тоже от этого выиграю. Ведь именно я добьюсь более мягкого наказания для моего клиента, а дело это будет широко освещаться в прессе. Но самое важное, что мы с вами станем друзьями.

Как говорится в одном древнем стихотворении, «Высятся горы и реки сплелись – кажется, нет пути; Ивы тенисты и ярки цветы – но за ними деревня стоит»³⁹. Словно свет забрезжил в конце тоннеля. Судья Чэнь Цзэво внезапно почувствовал, что мир вокруг снова стал прекрасен. Только... тут он вспомнил, что он – председательствующий судья и носит то же имя, что и подсудимый, а дело это будет широко освещаться в прессе. С Ду Мэй-то проблем не будет, но трудно гарантировать, что другие журналисты не разнюхают какую-нибудь информацию. Это мучило его все эти дни, но он не находил решения. Вэй Гунчжи помолчал и произнес:

– Вы никак не можете придумать способ отказаться от этого дела?

– Ничего не поделать, извещение о слушании уже разо-

³⁹ Строки из стихотворения поэта эпохи Сун (960-1279) Лу Ю (1125–1210).

слано. Я и с начальником уже говорил, но у меня нет разумной и веской причины для отказа.

Вэй Гунчжи подумал и сказал:

– Это легко. Если истец заявит, что у вас и ответчика есть родственные связи, то это будет рациональным основанием просить, чтобы вам дали отвод.

– Но мы не родственники с подсудимым. К тому же это создаст дополнительные сложности.

Вэй Гунчжи рассмеялся:

– Господин судья, вы вроде умный человек, но тут что-то разом поглупели. С моим подзащитным вы не родственники, но со мной-то, адвокатом ответчика, у вас есть практически родственные связи.

После этих слов Вэй Гунчжи судья Чэнь Цзэво понимающе улыбнулся, с его плеч словно гора упала. Вэй продолжил:

– Положитесь на меня в этом деле.

И действительно, суд очень скоро получил прошение юриста семьи У Юна об отводе судьи Чэнь Цзэво на том основании, что у него имеются тесные связи с адвокатом торговца Чэнь Цзэво.

Судья Чэнь Цзэво не рассказал Ду Мэй об их совместном с Вэй Гунчжи плане, а она и не спрашивала. Он звонил ей, чтобы уговорить вернуться домой, сказал, что сын очень скучает, но она холодно ответила, что сейчас занята, и повесила трубку. Из-за смены председательствующего судьи слушание было отложено на пару дней. В это время Чэнь Цзэ-

во несколько раз порывался ехать за женой, но каждый раз отказывался от этой идеи до того момента, как пройдет суд и все уляжется. Он понимал, что она сейчас разгневана, и ждал, когда она успокоится. Каждый вечер он просил позвонить маме, чтобы тронуть ее сердце любовью. Сыну он, естественно, сказал, что мама уехала в командировку. Чэнь Цзэво знал, что Ду Мэй ни при каких обстоятельствах не бросит сына. Более того, она так и не рассказала никому правду, да еще и помогла Вэй Гунчжи договориться о встрече с ним, а это значит, что она помогает ему. «Чувства мужа и жены длятся долго», для них нет непреодолимых преград. Он вспомнил одно древнее высказывание: «Когда лодка подойдет к концу пристани, она поплывет прямо вместе с потоком» – и подумал, что все уладится и будет хорошо. Чэнь Цзэво несколько раз созванивался с дядей Чэнь Гэнъином, который беспокоился за племянника, опасаясь, что тот допустит какую-нибудь оплошность. Чэнь Гэнъинь спросил, не нужна ли ему помощь, не надо ли привлечь какие-нибудь связи – связи сына или учеников. Чэнь Цзэво ответил:

– Не стоит. Все скоро закончится!

– Ну, тогда я спокоен.

Только в тот день, когда начались слушания, Ду Мэй узнала, что ее муж больше не председатель на этом суде. До этого момента она все время беспокоилась о нем. На слушания она не пошла, а отправила вместо себя свое доверенное лицо – Бин Эр, а сама ждала ее в редакции. Из рассказа Бин Эр она

узнала, что председатель на процессе – не ее муж, и на какое-то мгновение испытала облегчение, словно камень с души упал. Но тут же ощутила давление нового камня. Она не знала, каким образом муж смог взять отвод, но чувствовала и свою вину в этом деле. Приговор не был объявлен прямо в зале суда. Бин Эр написала статью, а Ду Мэй, когда ее правила, внесла в абсолютно объективный текст свои поправки, которые совершенно очевидно были направлены на поддержку торговца Чэнь Цзэво; она пыталась докопаться до социальных причин произошедшей с ним трагедии. Закончив, она почувствовала некоторое успокоение. В ожидании приговора она молилась каждый день. Ду Мэй знала, что если торговцу вынесут смертный приговор, то она не будет знать покоя до конца своих дней. Коллеги, обсуждая возможные сценарии окончания этого дела, склонялись к тому, что ему дадут пожизненное или вынесут смертный приговор, но с отсрочкой исполнения. Никто не мог и предположить, что во время ожидания вынесения приговора в городе произойдет еще одно убийство: один мужчина убил трех полицейских в участке. Эта новость приковала к себе всеобщее внимание. И хотя два дела никак не были связаны между собой, но это убийство повлияло на решение по делу торговца Чэнь Цзэво. Его приговорили к смертной казни и обязали выплатить семье погибшего сто тысяч юаней. Подавать апелляцию он не стал. Позднее люди, которые были в курсе происходившего, говорили, что коллегиальный суд собирался пригово-

рить Чэнь Цзэво к смертной казни с отсрочкой наказания и выплате компенсации в размере двухсот тысяч юаней. Однако из-за этого убийства полицейских они изменили свое решение. Сверху было дано указание судить по всей строгости закона.

Из-за этого неожиданного результата на душе у судьи Чэнь Цзэво было тяжело. Вэй Гунчжи встретился с ним и пытался объяснить, что тут нельзя никого винить, ведь они сделали все, что было в их силах. Но кто же знал, что произойдет такое убийство? Он понимал, что Ду Мэй еще не простила Чэнь Цзэво, и спросил:

– Хотите, чтобы я стал посредником между вами?

Чэнь Цзэво с благодарностью произнес:

– Вы, господин Вэй, и так уже помогли в этом деле. И хотя результат вызывает некоторое сожаление, но его можно принять.

Вэй Гунчжи тут же при Чэнь Цзэво набрал номер Ду Мэй и сказал, что сейчас обедает с судьей Чэнь Цзэво и тот очень расстроен, а также добавил, что он надеется, что она простит мужа и вернется домой. На что Ду Мэй холодно ответила:

– Передай ему, что когда придет время, тогда и вернусь.

В этот период Ду Мэй постоянно испытывала душевную боль. Тот предлог, который придумал судья Чэнь Цзэво для собственного успокоения, в ее случае не работал. Она считала, что погубила торговца Чэнь Цзэво, и хотя не она была прямым исполнителем, но принимала в этом участие и

ее можно считать пособницей. Она не могла простить себя, хоть и пыталась, как пыталась простить и Чэнь Цзэво. Иногда она даже раздумывала, как исправить положение. Если бы она была такой смелой и вынесла на всеобщее обозрение тайну судьи Чэнь Цзэво, то, возможно, в процессе произошел бы перелом и это дело снова привлекло бы внимание публики, из-за чего приговор могли пересмотреть. Если бы она обладала такой смелостью, то давно уже так поступила бы. Но такой смелости у нее не было. Ду Мэй имела мужество осуждать саму себя, переосмысливать свои действия, но не осмеливалась предпринять реальные шаги. В эти дни она металась между двумя крайностями. В один день верх брала идея исправить положение, она писала статью на эту тему, но на второй день решимость отправить статью испарялась, и она стирала ее из компьютера. А потом она снова начинала осуждать себя и раскаиваться. Ду Мэй не могла вынести этих повторяющихся мучений, в ней что-то надломилось, и она начала искать забвения в вине. Каждый день после работы она приглашала подчиненных вместе поужинать и выпить. На работе знали, что она уже много дней не живет дома, и полагали, что у нее проблемы в отношениях с мужем, но не знали, чем ее утешить. Вернувшись в гостиницу, она не могла уснуть, сидела и курила, в итоге на ее губах даже образовались маленькие язвочки. Она постоянно вспоминала, как познакомилась с Чэнь Цзэво, как развивались их отношения, как они поженились и родили ребенка, вспоминала каждый

день, прожитый с ним за эти годы. Если бы не случившееся, то он так и оставался бы ее идеальным мужем: без вредных привычек, честный и порядочный, заботившийся о семье, не слишком романтический, но производивший впечатление надежного человека. Но сейчас она испытывала отвращение при мысли о том, что столь любимый ею человек, оказывается, выдавал себя за другого, и за его порядочностью скрывалось такое неприглядное прошлое. Если бы ей был противен только сам Чэнь Цзэво, это еще можно было бы вытерпеть, но ей была противна она сама в этой ситуации. Нынешняя Ду Мэй была далека от идеальной Ду Мэй в ее представлении. Она всегда полагала, что является честным и порядочным человеком, а также журналистом, который имеет мужество раскрывать истинное положение дел. Но оказалось, что она вовсе не такая возвышенная и прекрасная, как ей самой казалось. Поэтому она испытывала к самой себе такое же отвращение, как и к судье Чэнь Цзэво. Только сейчас она поняла, почему Чэнь Цзэво в свое время говорил о «моральной удаче» – он просто искал оправдание своей темной истории.

Ду Мэй не могла оправдать себя при помощи концепции «моральной удачи». И вот на тридцать шестом году жизни она поняла, что не является смелым человеком, что она все время от чего-то уклоняется. Чэнь Цзэво звонил ей, даже ходил к ее родителям в надежде, что жена вернется домой. Но она пока не могла посмотреть ему в лицо; вплоть до то-

го момента, пока не вышло извещение об итоге пересмотра дела Чэнь Цзэво. В день его казни Ду Мэй по-прежнему испытывала те же мучения, но знала, что уже поздно. Возможно, понятие «моральной удачи» могло бы реабилитировать судью Чэнь Цзэво, но она не могла найти такого оправдания для самой себя. На следующий день после казни Ду Мэй вернулась домой, где так давно не была. Ее собственный дом и сильно исхудавший муж показались ей совершенно чужими. Она тоже похудела, отчего Чэнь Цзэво почувствовал угрызения совести. Он произнес:

– Мэймэй, ты вернулась? Вот и хорошо! Прошлое пусть остается в прошлом. – Он раскрыл объятия и заключил в них Ду Мэй.

И тут Ду Мэй заплакала. За все это долгое время, когда ей было больно, она пила, но ни разу не плакала.

– Не плачь! Мы не будем плакать!

Но Ду Мэй продолжала плакать:

– Чэнь Цзэво умер! Это мы убили его!

Руки судьи Чэнь Цзэво, обнимавшие Ду Мэй, словно одеревенели. Через какое-то время он сказал:

– Это я убил Чэнь Цзэво, к тебе это не имеет никакого отношения!

Ду Мэй оттолкнула его и достала из сумочки соглашение о разводе:

– Давай разведемся!

Когда Чэнь Цзэво получил ее СМС о том, что она возвра-

щается домой, радости его не было предела. Он позвонил дяде, который беспокоился из-за кризиса брака племянника, и поведал ему эту радостную весть. Он специально пораньше вернулся домой, чтобы приготовить те блюда, которые любила Ду Мэй. Он полагал, что все закончилось. Хотя у них обоих появились шрамы в душе, но он верил, что со временем все постепенно сотрется из памяти. Он не предполагал, что Ду Мэй сразу по возвращении домой заставит его поставить подпись под соглашением о разводе! Он взял документ в руки, и лицо его посерело. Зная Ду Мэй, он понимал, что это – результат ее долгих и глубоких размышлений. Спустя какое-то время он сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.